М. Т. ПАНЧЕНКОВА

Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860—1861 гг.

32Н(4Ч)
П-17
№62

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ
ИНСТИТУТ

М. Т. ПАНЧЕНКОВА

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И СИРИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1860—1861 гг.

152557

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

Гос. публичная библиотека

Ответственный редактор
И. М. СМИЛЯНСКАЯ

Индекс 1-11-1
47-66

ПРЕДИСЛОВИЕ

Середина прошлого столетия характеризуется активной колониальной экспансией капиталистических государств. Усиление колониальной агрессии было связано с успехами промышленного производства.

Внутренний рынок оказывался слишком узким для растущей промышленности, и капиталисты прибегали к оружию, чтобы приобрести новые рынки и источники сырья. Не последнее место в колониальной политике занимали и стратегические планы.

Нередко войска посылались под благовидным предлогом оказания помощи местным властям в установлении «порядка» или «защиты прав» европейских резидентов. Пребывание войск в отсталой в экономическом отношении стране помогало капиталистической державе укрепить там свое влияние и нередко являлось началом колониального закабаления облюбованной территории.

Колониальные захваты сопровождались острым соперничеством между так называемыми великими державами.

Основными противниками были две капиталистические, наиболее развитые колониальные державы — Англия и Франция. Соперничество между ними проявлялось в это время в различных частях земного шара — в Африке, Латинской Америке, на Дальнем и Ближнем Востоке.

Французская буржуазия стала набирать темпы колониальной агрессии в годы Второй империи. Бонапартистское правительство, стремясь удовлетворить агрессивные устремления французской буржуазии, проводило активную колониальную экспансию. Но оно преследовало при этом еще одну цель — колониальная война должна была сыграть роль отдушины каждый раз, когда сгущалась политическая атмосфера в стране. Раздуваемый шовинистический угар, обещания материальных благ от захвата колоний, победоносные военные сводки — все это использовалось для того, чтобы отвлекать народ от внутриполитических задач.

Приступить к активной экспансии правительство Наполеона III смогло после Парижского мира 1856 г., когда Франция добилась гегемонии в Европе и укрепила свои позиции на Средиземном море — этом важном торговом и стратегическом пути XIX в.

В колониальной политике Второй империи наряду с войнами против Китая, Индокитая и грабительским походом в Мексику значительное место занимала Сирийская экспедиция 1860—1861 гг.

Сирийская политика Наполеона III еще не являлась предметом специального исследования советских историков. Настоящий труд преследует цель осветить политику Франции на Ближнем Востоке после Крымской войны и исследовать историю Сирийской экспедиции. Автор стремился уяснить, какими путями шло проникновение европейского капитала в Сирию, какие методы применялись европейскими державами для закабаления этой страны.

Необходимо было проследить зарождение в Сирии и Ливане национально-освободительного движения, направленного как против турецкого феодального гнета, так и против европейских эксплуататоров. Однако автор не ставил себе целью подробно осветить внутреннюю жизнь Сирии и Ливана и, в частности, антифеодальную борьбу арабского народа, что является темой самостоятельного исследования. Фактический материал, связанный с этими вопросами, привлекался, поскольку нужно было показать, какое влияние оказывало развитие этих турецких провинций на международную политику европейских держав.

В нашу задачу входило также выявить причины организации Сирийской экспедиции и раскрыть на ее примере подлинные, захватнические цели колониальной политики Наполеона III.

Изучение Сирийской экспедиции, вызвавшей обострение восточного вопроса, поставило автора перед необходимостью выяснить основные направления политики европейских держав на Ближнем Востоке после окончания Крымской войны. Большое внимание в данной работе уделено рассмотрению международных противоречий, прежде всего противоречий между Англией и Францией. Изучение острой англо-французской борьбы за господство в Османской империи дает ключ к пониманию причин провала для Франции Сирийской экспедиции.

Значительное место в работе отводится истории франко-русских отношений в исследуемый период. В этой связи следовало поставить вопрос о подлинных причинах неудачи заключения франко-русского союза, переговоры о котором велись накануне и в период Сирийской экспедиции. В необходимых случаях автор касался также отношений России с Англией, Австрией и Пруссией.

Наконец, в настоящей монографии предпринята попытка критически проанализировать буржуазную историографию, которая грубо искажает характер политики западноевропейских держав в Турции и фальсифицирует причины и цели Сирийской экспедиции.

ГЛАВА I

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС (1856—1860 гг.)

Позиция держав после Крымской войны. Борьба по вопросу об объединении Дунайских княжеств. Англо-французские противоречия в Суэце. Бонапартистские планы раздела Османской империи. Переговоры о франко-русском сближении в 1860 г. и усилия русской дипломатии добиться пересмотра Парижского трактата

Крымская война не могла ликвидировать противоречий между державами на Ближнем Востоке и Средиземном море. Для европейской дипломатии восточный вопрос продолжал оставаться одним из наиболее острых и сложных. Как известно, восточный вопрос возник в связи с начавшимся распадом Османской империи и борьбой европейских держав за раздел ее территорий. В первую очередь эта борьба коснулась европейских владений империи, но уже с конца XVIII в. пристальное внимание некоторых европейских государств стал привлекать Египет, а с середины XIX в. и Сирия. Сирийская проблема, возникшая в связи с попыткой Наполеона III захватить Сирию в 1860 г., таким образом, стала составной частью восточного вопроса. Для понимания позиции, которую заняли державы в период Сирийской экспедиции, важно выяснить основные направления их восточной политики в годы, последовавшие за Крымской войной. Политика Англии в восточном вопросе после Крымской войны оставалась неизменной. Англия по-прежнему отстаивала «целостность» и «неприкосновенность» Османской империи. Такая позиция определялась главным образом экономическими интересами английской буржуазии. Процветание английской ближневосточной торговли во многом зависело от того, кому принадлежат Константинополь и Черноморские проливы. Англия желала, чтобы они были в руках турецкого правительства, находившегося под ее влиянием. Весьма осведомленный сотрудник английского консульства в Бейруте, изучавший торговые связи Турции в середине XIX в., Л. Фарли писал: «Наша заинтересованность в Турции связана с тем, что она лучший

покупатель (которого мы когда-либо имели) нашей продукции и наших товаров. Кроме того, мы ее кредитор» [1]. Внешнеполитический курс Англии направляли Пальмерстон, Кларендон и Рассел, о которых К. Маркс говорил, что они олицетворяют «бесславное царство... низких, раболепных и бесчестных почитателей veau d'or» [2] (золотого тельца).

Не меньшее значение во внешнеполитических планах Англии имело и стратегическое положение таких провинций Османской империи, как Египет и Сирия.

Превращение Англии в крупнейшую азиатскую колониальную державу (после захвата Индии в XVIII в.) выдвинуло на первый план английской внешней политики задачу обеспечения своих коммуникаций с Индией. Существенным звеном в этих коммуникациях были арабские владения султана. Поэтому английская буржуазия была жизненно заинтересована в том, чтобы Египет и Сирия не попали в сферу влияния соперников Англии на Ближнем Востоке или не стали объектом их захвата. Господство Англии в Восточном Средиземноморье могло облегчить ей захватническую политику в Азии, Африке и Европе. Район Черноморских проливов в случае надобности явился бы опорным пунктом для нападения на южные границы России. Одним словом, английское правительство связывало проблему господства в Восточном Средиземноморье с борьбой за установление своей мировой гегемонии.

Надо заметить, что политика Англии в отношении Турции противоречила объективной исторической тенденции — распаду феодальной Османской империи. «Сохранить в Турции status quo! — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в 1853 г.— С подобным же успехом можно было бы попытаться приостановить на определенной стадии гниение трупа павшей лошади и предотвратить его полное разложение. Турция разлагается и будет все больше разлагаться, пока продолжает существовать нынешняя система „равновесия сил" и сохранения status quo» [3]. Оказывая поддержку султану в подавлении антитурецкого и антифеодального движения, английское правительство как бы защищало турецкие «права» на эксплуатацию и угнетение нетурецких народов империи.

Важнейшей политической целью английского правительства в Константинополе было установление своего преобладающего влияния при дворе султана. Уже накануне Крымской

[1] L. Farley, *Modern Turkey*, p. 193.

[2] К. Маркс, *Западные державы и Турция.—Надвигающийся экономический кризис. — Железнодорожное строительство в Индии,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 327.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, *Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция,* — там же, стр. 5.

войны Англия приобрела исключительное влияние в Константинополе, и это положение сохранялось и в последующие годы. Достаточно вспомнить долголетнюю деятельность английского посла в Константинополе Стрэтфорда-Рэдклиффа [4], влияние которого на правительство султана было чрезвычайно велико. Стрэтфорда-Рэдклиффа называли «хозяином Стамбула», а его «школа» и после его отставки долго давала себя знать. Когда в 1861 г. умер Абдул Меджид, русская печать отметила, что этот султан в течение своего двадцатилетнего правления «всецело руководствовался английской политикой» [5].

Политика Англии в отношении Турции получала поддержку и одобрение Австрии. Ряд обстоятельств создавал общность во внешнеполитическом курсе обоих государств. Заинтересованная в господстве на Балканах, Австрия, так же как и Англия, боялась раздела владений Турции. Хотя австрийское правительство, подобно английскому, не было полностью удовлетворено условиями Парижского мирного договора, его пересмотра оно не желало. Австрийские господствующие классы чрезвычайно опасались возрождения русского влияния на Ближнем Востоке.

Существование Габсбургской монархии расценивалось английской дипломатией как необходимое условие для поддержkist atus quo на Востоке и для «европейского равновесия». Англия желала видеть Австрию достаточно сильной, чтобы она могла противостоять другим крупнейшим европейским державам. Это ясно высказал руководитель внешней политики Англии Пальмерстон в 1858 г., когда Наполеон III готовился к войне против австрийцев в Италии. «Если Австрия будет расчленена, — писал Пальмерстон, — Франция и Россия придут к соглашению через голову Германии и тогда независимость Европы будет потеряна» [6]. Под «потерей независимости Европы» Пальмерстон подразумевал утрату руководящей роли Англии среди европейских держав.

Расчет английского правительства при его поддержке монархии Габсбургов основывался на том, что ослабленная революцией 1848 г. Австрия не могла вести завоевательной политики в Центральной Европе. Таким образом, в решении восточного вопроса Англия могла рассчитывать на Австрию как на своего естественного союзника.

При проведении ближневосточного курса усилия этих держав были направлены к тому, чтобы заручиться поддержкой Пруссии.

[4] Стрэтфорд-Рэдклифф, известный также под именем Стрэдфорд-Каннинг, занимал пост посла в Турции с 1841 по 1858 г.

[5] Ж. Лефрень, *Политика*, стр. 2.

[6] «Secrets of the Second empire...», p. 175.

Пруссия во многих вопросах международной политики следовала за Австрией. Впоследствии Бисмарк с горечью отмечал, что во время Крымской войны Пруссия не вела «никакой внешней политики», имея в виду самостоятельную политику [7].

Бисмарк, ставший уже во второй половине 50-х годов одним из виднейших прусских дипломатов, высказывался за необходимость ослабления традиционных связей с Австрией. В 1857 г., будучи прусским уполномоченным во Франкфуртском сейме, Бисмарк подал главе прусского правительства Мантейфелю [8] записку, в которой выдвигал план союза с Францией, направленного против Австрии. Эта идея вызвала полное осуждение со стороны прусского политического руководства. Резко отрицательно отозвался о записке влиятельный при прусском дворе генерал Герлах, который заявил, что в ней нет «ни принципа, ни цели». Герлах считал, что если Пруссия пойдет за Наполеоном, то она окажется «привязанной к его повозке», станет орудием его политики, а затем будет им же уничтожена [9]. Столь же враждебно были встречены в Берлине планы Бисмарка относительно сближения с Россией, планы, вынашиваемые им с того времени, когда он занимал пост прусского посла в Петербурге (1859—1862). Ярый сторонник союзнических отношений с Габсбургами, прусский принц Вильгельм [10] усматривал в наметившемся после Парижского мира франко-русском сближении подготовку коалиции против Австрии. Единственным средством против этой коалиции, которая, по его словам, была бы гибельной для Германии, являлось укрепление содружества трех стран — Пруссии, Австрии и Англии [11].

Следовательно, во всех вопросах международной политики, и в том числе в восточном, австрийская дипломатия имела на своей стороне Пруссию. Лишь в редких случаях прусское правительство, боясь ссориться со своим могущественным восточным соседом, проявляло стремление найти решение, приемлемое и для России.

Пассивность прусской политики на Ближнем Востоке определялась, помимо того, незначительностью торговых интересов Пруссии в пределах Османской империи. В период по-

[7] О. Бисмарк, *Мысли и воспоминания*, т. I, стр. 134.

[8] О. Мантейфель — председатель совета министров и министр иностранных дел Пруссии с 1850 по 1858 г.

[9] B. Poschinger, *Preussens auswärtige Politik 1850—1858*, Bd III, S. 351.

[10] Принц Вильгельм в октябре 1858 г. в связи с болезнью короля Фридриха Вильгельма IV стал регентом, а в 1861 г. — королем Пруссии.

[11] B. Poschinger, *Preussens auswärtige Politik 1850—1858*, Bd III, S 374.

литической раздробленности Германии промышленность Пруссии развивалась очень медленно. Продукция мелких предприятий находила сбыт на внутренних рынках, и перед прусской буржуазией еще не стояли задачи расширения внешних и, в частности, восточных рынков. Ввиду слабости своей военно-экономической базы и отсутствия флота прусское правительство вообще не могло принять участия в борьбе за колониальный раздел мира. И хотя отдельные глашатаи прусского национализма и шовинизма 40-х годов XIX в. во главе с реакционным экономистом Фридрихом Листом и вели пропаганду захвата колоний и похода на Восток, эти ранние планы немецкой экспансии строились на весьма шаткой материальной основе.

Если позиция Англии и Австрии по отношению к Турции после Крымской войны оставалась прежней, то в общем направлении восточной политики Франции произошли заметные изменения. В войне 1853—1856 гг. Наполеон III выступал, как известно, в союзе с Англией, поддерживая лозунг «неприкосновенности» Османской империи.

Подписав Парижский договор, французский император более не считал нужным демонстрировать заботу о целостности Османской империи.

После Крымской войны по своему политическому влиянию и военной мощи Франция выдвинулась на роль первой державы континента. Правительство Наполеона III стало осуществлять кипучую деятельность, направленную на расширение границ империи, приобретение новых рынков сбыта и источников сырья. К захватнической политике Наполеона III толкала крупная французская буржуазия, которая в середине XIX в. была уже большой экономической силой. В 60-е годы во Франции завершался промышленный переворот. Быстрыми темпами стала развиваться тяжелая промышленность, в частности судостроение, прокладывались железные дороги [12]. Благодаря государственным займам, правительственным субсидиям и концессиям неслыханно обогащалась банковская олигархия. Ф. Энгельс отмечал, что Наполеон III «подчинил политику интересам капиталистической наживы и биржевых махинаций» [13]. Это в полной мере относится как к внутренней, так и внешней политике Второй империи.

В планах колониальной экспансии бонапартистов захват восточных рынков занимал важное место. Для Второй империи, так же как и для Июльской монархии (1830—1848), в

[12] См. Э. А. Желубовская, *Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции.*

[13] Ф. Энгельс, *Роль насилия в истории,* — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 428.

общем комплексе восточного вопроса основным был вопрос о Египте и Сирии. Установление монопольного влияния в этих странах, а затем и присоединение их к Французской империи в качестве колоний стало целью бонапартистского правительства. Новые тенденции в политике Франции не остались скрытыми от правящих кругов Турции. Видный деятель Османской империи Фуад-паша [14] в своем политическом завещании Абдул Азизу, составленном в 1862 г., писал, что наполеоновское правительство может выступить инициатором раздела владений султана [15].

Наполеон III поддерживал целостность Османской империи лишь в том случае, если речь шла о сохранении турецкого господства в европейских областях, т. е. над балканскими народами, которым покровительствовала Россия. Франция стремилась не допустить установления в европейской части Турции господства соперничавшей с ней державы. Эта политика не распространялась, пожалуй, на Дунайские княжества, где престиж Франции после Крымской войны был очень велик и где в случае их отделения от Турции Наполеон III рассчитывал удержать свои позиции. В то же время французская буржуазия искала возможность захватить североафриканские или малоазиатские владении турецкого султана.

Сильная французская буржуазия, вступившая на путь колониальной агрессии, стала для английских правящих классов весьма серьезным конкурентом в борьбе за раздел мира. В конце 50 — начале 60-х годов XIX в. англо-французские противоречия стали основными на Ближнем Востоке и Средиземном море. Это определило изменение политики Франции в отношении России. Вторая империя искала сближения с Россией. После крымского поражения устремления царского правительства были направлены на то, чтобы восстановить силы России, сотрясаемой массовыми антифеодальными восстаниями.

Направление русской политики после 1856 г. нашло выражение в получившем широкую известность циркуляре от 21 августа 1856 г. министра иностранных дел А. М. Горчакова. Его основной тезис «Россия не сердится, она собирается с силами» подчеркивал намерение правительства решить в первую очередь внутренние проблемы, а затем добиваться прежнего положения в Европе.

Русское правительство в 50—60-х годах не могло открыто стремиться к приобретениям за счет Турции и неоднократно

[14] Фуад Махмед-паша четыре раза занимал пост министра иностранных дел: 1852—1853 гг., 1855—1857 гг., 1858—1861 гг. и 1865—1868 гг.; с 1862 по 1865 г. был великим везиром.

[15] См. L. Farley, *Turks and christians,* app., p. 238.

официально заявляло, что задачей его политики является сохранение, а не разрушение Османской империи. Вместе с тем существовали два обстоятельства, которые вынуждали царизм проявлять большой интерес к делам Востока.

Первое сводилось к тому, что Россия не могла примириться с кабальными пунктами Парижского договора, запрещавшими держать ей военный флот на Черном море и строить укрепления на русском черноморском побережье (статьи 11 и 13). Снятие этих ограничений стало непосредственной целью русского правительства после 1856 г.

Второе обстоятельство заключалось в том, что царизм не отказывался полностью от вмешательства в дела православных подданных Турции — народов Боснии, Герцеговины, Сербии, Дунайских княжеств. Это продолжало быть важнейшей пружиной его восточной политики. Как известно, царизм, стремясь утвердить свое политическое влияние на Балканах, использовал борьбу христианского населения Османской империи против турецкого колониального гнета. После Крымской войны царизм оказался в изоляции. Союз России с Австрией и Пруссией более не существовал. Влияние России на международные дела Европы стало падать. Для укрепления своих позиций правительство Александра II нуждалось в могущественном союзнике. Так создалась почва для франко-русского сотрудничества.

* * *

Сложившаяся расстановка сил нашла яркое отражение в отношении европейских держав к вопросу объединения Дунайских княжеств, возникшему сразу же после Крымской войны. Парижский конгресс не принял решения о Молдавии и Валахии. Они временно отдавались под «коллективное покровительство» семи держав, подписавших трактат 1856 г. Участь Дунайских княжеств должна была решить специальная международная комиссия, учрежденная в Бухаресте. Султану предлагалось издать указ об избрании в обоих княжествах собраний («диванов»), которые должны были изложить перед комиссией свои пожелания относительно их государственного устройства.

Растущее стремление внутри княжеств к объединению наталкивалось на решительное сопротивление турецкого правительства, которое понимало, что дело идет о создании национального румынского государства [16]. Турция стремилась лишить Дунайские княжества завоеванных ранее автономных

[16] По этому вопросу см. В. Н. Виноградов, *Россия и объединение румынских княжеств*.

прав и привилегий и восстановить там неограниченную власть султана.

Опасаясь, что самостоятельное государство станет опорой России на Балканах, Англия выступала против объединения румынских княжеств.

Еще более решительно против объединения выступила Австрия. Если бы Молдавия и Валахия были слиты в единое государство, Австрии было бы трудно рассчитывать на захват той или иной части Дунайских княжеств, где австрийская буржуазия имела значительные экономические интересы. Австрийские капиталы были вложены в строительство шоссейных дорог и телеграфных линий; австрийской пароходной компании (контролировавшей судоходство по Дунаю) принадлежали портовые сооружения в Галаце, Джурдже и других румынских портах [17].

Австрия боялась объединения княжеств еще и потому, что в подвластных ей провинциях Буковине и Трансильвании проживало много румын, которые стремились к соединению со своими братьями в Молдавии и Валахии. И эта тяга в случае создания независимого румынского государства возросла бы.

Наконец, в Вене, так же как и в Лондоне, опасались, что в румынском государстве установится преобладающее влияние России.

Иную позицию занимала Франция. Наполеон III выступил в качестве сторонника объединения Молдавии и Валахии. Французское правительство боялось чрезмерного усиления Австрии на Балканах, ибо само было заинтересовано в укреплении там своих экономических и политических позиций. Кроме того, выступая «покровителем» балканского народа, Наполеон III надеялся обеспечить благожелательный нейтралитет России в войне за изгнание австрийцев с Аппенинского полуострова. Эти расчеты прикрывались «принципом национальностей», провозгласив себя защитником которого, французский император наживал политический капитал.

Россия в дунайском вопросе решила сотрудничать с Францией, с помощью которой хотела добиться отделения княжеств от Турции.

Основными действующими лицами в дунайском конфликте были представители французской и австрийской дипломатии. Ослабленная войной Россия не могла выступать решительно, поэтому русское правительство предпочитало придерживаться осторожной тактики. Это не помешало русской дипломатии последовательно отстаивать свою позицию на всех этапах конфликта.

[17] Ch. Hallberg, *Franz Joseph and Napoleon III...*, p. 118.

Англия, хотя и поддерживала Австрию и Турцию, до определенной поры оставалась на заднем плане и выступила активно лишь в решающий момент кризиса.

Дунайский вопрос создал большую напряженность в отношениях между Францией и Австрией. Приведем один документ, извлеченный американским историком Халбергом из венского архива. Это — меморандум австрийского канцлера Буоля «Мои соображения о политике Второй империи», составленный в сентябре 1857 г. Меморандум дышит неприкрытой враждебностью по отношению к Франции. Буоль заявлял, что для Луи Бонапарта характерна тенденция выжидать благоприятного случая, чтобы «перекроить в свою пользу всю политическую карту Европы». Французский император, по мнению Буоля, стремится поддерживать в Европе состояние непрекращающихся волнений для того, чтобы, выбрав момент, нанести удар, а затем выступить посредником и получить за это солидную компенсацию. Австрийский канцлер решительно утверждал, что Австрия и Франция «никогда не будут в одном лагере» [18].

Буоль, которому Наполеон III в 1854 г. обещал содействие в присоединении к Австрии Молдавии и Валахии, а затем поддержал русское требование о выводе оттуда австрийских войск [19], не в силах был скрывать своей ненависти к французскому императору. В вопросе о Дунайских княжествах Буоль занял по отношению к Франции непримиримую позицию.

Австрийское правительство упрекало тюильрийский кабинет в том, что своей политикой в отношении княжеств он фактически ревизует Парижский договор. «Не Австрия меняет свою окраску и изменяет общему знамени, — писал австрийскому представителю в Париже Буоль. — Это Франция, войдя в орбиту русской политики и приняв русские проекты о расчленении Оттоманской империи, по-видимому, сожалеет о героических усилиях, которые она сделала в последней войне» [20].

Дипломатическая борьба, связанная с будущим государственным устройством княжеств, вступила в критическую фазу в июле 1857 г. В это время в Молдавии в обстановке злоупотреблений и насилий со стороны турецких властей было избрано чрезвычайное собрание, большинство которого оказалось настроенным не в пользу объединения. Всем было ясно, что выборы фальсифицированы, но турецкое правительство признало их действительными.

[18] Ibid., p. 127.

[19] Уход австрийских оккупационных войск из княжеств начался в феврале 1857 г.

[20] Ch. Hallberg, *Franz Joseph and Napoleon III...*, p. 134.

Державы, подписавшие Парижский трактат, отнеслись к выборам неодинаково. Правительства Франции, России, Пруссии и Пьемонта рассматривали молдавское собрание как незаконное. В конце июля представители названных держав потребовали от Порты немедленной отмены выборов. Английский посол Стрэтфорд-Рэдклифф и интернунций Австрии Прокеш-Остен встали на сторону Турции и советовали ей не уступать.

После того как Турция 30 июля отвергла требование об аннулировании выборов, французский посол Э. Тувенель объявил, что с 5 августа Франция разрывает дипломатические отношения с Турцией.

Вслед затем затребовали свои паспорта дипломатические представители России, Пьемонта и Пруссии. Следует обратить внимание на несколько неожиданный шаг прусского посланника, который на этот раз оказался в лагере враждебных Австрии держав.

Решение берлинского кабинета о разрыве дипломатических отношений с Турцией было принято не без колебаний. Как только австрийское правительство узнало о позиции Пруссии, оно поспешило выразить свое недовольство. Австрийская пресса обрушилась на Пруссию, упрекая ее в желании оттеснить Австрию на задний план [21].

Но глава прусского правительства Мантейфель из опасения скомпрометировать политику Пруссии (дать возможность обвинить ее в том, что она сдала свои позиции и отступила в последний момент) подтвердил свое прежнее указание в Константинополе о разрыве отношений с Турцией. К тому же в это время в Берлине сложилось убеждение, что «Англия уступит», т. е. откажется от своей поддержки Турции в вопросе выборов [22].

И все же верный своему принципу угождать во всем Австрии, Мантейфель, по-видимому, вскоре начал жалеть о предпринятом шаге. С досадой писал он послу в Париже Гацфельдту, что прусские дипломаты в Константинополе попали под влияние Тувенеля [23]. Мантейфель умалчивал о более важном. Французы в Константинополе получили серьезную поддержку со стороны Горчакова, который и склонил берлинский кабинет присоединиться к русско-французскому демаршу [24].

В дальнейшем прусское правительство в дунайском вопросе более не отклонялось от австрийского курса. Не без оснований Бисмарк впоследствии писал, что «содействием Прус-

[21] См. Письмо Мантейфеля Гацфельдту 8.IX.1857, — B. Poschinger, *Preussens auswärtige Politik 1850—1858,* Bd III, S. 380.

[22] Ibid.

[23] Ibid.

[24] См. F. Charles-Roux, *Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III,* p. 184.

сии злоупотребляли для проведения австрийской политики на Востоке», что, уступая австрийским притязаниям, Пруссия приносила «в жертву свою собственную политику и свое самостоятельное мнение»[25].

Хотя разрыв отношений четырех держав с Турцией произошел по инициативе Франции, но воевать из-за Дунайских княжеств Наполеон III не собирался. Французская дипломатия решила достигнуть компромисса с самым сильным противником — Англией. Последняя, игнорируя своего австрийского партнера, пошла на сепаратные переговоры, поставив затем венский кабинет перед совершившимся фактом. Руководители Форин оффис оказались в тот момент заинтересованными в урегулировании восточного вопроса: в июле 1857 г. в Индии разразилось национальное восстание, грозившее потрясти основы Британской колониальной империи. И перед такой грозной перспективой вопрос о Дунайских княжествах отходил на задний план.

6 августа 1857 г. Наполеон III и императрица Евгения в сопровождении министра иностранных дел Валевского приехали в курортный городок Осборн для свидания с английской королевской четой. С английской стороны в переговорах также приняли участие премьер-министр Пальмерстон и министр иностранных дел Кларендон[26]. Пригласив в Осборн императора Франции, лондонский кабинет далеко не был уверен в благоприятном результате свидания[27].

Кларендон, в частности, боялся, что при обсуждении восточного вопроса французская дипломатия использует «трудности в Индии»[28].

Весьма беспокоившийся за результат свидания английский посол в Париже Каули[29] писал Кларендону: «Я вполне не разделяю ваше мнение, что, если дела в Осборне не наладятся, союзу (англо-французскому. — *М. П.*) придет конец»[30]. А для английского правительства разрыв отношений с Францией вовсе не был желательным, ибо это могло толкнуть Наполеона III в объятия России. Позднее, в депеше к Каули 12 августа 1857 г. Кларендон писал, что если бы соглашения с Францией не удалось достигнуть, то тогда «уже через месяц был бы образован тесный и действенный союз *на основе раздела Турции*»[31] (курсив наш. — *М. П.*). Совершенно очевидно, что Кларендон имел в виду союз между Францией и Россией. Подобная опасность тревожила английскую дипломатию почти с момента заключения Парижского мира.

[25] О. Бисмарк, *Мысли и воспоминания*, т. I, стр. 82.
[26] Д. Кларендон был министром иностранных дел с 1853 по 1858 г.
[27] В связи с этим мы должны отметить, что в своей содержательной и интересной книге «Россия и объединение румынских княжеств» В. Н. Виноградов недостаточно освещает недоверие и борьбу, которые наблюдались в англо-французских отношениях в период Осборна, а затем Парижской конференции 1858 г.
[28] «Secrets of the Second empire...», p. 122.
[29] Г. Каули — английский посол во Франции с 1852 по 1867 г.
[30] «The Cambridge historical journal», vol. V, 1937, № 3, p. 316.

Переговоры в Осборне происходили 7 и 8 августа и, вопреки ожиданиям, были успешны. 8 августа Наполеон III дал по телеграфу указание Тувенелю не покидать Константинополя. 9 августа участникам встречи был представлен подготовленный Пальмерстоном меморандум о регулировании вопроса о Дунайских княжествах[32]. Меморандум предусматривал: 1) немедленное аннулирование выборов в Молдавии и проведение новых; 2) сохранение сюзеренитета султана над княжествами, которым гарантируется безопасность и все их прежние привилегии; 3) создание в княжествах одинаковых учреждений, введение общих законов и военной организации (при сохранении разных правительств).

В конце меморандума имелась приписка, сделанная послом императора в Лондоне Персиньи. В ней указывалось, что для разработки деталей соглашения будет созвана конференции в Париже, а до этого времени о соглашении «должно быть известно только двум правительствам»[33].

Основной результат осборнской сделки сводился к тому, что Англия соглашалась поддержать требование об аннулировании выборов в Молдавии, а Франция давала обязательство не настаивать на полном слиянии княжеств. Отказ Наполеона III от требования объединения княжеств был отступлением от его прежней линии и по существу предательством румын. Опасаясь подорвать свой авторитет в Дунайских княжествах, Наполеон III пожелал, чтобы была обнародована только та часть соглашения, которая касалась выборов. О необходимости сохранять в тайне наиболее важную часть соглашения писал Кларендон английскому послу в Вене Сеймуру. «Отрицательная сторона этого соглашения, — объяснял он, — заключается в том, что мы должны *некоторое время* (курсив наш. — *М. П.*) сохранять секрет, который мы получили в обмен, — а именно отказ Франции от унии (княжеств)»[34].

Таким образом, дунайский кризис был разрешен дипломатическим путем. Послы четырех держав в Константинополе вернулись к исполнению своих обязанностей. Но это далеко не означало, что борьба соперничавших на Балканах держав прекратилась. Обсуждение государственного устройства ру-

[31] Ibid.
[32] «Secrets of the Second empire...», p. 127.
[33] «The English historical review», vol. XLIII, 1928, № 171, p. 412.
[34] «The Cambridge historical journal», vol. V, 1937, № 3, p. 317.

152257

мынских княжеств возобновилось почти сразу же после достигнутого соглашения, и весьма показательно, что созыв конференции, которая должна была претворить в жизнь осборнский компромисс, сильно затянулся.

Наполеон III, отступив в Осборне в вопросе объединения княжеств, чтобы не довести дело до разрыва с Англией, вновь стал делать попытки провести первоначально выдвинутый им принцип унии. Движение за объединение, развернувшееся в княжествах к 1857 г., поставило под угрозу влияние Франции на Дунае. Валевский, вернувшись во Францию, в своих депешах, адресованных послу в Лондон, предложил последнему дать понять английскому правительству, что император в той или иной степени будет настаивать на объединении румынских земель. Англичане негодовали. Забвение в Париже основного пункта меморандума вызывало у Пальмерстона и Кларендона град обвинений по адресу Валевского, которого они называли неджентльменом и бесчестным человеком [35]. Английский кабинет был убежден, что Наполеон III, покидая Осборн, согласился поддерживать политическое разделение княжеств, и Пальмерстон настаивал на точном выполнении взятых им на себя обязательств. «По соглашению, достигнутому в Осборне, — писал он Кларендону 15 апреля 1858 г., — император отказывается от объединения (княжеств), в то время как мы даем рекомендации Порте аннулировать выборы в Молдавии. Мы выполнили свою часть соглашения, а он должен выполнить свою» [36].

Форин оффис настаивал на реализации осборнской сделки. Наполеон III и сам должен был скорее покончить с дунайским вопросом, так как во Франции уже полным ходом шла подготовка к войне против Австрии. Французская дипломатия стремилась избежать новой размолвки с Англией и была готова в конечном итоге капитулировать. Поэтому проект реорганизации княжеств, подготовленный Валевским для обсуждения на конференции, был выработан на основе Осборнского соглашения. Он предусматривал существование в княжествах двух раздельных правительств и лишь вводил для них общий орган, нечто вроде комиссии или комитета.

Конференция семи держав, подписавших договор 1856 г., открылась в Париже 10 мая 1858 г. Английский посол Каули, австрийский посол Гюбнер и уполномоченный Турции министр иностранных дел Фуад-паша категорически выступили против объединения. Председатель конференции Валевский на словах высказывался за объединение, а на деле пытался провести компромиссный французский проект.

[35] Ibid., p. 323.
[36] Ibid., p. 322.

Русский посол Киселев, хотя и считал план Валевского неудовлетворительным, поддерживал французов. Киселев выступал в пользу объединения и особенно отстаивал пункт об автономии княжеств [37].

Прусский посланник Гацфельдт стремился примирить обе стороны. «Я стараюсь вести себя так, — писал он в Берлин, — чтобы не возникло конфликта между позицией Пруссии и европейскими державами» [38]. Однажды при встрече с прусским послом, имея в виду его поведение на конференции, Наполеон III сказал: «Вы ни рыба ни мясо» [39].

В период Парижской конференции английская дипломатия предприняла ряд шагов, чтобы закрепить на своей стороне Пруссию. В августе 1858 г. между английским послом в Берлине, известным сторонником создания англо-австро-прусского союза Малмсбери [40] и Мантейфелем состоялся длинный разговор по поводу восточного вопроса. Малмсбери с большой тревогой говорил Мантейфелю о положении дел в Османской империи и призывал Пруссию сотрудничать с Англией. «В турецком вопросе, — говорил Малмсбери, — мы должны действовать единодушно и сообщать друг другу о наших точках зрения, мероприятиях и решениях» [41]. Мантейфель заверил посла, что мысли, высказанные им, встретят полное понимание при берлинском дворе. Не ограничившись заверениями Мантейфеля, Малмсбери специально беседовал на эту же тему с принцем прусским [42].

Парижская конференция затягивалась. Особые разногласия вызвал вопрос об общем органе княжеств, функции которого державы, боровшиеся против объединения, стремились урезать. Наконец 7 (19) августа 1858 г. была подписана конвенция о «соединенных княжествах Молдавии и Валахии» [43]. Получившие автономию княжества оставались под верховной властью султана. Управление ими осуществлялось двумя правителями — господарями, которые избирались представительными собраниями княжеств. Для обоих княжеств

[37] В. Н. Виноградов, *Россия и объединение румынских княжеств*, стр. 220.
[38] B. Poschinger, *Preussens auswärtige Politik 1850—1858*, Bd III, S. 464.
[39] Ibid.
[40] Внешнеполитическую программу Малмсбери русский посол в Берлине Будберг характеризовал так: «Тесный союз между Пруссией, Англией и Австрией в качестве противовеса возможного влияния, которое Россия и Франция, как предполагают, желают себе присвоить на европейские дела» (см. «Красный архив», т. 3(88), 1938, стр. 249).
[41] Цит. по: K. Ringhoffer, *Im Kampfe für Preussens Ehre*, S. 397.
[42] Ibid.
[43] Текст конвенции 7(19) августа 1858 г. см. Ф. Ф. Мартенс, *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами*, т. XV.

был образован общий кассационный суд, вводилось таможенное, почтовое и монетное единство. Одновременно создавалась центральная комиссия с местопребыванием в Фокшанах, получившая право издания общих для княжеств законов. Конвенция носила половинчатый характер и не отвечала требованиям румынского народа.

В обход парижских решений держав в начале 1859 г. собрания Молдавии и Валахии выбрали одного и того же господаря — молдавского полковника Александра Кузу, что привело фактически к объединению княжеств [44].

Россия и Франция отнеслись к этому благожелательно. Но для Англии и Австрии двойное избрание А. Кузы, являвшееся нарушением основного пункта конвенции 7 (10) августа, было большим ударом. В Вене встал даже вопрос о военном вмешательстве. Но надвигавшаяся война Франции и Италии с Австрией заставила последнюю отказаться от этого намерения.

Потерпев поражение на Дунае, Англия и Австрия должны были еще более сплотить свои силы против враждебной их интересам франко-русской политики. Румынский вопрос был главным, но не единственным объектом борьбы держав на Балканах. Антагонизм между австро-английской и русско-французской политикой проявлялся также в отношении к борьбе Черногории против турок и в вопросе о водворении династии Обреновичей в Сербии.

* * *

Однако наиболее важный узел противоречий, прежде всего англо-французских, сосредоточивался в то время в Восточном Средиземноморье.

Твердое намерение бонапартистского правительства укрепить свое положение в этом районе нашло выражение в строительстве Суэцкого канала, в котором французская буржуазия видела вернейшее средство прибрать к рукам Египет. Кроме того, канал дал бы возможность контролировать путь в Индию и Индокитай, что значительно укрепило бы позиции Франции. Различные проекты строительства Суэцкого канала начали появляться во Франции еще в XVIII в. В годы Второй империи, когда быстро развивались внешнеторговые связи и интенсивно строился флот, сооружение Суэцкого канала стало для буржуазии важнейшей задачей.

Английское правительство относилось с большой подозрительностью к французским планам в Суэце, как и к любому

[44] В 1861 г. Александр Куза издал манифест «Об основании румынского государства», которое было признано всеми державами.

предприятию, имевшему целью усиление торговой и морской мощи Франции.

Когда в 1854 г. французский инженер Фердинанд Лессепс получил от египетского правителя Мухаммеда Саид-паши концессию на прорытие канала и организовал Всеобщую компанию Суэцкого морского канала, Англия начала против нее открытую борьбу [45]. Проявив с самого начала большую заинтересованность в строительстве канала, бонапартистское правительство во время Крымской войны (не желая обострять отношений со своим английским союзником) официально не поддерживало предприятие Лессепса. После окончания войны, когда вопрос о строительстве канала встал на практическую почву, он превратился в важный фактор развития англо-французских противоречий.

Выступая в парламенте 7 июля 1857 г., премьер-министр Англии Пальмерстон назвал проект Лессепса «дутым предприятием». Пальмерстон вместе с тем выразил опасения, что канал подорвет систему национальной безопасности Британской империи и нанесет удар ее позициям на Ближнем Востоке. В строительстве Суэцкого канала Пальмерстон усматривал стремление Франции добиться в дальнейшем отделения Египта от Турции и проложить дорогу к английским владениям в Индии [46].

Беспокойство Пальмерстона не было наигранным. Британское правительство действительно подозревало Францию в намерении захватить Египет и утвердиться вслед за тем в Сирии. Территория Суэца могла быть превращена Францией в первоклассную военную базу в случае возникновения военных действий между Францией и Англией.

Выступление главы правительства послужило сигналом для английской прессы, начавшей настоящую травлю. Серию статей, направленных против строительства Суэцкого канала, опубликовала лондонская «Таймс». Газета призывала англичан единодушно выступить против французского предприятия, иронически заявляя: «Когда французы или какая-либо другая нация выражают намерение зарывать свои деньги в песок, мы должны приложить все свои усилия, чтобы показать полную бессмысленность этого поступка» [47]. «Монинг Пост», передовые статьи которой редактировал обычно сам Пальмерстон [48], открыто высказывала опасения, связанные с укреплением стратегических позиций Франции в районе Средиземного моря. «Не в интересах Англии, — писала эта газе-

[45] См. Н. А. Ерофеев, *Англо-французская борьба за Суэцкий канал (1854—1875)*.

[46] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 146, p. 1044.

[47] «The Times», 16.XII.1859.

[48] См. К. Martin, *The triumph of lord Palmerston*, p. 18.

та, — помогать реализации планов, которые либо совершенно неосуществимы, либо осуществимы в целях создания Францией особых благоприятных условий для возникновения египетских Дарданелл или египетского Гибралтара»[49].

Английские журналисты, финансисты, эксперты — все в один голос доказывали нереальность и нерентабельность предприятия, высмеивали проект и предсказывали его неизбежный крах. Так, например, «Дейли Ньюс» сравнивала «фантазии Фердинанда Лессепса» с «вымыслами Александра Дюма»[50], а «Экзаминер» заявила, что работы на канале никогда не закончатся и развалины его, «столь же бесполезные, как и египетские пирамиды», будут показывать потомству под названием «французское безумие»[51].

Лишь отдельные газеты (такие, как «Монинг Кроникл» и «Монинг Стар»), отражая настроения определенных деловых кругов, заинтересованных в открытии канала, советовали английскому правительству поддержать Лессепса[52]. Отрицательное отношение к каналу буржуазной Англии нашло яркое проявление при обсуждении (июль 1858 г.) в Палате общин резолюции по поводу Суэцкого канала. Несмотря на защиту проекта популярным оратором партии вигов Гладстоном, доказывавшим, что Англия как сильнейшая морская держава будет контролировать канал, большинство палаты оказалось на стороне правительства. Принятая по этому вопросу резолюция 290 голосами против 62 осудила проект[53].

Бóльшая часть английского буржуазного общества одобряла Пальмерстона, который, препятствуя деятельности Лессепса, оказывал дипломатическое давление на Константинополь и египетского пашу.

Вскоре англичан стало беспокоить еще одно обстоятельство. Предприятие осуществлялось не только под покровительством французского правительства, но и на французские деньги. Когда в 1858 г. акции компании были раскуплены, то стало известно, что из 400 тыс. акций 200 тыс. были приобретены во Франции; 96,5 тыс. — в Турции; 85,5 тыс. были куплены совместно Англией, Австрией, Россией и США[54]. Следовательно, половина средств, собранных при продаже акций, принадлежала французским вкладчикам, а доля английских вкладчиков была совершенно незначительной.

В суэцком вопросе Англия встретила полное понимание со стороны австрийской дипломатии. Австрийский канцлер

[49] Цит. по: Ch. Hallberg, *The Suez canal...*, p. 180.
[50] Цит. по: I. Charles-Roux, *L'isthme et le canal de Suez*, vol. I, p. 303.
[51] Цит. по: «Листок» РОПИТ, 1860, № 4.
[52] O. Ritt, *Histoire de l'isthme de Suez*, p. 147.
[53] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 150, p. 1401.
[54] Ch. Hallberg, *The Suez canal...*, p. 158.

Буоль, мнение которого специально запросил Лессепс, сформулировал свою позицию следующим образом: «Пока английское правительство не откажется от серьезных возражений, выдвинутых против канала, Австрия в силу важности, которую она придает своим хорошим отношениям с Англией, не может оказать безоговорочной поддержки (Лессепсу. — *М. П.*) в Константинополе»[55]. Австрийский генеральный консул в Египте всегда присоединялся к своему английскому коллеге в его явных и тайных акциях, направленных против канала[56]. Причина этих действий станет ясна, если вспомнить, что в это время Австрия находилась с Францией в состоянии войны на Аппенинском полуострове. Прусский посол в суэцком вопросе держался пассивно. Что касается русского посла, то он, согласно указаниям своего правительства, поддерживал французскую дипломатию в ее усилиях добиться от султана санкции на строительство канала[57].

Препятствия, чинимые Англией и Австрией, задержали начало работ на Суэцком перешейке не на один год. Работы по сооружению первого участка канала начались только в апреле 1859 г., когда правительство Наполеона III стало активно поддерживать акционерную компанию. В начале 1860 г. Лессепс был принят императором, после чего он сообщил Саиду-паше, что Наполеон III берет Суэцкий канал под свое покровительство[58]. С этого момента англо-французские противоречия на Ближнем Востоке еще более углубились[59]. Английское правительство стало решительно требовать, чтобы Турция немедленно приостановила работы, и по-прежнему настаивало, чтобы султан не давал своей санкции на концессию[60]. И когда Наполеон III выдвинул на повестку дня вопрос о Сирии (июль 1860 г.), англо-французский спор о Суэцком канале был еще далек от своего завершения. Успехи французов в Египте (строительство канала продвигалось вперед без официальной санкции султана) стимулировали борьбу английского правительства против Сирийской экспедиции.

* * *

Напряженность отношений между Англией и Францией еще более возросла в связи с тревогой английского правительства, вызванной усиленным обсуждением в Париже различ-

[55] Ibid., p. 149.
[56] Ibid., p. 158.
[57] Ibid., p. 172.
[58] I. Charles-Roux, *L'isthme et le canal de Suez*, vol. I, p. 308.
[59] Н. А. Ерофеев, *Англо-французская борьба за Суэцкий канал (1854—1875)*, стр. 601.
[60] Турция официально санкционировала строительство канала только в 1866 г.

ных планов раздела Османской империи. В конце 50-х годов XIX в. французская дипломатия обсуждала эту проблему с представителями правительств Англии, Австрии, Пьемонта и России.

С английскими дипломатами Наполеон III повел речь о разделе Турции еще во время Осборнского свидания 1857 г. В беседе с принцем Альбертом [61] император говорил о том, что Османская империя находится в состоянии упадка и султан не может управлять отдельными ее частями и что, в частности, африканские владения Порты, а также Марокко (формально независимое от султана) «совершенно бесполезны для человечества и цивилизации». «Я не сделал бы, — заявил он далее, — Средиземное море французским озером, как хотел Наполеон I, а сделал бы его озером европейским. Испания может получить Марокко, Сардиния — часть Триполи, Англия — Египет, Австрия — часть Сирии» [62]. При этом Наполеон III скромно умолчал о доле, предназначенной им для Франции. Но ранее, в разговоре с английским послом Каули, он намекнул, что Франция была бы не прочь получить часть Марокко [63]. Предлагая Англии Египет и тем подчеркивая свою незаинтересованность в этой провинции Турции, Наполеон III преследовал цель ликвидировать противодействие Форин Офис строительству Суэцкого канала. Попытка втянуть Англию в переговоры о разделе Турции преследовала еще одну цель — нанести удар англо-австрийской политике сотрудничества на Ближнем Востоке. Об этом принц Альберт говорил саксонскому посланнику в Лондоне Фицтуму фон Эккштедту [64].

План Наполеона III у англичан никакого одобрения не получил. Принц Альберт уклонился от его обсуждения [65]. Решительные возражения встретил «африканский проект» у Пальмерстона. В письме к Кларендону он выдвинул два основных мотива, заставлявших его высказаться против французского предложения. Первый сводился к тому, что Англия и Франция, которые гарантировали неприкосновенность Османской империи, не могут изменить свою позицию и поставить вопрос об отделении Египта от владений султана. По словам премьер-министра, союз, созданный с такой целью, вызовет возмущение «моральных чувств человечества» и будет гибельным для любого английского правительства, кото-

[61] Содержание этой беседы было опубликовано английским историком Т. Мартином (см. «Le prince Albert de Saxe-Coburg...», t. II).
[62] Ibid., p. 208.
[63] A. E. Ashley, *The life of H.-J. Temple...*, vol. II, p. 126.
[64] C. Vitzthum von Eckstädt, *St.-Peterburg und London in Jahren 1852—1865*, Bd I, S. 213, 214.
[65] «Le prince Albert de Saxe-Coburg...», t. II, p. 208.

рое примет участие в этом деле. «Во-вторых, — писал Пальмерстон, — нам не нужен Египет. Нам нужно, чтобы Египет оставался в пределах Османской империи. Это является гарантией против того, что он перейдет к какой-нибудь европейской державе. Мы хотим торговать с Египтом, свободно передвигаться по Египту, но мы не хотим брать на себя бремени управления Египтом». И наконец, заявлял Пальмерстон, даже захват Египта Англией не может явиться основанием для захвата Марокко Францией [66]. Документ, приведенный выше, весьма показателен для английской буржуазной дипломатии, отличавшейся особым лицемерием. Как известно, Пальмерстон всегда стремился прикрывать свою агрессивную внешнюю политику либеральной фразеологией. Этой цели и служили здесь слова о «моральных чувствах человечества». В письме также достаточно отчетливо проступала сущность пресловутой английской «заботы» о сохранении «неприкосновенности» Османской империи. Господствуя на турецких рынках и пользуясь большим влиянием в Константинополе, Англия не чувствовала необходимости в насильственном захвате той или иной части Турции, тем более что при разделе тот же Египет мог оказаться в руках другой европейской державы. Однако и впоследствии Наполеон III не раз заговаривал о Турции с английским послом в Париже Каули, заявляя при этом, что он не пошевельнет мизинцем, чтобы помешать ее падению [67].

В 1859 г., вскоре после окончания войны Франции с Австрией, Наполеон III начал развивать свою излюбленную тему о разделе Турции перед австрийцами. О содержании франко-австрийских переговоров по поводу Турции, которые велись в течение 1859—1861 гг., можно составить представление по депешам австрийского посла во Франции Рихарда Меттерниха министру иностранных дел Рехбергу. Эта переписка, обнаруженная в венском архиве историком А. Саломоном, была опубликована в его работе о Рихарде Меттернихе [68].

Рихард Меттерних, сын известного канцлера Австрийской империи Клемента Меттерниха, был назначен послом во Францию вскоре после окончания войны 1859 г. [69]. В Париже австрийскому дипломату был оказан теплый прием. Р. Меттерниху скоро удалось установить тесные отношения с руководителями французской политики; жена посла стала одной из приближенных императрицы Евгении. Знаки внимания, ока-

[66] A. E. Ashley, *The life of H.-J. Temple...*, vol. II, pp. 125, 126.
[67] «Le prince Albert de Saxe-Coburg...», t. II, p. 267.
[68] H. Salomon, *L'ambassade du prince de R. Metternich à Paris.*
[69] Р. Меттерних — австрийский посол во Франции с 1859 по 1871 г.

занные Наполеоном III австрийскому послу, были не случайны. В сближении с Австрией Наполеон III видел возможность ослабить оппозицию Англии в итальянском и в восточном вопросах. На первом же свидании с Р. Меттернихом 5 сентября 1859 г. французский император выразил желание установить самое тесное сотрудничество между двумя странами и намекнул на возможность компенсировать Австрию за ее потери в Италии. Далее Наполеон III сказал, что Франц Иосиф должен поставить во главе Дунайских княжеств одного из принцев Габсбургского дома. На замечание посла, что для того, чтобы поставить эрцгерцога во главе княжеств, их надо прежде всего захватить, Наполеон III воскликнул: «Ну что ж, я не стал бы против этого возражать, и кроме того эрцгерцог мог бы быть призван суверенным народом, если за это дело хорошо взяться»[70].

Вслед за этим французский император сказал: «Я вел войну на Востоке не для того, чтобы сохранить целостность Турции, но чтобы помешать России утвердить там свое господство. Империя султана падет, и я не буду мешать ее падению, ибо я рассматриваю ее как аномалию. В этом случае вы сделаете правильно, если примете свои меры»[71]. Другими словами, Наполеон III приглашал Австрию принять участие в разделе Турции. Это заявление испугало Р. Меттерниха. Он ответил, что австрийский император «не стремится к увеличению своих территорий» и поспешил придать разговору иное направление. Р. Меттерних не мог поверить (и об этом он прямо писал Рейхбергу) в искренность предложения относительно Дунайских княжеств. Незадолго до того как Наполеон III дал совет Австрии поставить в княжествах своего эрцгерцога, в Молдавии и Валахии произошли выборы А. Кузы, которого активно поддерживала Франция. Кроме того, венский кабинет был хорошо знаком с двойной игрой Франции в отношении княжеств еще со времен Крымской войны.

В ноябре того же года Наполеон III снова завел с Р. Меттернихом разговор о Турции. Сделав резкие замечания о политике Англии, он выдвинул перед послом идею союза между Францией, Австрией и Россией на базе решения восточного вопроса. На этот раз австрийскому императору был предложен Египет. Наполеон III заметил при этом, что англо-французское соперничество в Египте не оставляет ему надежды на приобретение Египта самой Францией[72]. Удивленный этим предложением, Р. Меттерних тотчас же сообщил о нем в Ве-

[70] H. Salomon, *L'ambassade du prince de R. Metternich à Paris*, pp. 73, 74.
[71] Ibid.
[72] Ch. Hallberg, *The Suez canal...*, p. 71.

ну. Наполеону же он сказал, что Австрия недостаточно сильна, чтобы «сохранить такое отдаленное приобретение», что она больше заинтересована в Дунайских княжествах и побережье Адриатики[73]. Однако некоторое время спустя, беседуя с австрийским дипломатом, императрица Евгения еще раз спросила его, не хотел бы Франц Иосиф получить Египет[74].

Неожиданное предложение Наполеона III было связано с его стремлением, как и в Осборне, пробить брешь в англо-австрийском блоке и привлечь на свою сторону Австрию в вопросе о Суэце. Предложив ранее Египет Англии и ничего от нее не добившись, французский император теперь с беспредельным цинизмом предлагал его Австрии. Расчет Наполеона III был ясен: он выдавал долгосрочный вексель в оплату немедленной услуги в суэцком деле. Египет как яблоко раздора бросался между Англией и Австрией. Разоблачая подобные приемы бонапартистской дипломатии, К. Маркс писал, что Наполеон III «ведет двусмысленную политику, стремясь одурачить великие державы Европы»[75]. Но на этот раз французский император просчитался. Австрия не доверяла Наполеону III, боялась его и не хотела ссориться с Англией.

Вопрос о дележе Турции французская дипломатия ставила перед Австрией и в последующее время. Так, в начале 1860 г., во время свидания Р. Меттерниха с заменившим Валевского на посту министра иностранных дел Тувенелем[76], последний повел речь о том, что Австрия должна «объединить у своих границ христианское население (Турции. — *М. П.*), когда наступит подходящий момент». Австрийский посол воздержался от обсуждения этой темы. Он сослался «на внутреннее положение своей страны и европейские затруднения», которые обязывают его правительство «поддерживать на Востоке status quo так долго, как это возможно»[77]. Разговоры с австрийским послом о восточном вопросе Тувенель вел и в 1861 г., убеждая своего собеседника в том, что интересы Австрии и Франции в Турции совпадают. Император, по словам Р. Меттерниха, продолжал стремиться к установлению с ним наиболее тесного контакта[78]. Но австрийское министерство иностранных дел оставалось глухим к заигрываниям французов, предпочитая в отношении Турции придерживаться прежнего курса.

[73] Ibid.
[74] Ibid., p. 208.
[75] К. Маркс, *Лондонская пресса. — Политика Наполеона в турецком вопросе*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 19.
[76] Тувенель — министр иностранных дел Франции с 1860 по 1862 г.
[77] H. Salomon, *L'ambassade du prince de R. Metternich à Paris*, p. 75.
[78] Ibid., p. 85.

Более благосклонно к французским предложениям отнеслась Сардиния. Сардинский король Виктор Эммануил, получивший благодаря военной помощи Франции Ломбардию, заискивал перед Наполеоном III. В расчете на дальнейшую помощь Франции в деле объединения Италии во главе с Пьемонтом Виктор Эммануил готов был следовать за своим сильным союзником во всех вопросах международной политики.

Восточный вопрос обсуждался в Париже с сардинским агентом графом Нигрой в начале 1860 г. Содержание этих бесед было изложено в депеше Нигры главе сардинского правительства Кавуру 13 февраля 1860 г. Отвечая Нигре, Кавур писал: «Что касается отдаленных проектов, о которых с вами говорили император и господин Тувенель... то вы их заверьте, что мы употребим все свои возможности для реализации этих планов. Император, признанный нами главой латинской расы, может рассчитывать на то, что мы предоставим в его распоряжение все наши силы, дабы восточный вопрос получил полное разрешение и на берегах Рейна и на берегах Дуная» [79]. В апреле того же года в инструктивном письме к Нигре Кавур снова уполномочивал его заверить императора в содействии Сардинии всем планам французской политики [80].

Согласие Сардинии на участие в разделе Османской империи значило не так уж много. Но сам факт вовлечения сардинского правительства в обсуждение восточного вопроса свидетельствовал о том, что французская дипломатия усиленно искала союзников, на которых можно было бы опереться в случае, если дело встанет на практическую почву. Одновременно переговоры о турецких владениях велись в Париже и с представителем России. О содержании этих переговоров будет рассказано ниже.

Мы видим, что в тюильрийском дворце строились различные комбинации, сулившие, как казалось императору, в данный момент наибольшую выгоду. Но эти комбинации, как правило, носившие характер торгашеской сделки, не имели реальной основы.

Зачем же французской дипломатии нужно было так спешить с решением восточного вопроса и обсуждать с державами различные варианты раздела Турции? В то время явных признаков распада Османской империи не наблюдалось и никто (если не считать самой Франции) не покушался непосредственно на захват султанских владений.

Дело в том, что Наполеон III рассчитывал использовать Восток, чтобы восстановить границы Франции времен Первой

[79] Цит. по: A. Pingaud, *Une page de politique secrète de Napoléon III...*, p. 427.

[80] Ibid.

империи и прежде всего расширить свои владения на Рейне. Мысль о том, что наступило время для завоевания Рейнской области, укрепилась у Наполеона III сразу же после окончания итальянской войны 1859 г. После того как была достигнута «естественная граница» по Альпам путем присоединения Савойи и Ниццы, казалось закономерным поставить вопрос о достижении «естественной границы» по Рейну.

Маркс и Энгельс, пристально следившие за политикой Наполеона III, указывали, что французских шовинистов чрезвычайно увлекала идея расширения границ за счет немецкого берега Рейна. «Одна квадратная миля на Рейне значила больше в их глазах, чем десять миль в Альпах или где-нибудь в другом месте. Пока существовала Вторая империя, требование возврата левого берега Рейна — сразу или по частям — было лишь вопросом времени», — писал Ф. Энгельс [81].

Вскоре после заключения Туринского договора [82], в апреле 1860 г., в Париже была опубликована анонимная брошюра под названием «Коалиция». Появление подобных брошюр, нередко инспирированных самим императором, было в то время своеобразным тактическим приемом французского правительства. Эти брошюры помогали правительству узнавать реакцию как отечественного, так и зарубежного общественного мнения на предпринимаемые им шаги.

В брошюре «Коалиция» говорилось, что для раздела турецкого наследства необходимо создать союз континентальных держав. Константинополь и Малая Азия должны отойти России, Дунайские княжества — Австрии, Египет — Франции. Пруссия в разделе участие не примет, так как она извлечет выгоду из объединения северогерманских государств. Автор брошюры заявлял, что Францию мало беспокоит появление Германской империи на ее восточной границе, ибо границы Франции будут «хорошо гарантированы как со стороны Рейна, так и со стороны Альп», и, достигнув своих естественных границ, ей «нечего бояться за свою безопасность» [83].

Следовательно, французские правящие круги помимо Египта рассчитывали также расширить рейнскую границу Франции, компенсировав некоторые европейские державы за счет турецких территорий.

Обсуждение планов подобного рода нашло отражение и на страницах французской периодической печати. В мае 1860 г. в журнале «Сиекль» появилась статья Луи Журдана,

[81] Ф. Энгельс, *Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22, стр. 192.

[82] По Туринскому договору, подписанному Францией и Пьемонтом 24 марта 1860 г., Франция получала Ниццу и Савойю.

[83] Цит. по: A. Pingaud, *Une page de politique secrète de Napoléon III...*, p. 430.

которая называлась «Границы на Рейне». В ней говорилось: «Мир будет непрочным и ненадежным, пока этот справедливый акт не будет совершен (имеется в виду присоединение к Франции левого берега Рейна. — *М. П.*), пока также не будет урегулирован вопрос о Турецкой империи. Новое соглашение будет иметь своим закономерным следствием выпрямление рейнской границы»[84]. В правящих кругах Франции захват Рейнской провинции считали делом не только желательным, но и легким[85].

Европейская дипломатия с большим опасением следила за французскими планами перекраивания карты Европы.

Глубокую тревогу в связи со стремлением Наполеона III добиться для Франции «естественных границ» переживало английское правительство. Если бы это осуществилось, Франция стала бы сильнейшей державой континента и традиционное «равновесие сил» в Европе, дававшее превосходство Англии, было бы нарушено.

Присоединение Ниццы и Савойи к Франции вызвало резкое обострение англо-французских отношений. Эти две провинции, не представлявшие большого интереса с точки зрения экономики, имели в тот период огромное стратегическое значение. Присоединение их к Франции означало установление французского господства в Италии и Швейцарии и обеспечение ее преобладающего влияния в Альпах.

Получив сообщение от Каули относительно присоединения итальянских провинций, королева Виктория писала министру иностранных дел Расселу: «Донесение Каули и телеграмма, которая за ним следует, в высшей степени неудовлетворительны. Нас по настоящему одурачили (чего королева опасалась и о чем все время предупреждала). Возвращение к английскому союзу, всеобщему миру, уважение к трактатам, торговому братству и т. д. и т. д. были только попытками ослепить Европу, чтобы скрыть от нее политику грабежа»[86].

Русский посол в Англии Ф. И. Бруннов доносил о горячих дебатах в английском парламенте по вопросу о присоединении Савойи и Ниццы и о нападках оппозиции на правительство, которое не сумело помешать французской аннексии[87]. Антифранцузские настроения в Англии стали быстро нарастать. Англо-французские отношения, чрезвычайно осложненные в это время суэцким вопросом, подверглись еще большим испытаниям в связи с французской аннексией. В конце марта 1860 г. с резкой речью, направленной против внешней политики Наполеона III, в английском парламенте выступил министр иностранных дел Рассел. Он сказал, что «мир в Европе не может быть обеспечен, если он постоянно нарушается, и европейские державы, если они хотят его поддерживать, должны уважать права друг друга и границы соседних государств»[88]. Эти слова были обращены непосредственно к французскому правительству, которое Рассел обвинял в нарушении мира. По этому поводу генерал Флао (он стал вскоре послом Франции в Лондоне) имел объяснение с английским премьер-министром. Стремясь смягчить создавшуюся напряженность, Флао выдвинул предположение, что выступление Рассела не было согласовано с другими членами правительства. Однако Пальмерстон заявил, что он вполне разделяет мнение, высказанное Расселом. «Но, это война!» — воскликнул генерал. Пальмерстон отвечал, что если война разразится, то Англия к ней готова[89].

Глубина англо-французской вражды этого времени была предельно ясно отражена в одном из писем (май 1860 г.) королевы Виктории, где говорилось о политике Франции следующее: «Ей не следует вмешиваться в дела всего земного шара, вредить и сеять повсюду семена раздора. Однажды это кончится настоящим крестовым походом против всегдашнего нарушителя своего слова!» (речь шла о Наполеоне III)[90].

На смягчение антифранцузских настроений в Англии не мог повлиять даже очень выгодный для английской буржуазии торговый договор с Францией, подписанный в начале 1860 г. Этот договор, вызвавший большое недовольство во французском деловом мире, по мнению многих современников, носил более политический, чем экономический характер. «Он должен был, — писал русский посол в Париже П. Д. Киселев,— привлечь на французские рынки английские капиталы и благодаря этому избежать чрезвычайно трудной войны (между Англией и Францией. — *М. П.*), а также сделать английскую политику более уступчивой»[91].

В английском парламенте и прессе начали высказываться предположения, что вскоре могут последовать новые шаги Наполеона III по пути присоединения Рейнской провинции, Бельгии и Голландии.

Знакомство с перепиской видных политических деятелей Англии показывает, что они в то время подробно обсуждали вопросы, связанные с проектами возрождения политики Наполеона I. «В голове императора также много проектов, как

[84] Ibid., p. 431.
[85] Ibid.
[86] «Le prince Albert de Saxe-Coburg...», t. II, p. 370.
[87] Бруннов Горчакову 11(23).III.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 105, л. 247.
[88] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 157, p. 1258.
[89] S. Walpole, *The life of lord John Russel*, vol. II, p. 331.
[90] «The letters of Queen Victoria...», vol. III, p. 399.
[91] Доклад о современном положении Франции, октябрь 1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 151, л. 401.

кроликов в кроличьем садке,— читаем мы в письме Пальмерстона к английскому послу в Париже, — но, подобно кроликам, эти планы трусливо прячутся, и император отказывается от них при малейших признаках недовольства». Пальмерстон отмечал, что если английское правительство решило не вмешиваться в итальянские дела, то по другим вопросам «оно не может остаться пассивным» [92]. Те же соображения относительно возросшей агрессивности Франции Пальмерстон высказывал в письме к первому лорду адмиралтейства Сомерсету. Он указывал на быстрый рост французских вооруженных сил [93].

Австрийское правительство также с напряженным вниманием следило за всеми внешнеполитическими предприятиями Наполеона III. Когда в разгар дискуссии о Ницце и Савойе пришло сообщение о том, что двоюродный брат императора принц Жером Наполеон отправился на берега Босфора, из Вены в Лондон начали поступать тревожные депеши. Австрийский посол поспешил встретиться не только с Расселом, но и с Пальмерстоном, чтобы обсудить эту важную новость. «Наполеону приписывают самые необычные авантюристические планы, — писал из Лондона 13 мая 1860 г. саксонский посланник. — Некоторые указывают в связи с этим на проект создания новой византийско-французской империи во главе с принцем Наполеоном» [94].

Французское правительство отдавало себе отчет в том, что Англия и Австрия будут всемерно противиться восстановлению границ Франции периода Первой империи. Оно понимало, что столь же враждебно эти державы отнесутся к намерениям французских агрессивных кругов укрепить позиции Франции в Восточном Средиземноморье.

* * *

Но иную позицию по отношению к политике Франции в рассматриваемое время могла занять Россия. После Крымской войны, как известно, среди русских господствующих классов стала популярна идея союза с Францией. Активным поборником этой идеи выступил министр иностранных дел А. М. Горчаков. С помощью бонапартистского правительства он рассчитывал добиться пересмотра Парижского трактата. Взгляды Горчакова на необходимость тесного политического сотрудничества с Францией всецело разделял русский посол в Париже, генерал-адъютант царя, влиятельный сановник империи

[92] «Lord Palmerston, sa correspondance intime...», pt. II, p. 582.
[93] Ibid., p. 590.
[94] C. Vitzthum von Eckstädt, *St.-Peterburg und London in Jahren 1852—1865,* Bd II, S. 68.

граф П. Д. Киселев [95]. Курс русской дипломатии на сближение с Францией соответствовал и замыслам Наполеона III приобрести поддержку России в дипломатической борьбе против Англии. Расположить к себе царское правительство можно было, обещая ему содействовать в усилиях добиться восстановления прав России на Черном море. Французским политическим деятелям были хорошо известны слова Александра II о том, что он готов идти на все ради аннулирования Парижского договора, который является для него «постоянным кошмаром» [96]. Франко-русское сближение после Крымской войны завершилось подписанием 3 марта 1859 г. секретного договора. По этому договору Франция брала на себя обязательство добиваться ликвидации кабальных пунктов Парижского трактата (ст. 2); Россия же в случае войны Франции с Австрией должна была придерживаться благожелательного нейтралитета (ст. 1) [97]. Однако, обеспечив нейтралитет России, Наполеон III не спешил с выполнением взятого обязательства. Вскоре петербургский кабинет узнал о том, что договор стал известен европейским дипломатам в Париже. Киселев (который по приказу царя обратился во французское министерство иностранных дел за разъяснениями) получил ответ, что «нескромность берет свое начало в королевском дворце». Оказалось, что излишне подробно о франко-русских отношениях говорил с английским послом принц Жером Наполеон [98].

Совершенно очевидно, что англичане были извещены о договоре преднамеренно. По расчетам французской дипломатии слухи об этом договоре должны были укрепить внешнеполитические позиции Франции. Для России же сообщение о создании франко-русского союза могло привести лишь к ухудшению ее отношений с Австрией и Пруссией.

Итак, первая попытка русского правительства добиться дипломатическим путем отмены тяжелых статей Парижского договора успеха не имела.

Год спустя, когда во влиятельных французских кругах стал активно обсуждаться вопрос — как быть с Турцией, вновь создалась обстановка, благоприятствующая франко-русскому сближению. Попытка заключения франко-русского союза в 1860 г. представляет значительный интерес, несмотря на то что она осталась неосуществленной. Эта попытка была свя-

[95] П. Д. Киселев — русский посол во Франции с 1856 по 1865 г.
[96] «Красный архив», т. 3(88), 1938, стр. 212.
[97] Текст договора 3.III.1859 г. опубликован в журн. «Красный архив», т. 3(88), 1938. По этому вопросу см.: Л. А. Фейгина, *Из истории франко-русских отношений;* Р. И. Рыжова, *Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г.*
[98] «Красный архив», т. 3(88), 1938, стр. 232.

зана с все той же чрезвычайно важной для русского правительства задачей восстановления своих прежних позиций на Черном море. Что касается французской дипломатии, то этот эпизод свидетельствовал не только о ее сложной политической игре, но и об определенных намерениях Наполеона III продвинуть решение восточного вопроса. Ухудшение англо-французских отношений, связанное с результатами войны 1859 г. и шумихой, поднятой по указанию Наполеона III о «естественных границах», поставило перед Францией задачу обеспечить себе дипломатическую поддержку России.

С января 1860 г. восточные дела стали основной темой бесед Наполеона III и министра иностранных дел Тувенеля с русским послом. (Заметим, что Тувенель, как бывший посол в Константинополе, считался во Франции специалистом по восточным делам) [99]. Французское правительство, назначая нового посла в Турцию — Лавалетта, начало с демонстративно дружеского жеста. Тувенель запросил мнение русского правительства об этой кандидатуре. Западноевропейская дипломатия встретила назначение Лавалетта враждебно. Бывший министр иностранных дел Англии Кларендон называл его «агентом-провокатором». Саксонский посланник в Англии Фицтум фон Эккштедт в частном письме цитировал фразу, якобы сказанную Лавалеттом: «Я направляюсь в Константинополь, чтобы прикончить „больного человека“». Немецкий дипломат усматривал в этих словах «тайну» миссии нового французского посла в Турции [100]. В России же никаких возражений назначение Лавалетта не вызвало. Этот запрос был понят Александром II как намерение императора «поддерживать согласие между двумя дворами на этом важном участке (восточном. — *М. П.*), как это было прежде» [101].

В частном письме к Киселеву Горчаков с удовлетворением отмечал проявленное желание французского кабинета сблизиться с Россией. «Подобно вам, — писал также Горчаков, — я признаю целесообразность и полезность нашего союза с Францией... Интересы России предписывают нам союз с Францией как основание рациональной политики» [102].

В марте 1860 г. Горчаков изложил положения, которые будут выдвинуты русским правительством в случае подписания договора с Францией. Прежде всего Горчаков подчеркнул,

[99] Э. Тувенель был французским послом в Константинополе с 1855 по 1860 г.

[100] C. Vitzthum von Eckstädt, *St.-Peterburg und London, in Jahren 1852—1865,* Bd II, S. 67.

[101] Телеграмма Горчакова Киселеву 22.I.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 153, л. 11.

[102] Письмо Горчакова Киселеву 6.II.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 152, лл. 435, 436.

что Россия не заинтересована в крушении Османской империи и готова приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить ее распад. Он полагал, что прочный союз между Россией и Францией может быть легко установлен именно потому, что Россия не преследует цели увеличения территории или установления в Турции преимущественного влияния. «Все, что Россия требует, — заявлял Горчаков, — это уничтожения непомерно тяжелых статей Парижского договора» [103]. Однако русский канцлер считал важным уже теперь установить «соглашение с императором Наполеоном о тех действиях, которые предпримут оба государя, если возможность крушения Оттоманской империи станет действительностью» [104].

Эти предложения, по всей видимости, были с удовлетворением приняты в Париже. Киселев сообщал о своих беседах с Тувенелем и Наполеоном III, которые явно выражали желание договориться с Россией по восточному вопросу, не считаясь с Англией и Австрией [105].

Одним из проявлений налаживавшегося франко-русского сближения была нарочитая холодность Наполеона III в обращении с английским послом.

В своем донесении Расселу Каули сообщал о демонстративной выходке императора на концерте в тюильрийском дворце. В этот вечер 6 марта Наполеон III, жалуясь на враждебность английской прессы по отношению к Франции, говорил с английским послом в резком тоне. Каули отмечал, что это объяснение происходило в присутствии Киселева, к которому Наполеон III в ходе переговоров неоднократно обращался. В частности, император сказал русскому послу: «Поведение Англии необъяснимо, я делаю все, что в моих силах, чтобы сохранить с ней хорошие отношения, но я больше ничего не могу сделать». Каули был вынужден даже прервать императора, чтобы сказать ему, что он не может допустить, чтобы действия английского правительства критиковались в присутствии посторонних [106].

В это время по приказу Наполеона III была создана военная комиссия под председательством маршала Ниэля, которой поручалось рассмотреть вопрос об обороне французского побережья. Киселев, извещавший об этом петербургский кабинет, отмечал, что французское правительство готовится к возможной войне на море [107].

[103] Письмо Горчакова Киселеву 19.II.1860, — там же, д. 153, л. 414.

[104] Письмо Горчакова Киселеву 5.IV.1860, — там же, д. 152, л. 365.

[105] Донесение Киселева Горчакову 3(15).III.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 149, л. 88.

[106] «The letters of Queen Victoria...», vol. III, p. 390; «Secrets of the Second empire...», p. 200.

[107] Донесение Киселева Горчакову 13(25).III.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 149, л. 150.

Киселев, ревностный сторонник франко-русского сближения, подробно сообщал в Петербург все то, что, по его мнению, свидетельствовало о возможности раскола англо-французского союза и сближения Франции с Россией. Однако он считал необходимым проявлять большую осторожность и не слишком доверять французам, ибо они, по его словам, могут «иметь лишь цель привязать Россию к французской политике и добиваться своих выгод при помощи России» [108].

Киселев выражал сомнение в искренности французского правительства. Он обращал внимание на то, что в беседе с ним Наполеон III подчеркивал второстепенное значение для Франции восточного вопроса. Между тем известно, писал Киселев, что правительство Наполеона III всегда проявляло большой интерес к восточным делам [109].

В сближении с Францией в это время русское правительство было особенно заинтересовано в связи с событиями, развернувшимися в европейской части Турции. Среди христианского населения Боснии, Герцеговины, Болгарии, Македонии и Эпира начались волнения, которые турецкие власти жестоко подавляли [110]. Несмотря на то что Парижский трактат лишал Россию права (принадлежавшего ей в силу прежних договоров с Портой) [111] «покровительствовать» христианским подданным султана, русское правительство не упускало случая поднять перед европейскими державами вопрос о положении христианского населения Балканского полуострова. Для царизма это было одним из способов восстановить политический вес на Ближнем Востоке.

Первый раз после Крымской войны Горчаков обратился к французскому правительству с предложением обсудить вопрос о положении балканских христиан в апреле 1858 г. Это было приурочено к моменту созыва конференции, где принимался статут Дунайских княжеств. Но возглавлявший тогда иностранное ведомство Валевский вежливо отклонил русское предложение. Теперь, два года спустя, Горчаков решил вновь поднять тот же вопрос, считая, что русско-французские переговоры, начавшиеся в Париже, будут благоприятствовать его успешному разрешению. 20 мая (1 июня) 1860 г. Горчаков направил русским представителям во Франции, Англии, Австрии и Пруссии циркулярные письма, в которых рекомендовал

[108] Донесение Киселева Горчакову 13(25).IV.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 149, л. 246.

[109] Донесение Киселева Горчакову 15(27).VI.1860, — там же, л. 362.

[110] Выступления балканских христиан 1860 г. были связаны с тем, что турецкое правительство не соблюдало хатт-и-хумаюна 18 февраля 1856 г. об уравнении прав христиан с мусульманами.

[111] Впервые право России на «покровительство» христианскому населению Османской империи было сформулировано в Кючук-Кайнарджийском договоре (1774).

им «выступить перед правительствами соответствующих держав с предложением о создании европейской комиссии для расследования положения на Балканах и выработки реформ в пользу христианского населения Османской империи» [112]. Киселеву казалось, что на этот раз предложение его правительства встретило в Париже более благожелательное отношение. Однако, как увидим ниже, Франция не решилась на безоговорочную поддержку России в этом вопросе.

Одновременно с циркуляром от 20 мая Горчаков форсировал ход франко-русских переговоров о союзе. В письме к Киселеву он подробно излагал позицию русской дипломатии в восточном вопросе. Горчаков писал, что восточный вопрос имеет два аспекта: действия великих европейских держав в связи с современным тяжелым положением христианского населения Турции и создание союза между Россией и Францией в случае распада Османской империи. Второй аспект, по мнению Горчакова, не требует немедленного разрешения. Французское правительство должно представить пункты соглашения, на которые Россия ответит с полной откровенностью.

Согласно этой инструкции, Киселев вступил в переговоры с французским министром иностранных дел и в одной из бесед с ним высказал идею создания союза трех держав — России, Франции и Пруссии, против которого, по его словам, «Англия и Австрия будут бессильны». Горчаков сделал пометку на полях донесения Киселева: «Это также моя идея» [113].

Французское правительство отнеслось положительно к русским предложениям в целом, однако не спешило с изложением конкретных пунктов проектируемого соглашения. Тувенель в беседе с Киселевым по существу повторил положение, выдвинутое русской дипломатией, о том, что не следует торопиться с «низвержением Османской империи», которая, по его мнению, падет сама под влиянием внутренних противоречий [114].

Наполеон III вновь сказал Киселеву, что для него главный вопрос итальянский, а восточный вопрос второстепенный, хотя он признает важность заключения соглашения с Россией в случае «общей войны» [115].

В то время как Киселев зондировал в Париже почву о возможности привлечения к франко-русскому союзу Пруссии, в Петербурге Горчаков и Александр II обсуждали этот же вопрос с прусским послом Бисмарком. Идея сближения Пруссии и Франции некоторое время очень занимала Горчакова.

[112] АВПР, ф. «Канцелярия», д. 153, л. 116.

[113] Донесение Киселева Горчакову 31.V(12.VI).1860, — там же, д. 150, лл. 42, 43.

[114] Донесение Киселева Горчакову 18(30).VI.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, лл. 447, 448.

[115] Телеграмма Киселева 16(28).VI.1860, — там же, л. 592.

Ему представлялось крайне важным оторвать Пруссию от Австрии, так как австрийская дипломатия чинила всяческие препятствия попыткам России восстановить свои позиции на Ближнем Востоке [116]. Кроме того, Александру II было известно, что Наполеон III, ведя переговоры с Россией, пытается одновременно сблизиться с Австрией. Царь говорил Бисмарку, что он не верит в возможность создания австро-французского союза на почве восточного вопроса и стремится к русско-франко-прусскому сближению [117].

В депеше от 14 июня 1860 г. принцу-регенту Бисмарк сообщал о беседе, состоявшейся накануне между ним и царем. Александр II заверил Бисмарка в отсутствии у России каких-либо захватнических намерений на Востоке и сказал, что он призывает все державы «сохранять неприкосновенность Турции». Посетовав на английскую политику, «не оставляющую возможности для сближения и доверия», царь предложил Пруссии объединиться с Россией и Францией. «Я скажу вам открыто, — заявил Александр II, — что я желал бы создать союз Пруссии, России и Франции, так как в нем я вижу наиболее простое средство обеспечить спокойствие Европы... Для того, чтобы привлечь императора Наполеона III к правильной и твердой политике, его следует связать союзом». Царь дал понять Бисмарку, что в рамках этого союза русская дипломатия рассчитывает успешно действовать «для защиты турецких христиан». Пруссия могла бы получить от Франции гарантию рейнских провинций [118]. Следовательно, главной заботой русского правительства в это время было добиться дружественного отношения Франции и Пруссии к демаршу Горчакова по поводу положения южных славян.

В отличие от переговоров, которые шли в Париже, Горчаков не ставил пока перед Пруссией вопроса о черноморских статьях договора 1856 г. Известная близость прусского и австрийского правительств заставляла действовать с большой осторожностью. Предложение русской дипломатии не могло не встретить сочувствия прусского посла. Сознавая неизбежность борьбы с Австрией, Бисмарк, как уже говорилось, стремился к тесному сближению с Францией и Россией. Но он понимал, что русское предложение вызовет в Берлине иную реакцию. Поэтому Бисмарк ответил очень сдержанно и предупредил Александра II о том, что «общественное мнение Германии выскажется против комбинации подобного рода» [119].

[116] См. L. Raschdau, *Die politischen Berichte des Fürsten Bismark...*, Bd I, S. 27; F. Revertera, *Erinnerungen eines Diplomaten in St.-Peterburg 1860 bis 1863*, Bd I, S. 253.

[117] L. Raschdau, *Die politischen Berichte des Fürsten Bismark...*, Bd I, S. 116.

[118] Ibid., S. 114, 115.

[119] Ibid., S. 116.

Ответ прусского министерства иностранных дел пришел скоро. Как и полагал Бисмарк, он был отрицательным. Для Пруссии, писал 25 июня Шлейниц, опасна всякая интимность с Францией, ибо она введет Пруссию в сферу французской политики, которая совершенно отличается от прусской; заботы Франции Пруссию не интересуют. Любопытно, что Шлейниц сомневался и в возможности установления тесных отношений между Францией и Россией. Он утверждал, что соглашение между этими двумя странами базируется на шатком основании, ибо «Франция не позволит поставить восточный вопрос, не сделав предварительно выгодной торговой сделки». Для Пруссии, заключал свои рассуждения Шлейниц, «вообще отсутствует объект компенсации» [120].

В Петербурге скоро поняли, что проект русско-франко-прусского союза неосуществим, и больше к нему не возвращались.

Тем временем Горчаков с нетерпением ожидал результатов парижских переговоров. Уже 3 июня в письме к Киселеву, отмечая, что французский кабинет, по-видимому, не проявляет большой горячности в восточном вопросе, он, однако, настаивал, чтобы Киселев поспешил договориться о совместных действиях с Францией в пользу христианского населения Турции. Чтобы еще более заинтересовать французскую дипломатию, Горчаков уполномочивал Киселева передать Тувенелю, что Россия не против усиления Франции на Средиземном море [121]. 9 июня Горчаков снова выражал удивление по поводу того, что со стороны французского правительства до сих пор нет ответа на предложение о соглашении, сделанном в письме от 27 мая [122]. Прошел еще месяц, и, не получив из Парижа ответа, Горчаков сделал вывод о тактике французского кабинета: «Молчание императора Наполеона, — писал Горчаков, — указывает нам, какую позицию нам следует теперь занять... Мы не будем так откровенны с Францией — вот и все». Горчаков требовал, чтобы русский посол не принял позу обиженного, что, по его словам, «ничего не стоит в политике» [123]. Руководитель русской дипломатии понял, что Франция вела двойную игру и во всяком случае не решалась в данный момент пойти на соглашение с Россией. Не оказало также французское правительство никакой поддержки майскому циркуляру Горчакова.

Выступление России в пользу христианского населения Балканского полуострова встретило чрезвычайно враждебный

[120] «Bismarks Briefwechsel...», S. 73.

[121] Письмо Горчакова Киселеву 3.VI.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 152, л. 236.

[122] Письмо Горчакова Киселеву 9.VI.1860, — там же, л. 215.

[123] Письмо Горчакова Киселеву 7.VII.1860, — там же, д. 153, л. 147.

отклик в Лондоне и Вене. Английская и австрийская пресса начала поход против России, единодушно утверждая, что вмешательство со стороны держав в дела Порты является нарушением условий Парижского договора. Рассел обязал английского посла Крамптона напомнить Горчакову статьи 7, 8 и 9 Парижского договора и потребовать от него объяснений по поводу сосредоточения войск на юге России [124]. В этой обстановке французское правительство посчитало разумным заявить, что оно удовлетворено мерами, принятыми Турцией [125].

Таким образом, попытка России привлечь внимание Европы к положению балканских славян встретила прямую угрозу со стороны Англии и Австрии. Франция заняла уклончивую позицию. Без дипломатической помощи Франции и Пруссии циркуляр Горчакова никаких практических результатов дать не мог. Доверие к Наполеону III в Петербурге в связи со срывом парижских переговоров было сильно подорвано.

Однако царская дипломатия (как будет показано дальше) все же не потеряла окончательно надежды на содействие Франции в пересмотре Парижского договора. Эта надежда поддерживалась в Париже, где Наполеон III и Тувенель продолжали быть чрезвычайно внимательны к русскому послу, как бы давая ему понять, что вопрос о союзе с повестки дня не снят. Французская дипломатия проявила здесь большую предусмотрительность, предполагая, что может наступить такой момент, когда помощь России окажется весьма полезной. Действительно, когда в июле 1860 г. французское правительство приступило к подготовке Сирийской экспедиции, секретные переговоры с Петербургом были возобновлены.

Но каково же было подлинное отношение французской дипломатии к предложению Горчакова о франко-русском соглашении весной 1860 г.?

Для Франции соглашение с Россией, в какой бы форме оно ни было бы подписано, означало полный разрыв с Англией. Между тем англо-французский союз, заключенный во время Крымской войны, продолжал формально существовать. Руководитель английской политики Пальмерстон стремился сохранять союз с Францией, рассчитывая с его помощью помешать наметившемуся франко-русскому сближению. Этот союз казался ему также гарантией против политики расширения границ Второй империи. По словам французского историка А. Дебидура, Пальмерстон считал англо-французский союз

[124] F. Charles-Roux, *Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III*, p. 292.

[125] Турецкое правительство, испугавшись возможного вмешательства держав, приняло некоторые меры. В частности, в Боснию и Румынию был послан с чрезвычайными полномочиями везир Киприсли-паша.

«верным средством сдерживать честолюбивые планы Наполеона III» [126].

Несмотря на все растущее раздражение и недоверие к политике Наполеона III, Пальмерстон считал необходимым выдавать себя за друга французского императора. Русский посол в Лондоне Ф. И. Бруннов в своих донесениях утверждал, что английский премьер чрезвычайно дорожил добрыми отношениями с тюильрийским кабинетом. «Если лорд Пальмерстон падет, — писал Бруннов, — императорский режим потеряет свою самую мощную поддержку, а династия Наполеона своего единственного друга в Англии». Бруннов подчеркивал, что и в парламенте о Наполеоне III говорят, как «о верном и преданном друге Великобритании» [127]. Бруннов явно преувеличивал горячность чувств британских политических деятелей к Наполеону III, так как их дружественные уверения были далеки от истины. Для Наполеона III сохранение тесных отношений с правительством Пальмерстона давало возможность проводить выгодную политику лавирования между Англией и Россией, не попадая в полную зависимость ни от одной из этих держав. Другими словами, тактика бонапартистской дипломатии в период русско-французских переговоров 1860 г. была продолжением игры на два фронта, начатой Наполеоном III на Парижском конгрессе [128]. Желая использовать Россию против Англии, он проявлял готовность пойти на сближение с Александром II, поддерживая в то же время союз с английским правительством.

Надо заметить, что приверженность английскому союзу долго сохраняли широкие круги французской буржуазии. П. Д. Киселев, приехав в Париж, скоро заметил, что проанглийские настроения являются господствующими во Франции. «Восемь месяцев изучения и наблюдений, — писал он в Петербург, — убедили меня, что Наполеон всего более дорожит союзом с Англией» [129]. Это утверждение соответствовало действительности. Сам Наполеон III считал полезным время от времени напоминать о своей верности англо-французскому союзу. В 1858 г., беседуя с одним европейским дипломатом, император, перефразируя известные слова Людовика XIV, воскликнул: «Союз, я повторяю, это я» [130]. Очень влиятельный в бонапартистских кругах граф Персиньи, бывший много лет

[126] А. Дебидур, *Дипломатическая история Европы*, т. II, стр. 194.

[127] Донесение Бруннова Горчакову 4(16).I.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 105, лл. 50, 52.

[128] См. Е. В. Тарле, *Крымская война*, т. II, стр. 423, 424.

[129] А. П. Заблоцкий-Десятовский, *Граф П. Д. Киселев и его время*, т. III, стр. 27.

[130] C. Vitzthum von Eckstädt, *St.-Peterburg und London in Jahren 1852—1865*, Bd I, S. 238.

послом в Лондоне, являлся горячим проводником идеи верности англо-французскому союзу. В Париже шутя говорили, что Персиньи «более англичанин, чем лорд Пальмерстон» [131].

В марте 1860 г. Бруннов переправил в Петербург составленный для Наполеона III доклад Персиньи, в котором шла речь о франко-английском союзе. Ставя вопрос, с кем должна идти Франция — с Россией или с Англией, Персиньи твердо высказывался в пользу последней. Он заявил, что Франция и Англия, будучи объединенными, могут диктовать свои требования всему миру. Персиньи утверждал, что у этих держав нет точек соприкосновения и противоречивых интересов ни в Индии, ни в Америке, ни на Средиземном море [132]. Как видим, Персиньи закрывал глаза на англо-французские противоречия.

Со статьями о важности для Франции сохранения тесной дружбы с Англией выступал журнал, отражавший правительственную точку зрения, «Ревю де де Монд». Так, в статье, опубликованной в конце 1859 г. под названием «Англо-французские политические отношения», говорилось: «Принципы, на которых покоится современное общество, а также наиболее важные интересы Франции сводятся к тому, чтобы поддержать прежний союз между нами и англичанами» [133].

Несмотря на обоюдную пользу, которую Англия и Франция извлекали из своего союза, последний таил глубочайшие противоречия и длительное время прочным быть не мог. Союз с Англией сохранял свою силу только в том случае, если бы внешняя политика Франции не была наступательной и французское правительство удовлетворилось существующим положением как в Западной Европе, так и на Востоке. Но политика Второй империи с ее стремлением к достижению «естественных границ», с ярко выраженной колониальной экспансией неизбежно должна была привести к образованию глубоких трещин в англо-французском союзе. Уже спустя два года после окончания Крымской войны англо-французский союз вступил в полосу острого кризиса [134]. В дальнейшем этот кризис углублялся. Выше мы приводили факты, свидетельствовавшие о большой напряженности англо-французских отношений в марте — апреле 1860 г. Современникам по обеим сторонам пролива казалось, что Англия и Франция стоят на пороге

[131] «Le secret de l'empereur», p. 487.

[132] Донесение Брунnова Горчакову 15(27).III.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 105, л. 338.

[133] Ch. Rémusat, *Des rapports politiques de la France et de l'Angleterre*, p. 663.

[134] См. К. Маркс, *Англо-французский союз*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 464—469.

войны. Наблюдавшие политическую обстановку в Париже европейские дипломаты считали, что англо-французский союз закончил свое существование. Хорошо осведомленный благодаря своей близости ко двору императрицы сардинский дипломат Нигра писал в это время Кавуру, что союз с Англией «разорван навсегда» [135].

И все же на окончательный разрыв с Англией правительство Наполеона III идти не хотело. Оно не могло рисковать тем, чтобы поставить страну под угрозу войны с Англией, экономическая и морская мощь которой превосходила французскую.

Деловые круги Франции были заинтересованы в предотвращении военного столкновения с Англией, так как поддерживали с ней прочные торговые связи [136].

Во внешней торговле Франции Англия занимала первое место. Стоимость английского ввоза во Францию и вывоза из нее составляла в 1859 г. 869 млн. фр. Ввоз и вывоз Италии в том же году равнялся 329 млн. фр., Бельгии — 328 млн., государств Германского союза — 254 млн., Швейцарии — 168 млн. фр. [137].

Весьма показательны следующие цифры роста торговых оборотов между Францией и Англией (в млн. фр.) [138].

Годы	Импорт	Экспорт
1847—1856	127	280
1857—1866	459	694

Важно заметить, что вывоз французских товаров в Англию превышал ввоз английских товаров во Францию.

Указывая на политические последствия экономической зависимости французской буржуазии от английских рынков, К. Маркс писал: «Отсюда ужасная боязнь конфликта с «коварным Альбионом», несмотря на шовинизм и хвастливые фразы относительно Ватерлоо» [139].

Влияние английского кабинета на политику Наполеона III отмечалось Горчаковым, который прямо связывал неудачу переговоров о франко-русском союзе с нежеланием французского правительства расторгать свои союзные отношения с

[135] «Il Carteggio Cavour Nigra...», t. III, p. 227.

[136] Эта заинтересованность была обоюдной. Торговые интересы английской буржуазии сыграли немаловажную роль в вопросе признания лондонским кабинетом государственного переворота 2 декабря 1852 г. (см. F. Ch. Palm, *England and Napoleon*, p. 121).

[137] O. Nöel, *Histoire du commerce éxtérieur de le France*, p. 366.

[138] E. Levasseur, *Histoire du commerce de la France*, p. 781.

[139] К. Маркс, *Экономические заметки*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 368.

Англией. Горчаков писал: «Я вижу хорошо, что это (молчание французского правительства в ответ на русские предложения. — *М. П.*) связано с желанием не раздражать английский кабинет, который является определяющей причиной внезапного упадка сил Тюильрийского кабинета»[140]. А разрыв с Англией, как мы говорили, мог произойти неизбежно, если бы французское правительство пошло на союз с Россией и дало бы твердое обязательство поддерживать ее в вопросе пересмотра Парижского трактата.

Кроме того, этот трактат, ослаблявший русские позиции на Ближнем Востоке, соответствовал интересам части агрессивной французской буржуазии, для которой конкуренция России в пределах Османской империи была весьма нежелательна. Хорошо разбиравшийся в восточной политике русский посланник в Турции А. Б. Лобанов-Ростовский в своих донесениях отмечал, «что французское правительство боится возбудить на Востоке политические трудности и, кроме того, желает избежать всего того, что могло бы омрачить его отношения с Англией»[141]. Следовательно, Лобанов-Ростовский считал, что франко-русское соглашение по восточному вопросу не могло быть достигнуто.

Переговоры с Россией о политическом сближении, затеянные французской дипломатией, преследовали для последней две основные цели. Первая состояла в том, чтобы, запугивая Англию возможностью заключения союза с Россией, добиваться уступок со стороны английского правительства во всех вопросах своей политики. Так было в период итальянского кризиса, когда Наполеон III стремился отвлечь внимание англичан восточным вопросом от аннексии Савойи и Ниццы[142]. Тот же прием был использован им и в период колонизационной экспедиции в Сирию.

Английское правительство с тревогой следило за описанными выше переговорами между Тувенелем и Киселевым. В письме от 12 апреля 1860 г. к Гладстону Пальмерстон писал: «Мне не нравится оборот, который принимают европейские дела; похоже, что у нас будет неприятное лето... Франко-русские интриги дают себя знать во многих областях, и этим двум державам не без основания приписываются серьезные планы. Все это создает положение большой неуверенности»[143]. У Пальмерстона, таким образом, сложилось мнение, что Наполеон III договорился с Россией о расчленении Османской империи.

[140] Письмо Горчакова Киселеву 27.XI.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 152, л. 44.

[141] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову 18(30).VI.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 42, л. 190.

[142] Подробнее об этом см. В. Г. Ревуненков, *Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия*, стр. 65.

[143] «The Palmerston papers...», p. 131.

О серьезном беспокойстве в Лондоне в связи с распространившимися там слухами о новом союзе доносил русский посол в Англии. Он писал, что «английский кабинет чрезвычайно занимает мысль о секретном соглашении между Францией и Россией по турецкому вопросу», и сообщал, что по этому поводу между ним и Расселом имел место особый разговор. Бруннов объяснил английскому министру, что позиция русского правительства не грозит привести к конфликту между великими державами Европы, что речь идет «о мирном совместном вмешательстве держав в положение турецких христиан»[144].

Испугалось возможности создания франко-русского союза и австрийское правительство. Министр иностранных дел Рехберг писал 29 июня 1860 г. послу в Лондоне Апоньи: «Из всех политических комбинаций самой опасной для мира и независимости Европы является тесный союз между Россией и Францией. Целью такого союза мог быть, с одной стороны, Рейн, а, с другой — Константинополь»[145]. Рехберг хотел сказать, что за согласие русского правительства на захват Наполеоном III Рейнской провинции Франция предоставила бы России свободу рук на Ближнем Востоке. Рехберг предполагал о существовании подобного союза и призывал Англию в тесном содружестве с Австрией бороться против него. Опасения Лондона и Вены в значительной степени были вызваны тактикой самой французской дипломатии, которая отнюдь не стремилась делать секрета из русско-французских переговоров. Едва Тувенель приступил к переговорам с Киселевым, английское правительство узнало об их содержании из уст самого французского посла. Сообщая о шуме, поднявшемся на страницах английских газет в связи с этой «неосторожностью» Персиньи, Бруннов писал Горчакову: «Нам необходимо время — Наполеон торопится, нам необходима передышка — Наполеон ее сокращает, нам необходима полная секретность в восточном вопросе — Наполеон бьет во все колокола»[146]. Одним словом, повторилась история, сопровождавшая подписание франко-русского договора 1859 г.

Горчаков был крайне раздосадован тем оборотом, который приняли переговоры с Францией. Он был склонен думать (в этом он не ошибался), что разглашение переговоров было не случайным. «Император Наполеон не в первый раз поль-

[144] Донесение Бруннова Горчакову 10(22).V.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 106, л. 54.

[145] Ch. Hallberg, *Franz Joseph and Napoleon III...*, p. 242.

[146] Письмо Горчакова Киселеву 5.IV.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 153, л. 367.

зуется боязнью Англии, — писал он, — которую внушает английскому правительству соглашение между Францией и Россией для того, чтобы добиться от него уступок»[147].

Прямые выгоды из переговоров о союзе с Россией извлекал и французский посол в Константинополе. По донесениям Лобанова-Ростовского, Лавалетт вел себя так, как будто этот союз уже подписан. Он разглашал всюду о полной поддержке, которую получает от русских дипломатических агентов в Турции[148]. Таким образом, не беря никаких обязательств, Франция удачно использовала эти переговоры и оказывала заметное воздействие на Англию и Турцию.

Вторая цель французской дипломатии, которую она преследовала, вступив в переговоры с Россией, состояла в том, чтобы, заинтересовав царизм восточным вопросом, вовлечь его в русло своей политики. Для Наполеона III важно было получить от Горчакова заверения, что Франция при осуществлении своих замыслов на Востоке не встретит противодействия со стороны России. Но реальной помощи России в жизненно важном для нее вопросе пересмотра Парижского трактата Наполеон III оказывать не намеревался.

Таковы были направления восточной политики европейских держав после Крымской войны. Противоречивость их интересов в восточном вопросе создавала большую напряженность в международных отношениях.

Главными соперниками на Ближнем Востоке в это время стали Англия и Франция. Острая борьба, развернувшаяся между этими двумя странами, имела ту особенность, что она проходила в условиях формального сохранения союза периода 1853—1856 гг. Англия продолжала играть роль главного «защитника» целостности Османской империи. Пресловутый принцип status quo, поднимаемый на щит английской дипломатией, помогал Англии подчинять своему влиянию султанское правительство.

Среди правящих кругов бонапартистской Франции большой популярностью пользовались планы «освоения» Востока. Необходимость для Наполеона III в целях укрепления своей власти отвлекать внимание народных масс от внутренних дел толкала французскую дипломатию на агрессивные внешнеполитические акции. Однако у французского правительства в проведении восточной политики не было четкого плана. Оно металось от одной державы к другой, то форсируя переговоры о восточном вопросе, то объявляя его второстепенным. Таким образом оно пыталось провести политическую разведку, а

[147] Там же, л. 368.

[148] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову 24.V(5).VI.1860, — там же, д. 42, л. 203.

затем ждать благоприятного момента для осуществления своих агрессивных целей. Все это накладывало на восточную политику Наполеона III печать авантюризма, который был характерен для политики Второй империи в целом.

Для России вопрос о Черноморских проливах был основным внешнеполитическим вопросом. Русская дипломатия с большой последовательностью действовала в направлении решения поставленных перед собой задач. Сближение с Францией дало некоторые плоды в балканской политике царизма. Имеются в виду успешные действия русского правительства в вопросе объединения румынских княжеств, поддержка Черногории и Сербии против Турции в 1858 г. и др. В этой связи необходимо отмести как не соответствующие действительности утверждения французского буржуазного историка Ф. Шарль-Ру о том, что царская Россия в этот период утратила свою самостоятельную роль и стала орудием завоевательных планов Наполеона III[149]. Факты убедительно доказывают, что в сближении с Францией русское правительство преследовало свои собственные интересы. Расчеты Горчакова во время переговоров с французской дипломатией в 1859 и 1860 гг. базировались на реальной основе — на отсутствии непримиримых противоречий между Францией и Россией и на прогрессировавшем росте англо-французского антагонизма. Однако переменчивая и противоречивая политика Наполеона III, его уклонение от ответа на главный вопрос — о пересмотре Парижского договора — исключали возможность создания франко-русского союза.

[149] См. F. Charles-Roux, *Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III.*

ГЛАВА II

СИРИЯ И ЛИВАН КАК ОБЪЕКТ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Социально-экономическое положение Сирии и Ливана. Экономическая экспансия европейских держав. Роль христианской церкви в колониальном закабалении арабов. Вмешательство европейских держав во внутренние дела Сирии и Ливана в 1840—1846 гг.

Сирия и Ливан — две небольшие провинции Османской империи[1] — привлекли к себе в середине XIX в. пристальное внимание европейской дипломатии. Возникший в 1860 г. сирийский кризис чрезвычайно накалил международную обстановку и едва не привел к вооруженному столкновению две крупнейших капиталистических держав — Англию и Францию.

Чем же были вызваны сирийские события? Чем объяснить такую заинтересованность держав в Сирии?

Получить правильный ответ на эти вопросы нельзя, не разобравшись во внутреннем положении Сирии и Ливана, не изучив, какое место занимали эти страны в экономической экспансии капиталистических государств.

Османская империя в середине XIX в. представляла собой феодальное государство[2]. Феодальный способ производства господствовал и в социально-экономическом строе Сирии и Ливана. Капиталистические отношения едва лишь зарождались. Верховным собственником земли считался сул-

[1] Площадь Сирии — 171 тыс. *кв. км*, Ливана — 10,4 тыс. *кв. км*. Численность населения Сирии и Ливана в середине XIX в. определить довольно трудно. По данным различных авторов, она колебалась от 1750 тыс. до 2 млн. человек (R. Edwards, *La Syrie 1840—1862*, p. 12; E. Poujade, *Le Liban et la Syrie 1845—1860*, p. 252).

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 6.

Ливан в середине XIX в.

тан, но фактически она находилась в руках сирийских и ливанских крупных феодалов. Большие феодальные имения включали несколько, а подчас и десятки селений. Так, друзский шейх Саид-бей Джумблат владел 140 деревнями, его поместья составляли около $^1/_8$ всех земель Южного Ливана. Английский буржуазный деятель Д. Уркарт, посетивший Сирию в 50-х годах XIX в., был поражен размерами владений шейха Амина и его доходами. Одни оливковые деревья

давали шейху 15 тыс. ф. ст. в год[3]. Доход Саид-бея составлял 1 млн. пиастров (91 тыс. ф. ст.).

Крупнейшим земельным собственником Ливана была маронитская церковь, которой принадлежали громадные имения, составлявшие $^1/_6$ часть всех обрабатываемых земель Ливана[4]. Владели большими земельными участками и православные монастыри. Так, Успенский монастырь помимо пашен и пастбищ имел фруктовые, тутовые и оливковые сады, а также табачные плантации. В его собственности находились четыре водяные мельницы[5]. Некоторая часть земли в Сирии принадлежала городским торговцам и откупщикам. Они скупали землю у феодалов, разорившихся крестьян, а в отдельных случаях и у султанского правительства.

Крупные землевладельцы сдавали землю крестьянам мелкими участками. Господствующей формой эксплуатации была издольщина. Доля урожая, которую получал землевладелец, колебалась от $^1/_3$ до $^1/_2$. Так, например, арендаторы Южного Ливана были вынуждены отдавать своим феодалам $^1/_3$ собранного зерна и $^1/_2$ шелка и оливкового масла[6]. Кроме того, издольщики делали своему феодалу различные поставки натурой и время от времени выполняли барщинные работы.

Ливанский феодал — мукатааджи[7] выступал в своих владениях как полновластный правитель. Он обладал многочисленными привилегиями, творил суд и расправу над крестьянами.

Наряду с господством крупного феодального землевладения в Сирии и Ливане существовало и мелкое крестьянское (индивидуальное или общинное) землевладение. Однако развитие товарно-денежных отношений в Сирии и Ливане в начале XIX в. ускорило процесс превращения мелких собственников в издольщиков. Феодалы, стремясь к увеличению своих доходов, все чаще прибегали к насильственному захвату крестьянских земельных участков. Торговцы и ростовщики скупали земли у разорившихся крестьян[8].

Рост товарно-денежных отношений повлек за собой разложение натурального хозяйства, которое постепенно уступало место товарному, специализировавшемуся на технических

[3] D. Urquhart, *The Lebanon...*, v. I, p. 183 (перевод пиастров в ф. ст. сделан из расчета: 1 ф. ст. равен 110 пиастрам).

[4] К. Петкович, *Ливан и ливанцы*, стр. 226.

[5] Записка Порфирия Успенского, 1847 г., — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ), ф. 796, оп. 131, д. 18, л. 10.

[6] D. Urquhart, *The Lebanon...*, v. I, p. 211.

[7] Мукатааджи — крупные феодалы, осуществлявшие административную и судебную власть над населением своих земельных владений (мукатаа).

[8] См. J.-L. Burckhardt, *Travels in Syria...*

культурах. Значительная часть населения Ливана была занята в производстве шелка-сырца[9], обрабатывавшегося в местных шелкопрядильных мастерских. С 30-х годов XIX в. он стал в больших размерах экспортироваться в Западную Европу. Ведущим районом шелководства в Ливане был Кесруан. Большое значение в хозяйственной жизни Сирии имели такие культуры, как хлопок и табак. Табаководством занимались главным образом в районе Латакии и горах Ансарийа. Немалую роль играло садоводство, где первое место принадлежало оливковому дереву. Маслины были одним из основных продуктов питания местного населения; они также обеспечивали сырье для мыловарения и горючее для освещения. Фруктовыми садами славились Триполи и Дамаск. Производство зерновых культур — пшеницы, ячменя и кукурузы — было развито в районах Хаурана и долине Бекаа.

Сельское хозяйство велось крайне отсталым способом. Отмечая рутинный характер техники сирийских крестьян, французский журналист, посетивший в 1860 г. Сирию, писал, что основное орудие труда феллаха представляет собой загнутую палку, которая только царапает землю[10]. Бедность крестьян не позволяла им применять другое, не столь примитивное орудие труда. При плохой обработке почвы урожаи, как правило, были низкие.

Помимо арендной платы за землю, о чем говорилось выше, крестьянин был обременен поземельным налогом, взимаемым в пользу султанской казны и местных феодалов.

Общая сумма налогов в Ливане, которую эмир выплачивал турецкому правительству, быстро возрастала. Если в конце XVIII в. эта сумма составляла 600 тыс. пиастров, то в 30-х годах XIX в. она увеличилась до 6,5 млн. пиастров. То же наблюдалось и в Сирии. Тяжелый налоговый гнет приводил к частым крестьянским волнениям. В 1847 г. волнения вспыхнули в горном районе Ансарийа, в 1850 г. — в округах Баальбека и Алеппо, в 1852—1853 гг. — в Хауране [11].

Нуждаясь в средствах для выплаты денежных налогов, крестьянин зачастую должен был обращаться к ростовщику или скупщику, готовому скупать урожаи зерновых культур или хлопка прямо на корню, по цене значительно ниже рыночной.

Результатом эксплуатации феодала и скупщика была жестокая бедность арабских крестьян. Крестьянство было обременено долгами, находилось на грани полного разорения.

[9] Сирия являлась древнейшей страной шелководства. Шелковичное дерево было вывезено сирийцами из Китая в VI в.

[10] «Le Moniteur», 23.VIII.1860.

[11] См. И. М. Смилянская, *Крестьянское восстание в Кесруане*, стр. 35.

Бедственное положение сирийских крестьян приводило к упадку экономики всей страны. Народонаселение Сирии постепенно уменьшалось [12]. Социальные противоречия между крестьянством и крупными земельными собственниками, все более обострявшиеся в связи с разложением феодальных отношений, порождали классовую борьбу. Феллахи выступали против феодалов, отказывались платить им налоги. В 40—60-годах XIX в. в Сирии и Ливане происходил подъем антифеодального движения, высшей точкой которого было восстание крестьян 1859 г. в Кесруане [13]. Это восстание явилось как бы прологом кровопролитной междоусобной борьбы, разразившейся в Сирии в 1860 г.

Отсталая система землепользования в Сирии и Ливане являлась главным препятствием для развития капиталистических отношений в деревне.

Развитие капиталистических отношений в сирийском городе также происходило крайне медленно. Это было связано прежде всего с узостью внутреннего рынка. Разоренный налогами феллах был плохим покупателем мануфактурных товаров. Слаборазвитая сирийская промышленность находилась в середине XIX в. на ремесленно-мануфактурной стадии. Предприятия представляли собой мастерские ремесленно-кустарного типа, которые удовлетворяли потребность местных рынков.

Это были небольшие текстильные, мыловаренные, пороховые, сапожные и другие мастерские, где вместе работали хозяин, члены его семьи и несколько наемных рабочих. Рядом с ними существовали кустари-одиночки, зачастую еще тесно связанные с сельским хозяйством.

Мануфактурное производство было представлено шелкомотальными мануфактурами, работавшими с 40-х годов преимущественно на вывоз. В Бейруте и его окрестностях имелось 12 больших шелкопрядилен (с 1000 катушками) и 40 мелких прядилен (с 500 катушками) [14], принадлежавших местным предпринимателям [15]. С десяток мануфактур, главным образом ткацких, было в Дамаске и Халебе — наиболее развитых торгово-ремесленных городах Сирии. До 1860 г. в Дамаске числилось около 3 тыс. шелкоткацких станков, в Дейр эль-Камаре — 400, в Зуке — 50, в Захле и Сайде — по 20 [16]. В Дейр эль-Камаре находилось свыше 40 мастерских, на которых было занято около 400 рабочих [17]. Наличие к 60-м годам небольших шелкопрядильных фабрик в Ливане дает возможность говорить о зарождении в нем фабричного производства.

[12] См. К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством...*, ч. II, стр. 139.

[13] См. И. М. Смилянская, *Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в.*

[14] L. Farley, *The resources of Turkey*, p. 224.

[15] О деятельности европейского капитала в Сирии см. ниже.

[16] G. Ducousso, *L'industrie de la soie en Syrie*, p. 180.

Развитию местной промышленности помимо узости внутреннего рынка сильно препятствовала конкуренция иностранных товаров. Европейские товары, буквально хлынувшие в Сирию с 30-х годов XIX в., нанесли мануфактуре и ремеслу тяжелый удар. В начале XIX в. мастерские городов Сирии снабжали большую часть Османской империи шелковыми тканями. Конкуренция Европы способствовала резкому уменьшению этой продукции, и к 1860 г. Сайда, Триполи, Хомс и Хама насчитывали всего по нескольку ткацких станков. Только Дамаск все еще сохранял монополию по снабжению шелковыми тканями Каира [18].

Внутренняя торговля Сирии и Ливана была довольно развита. Между городами и прилегавшими к ним сельскохозяйственными округами существовали тесные связи. Так, на базары Дамаска крестьяне из окрестных деревень привозили фрукты и овощи, а хауранцы — хлеб и древесный уголь. Жители ливанских гор (район тутовых плантаций) поставляли шелк-сырец для ткацких мастерских Дамаска и Халеба. Как результат развития внутренней торговли к середине XIX в. из небольших селений вырастали новые торговые центры — Дейр эль-Камар и Захла. Значительно увеличилось население большого торгового города Бейрута (с 9 тыс. в 30-х годах до 40 тыс. человек в 60-х годах).

Сирийские торговцы были связаны экономическими интересами с феодалами. Некоторые ливанские феодалы (Джумблаты, Арсланы, Абу аль-Малики) вкладывали свои капиталы в торговые и промышленные предприятия. Образованию небольшого слоя торговой буржуазии (ее представляли главным образом христиане-левантийцы) способствовало развитие внешней торговли. Богатые купцы-бейрутинцы имели, как правило, тесный деловой контакт с иностранными торговыми фирмами [19].

Социально-экономический строй Сирии и Ливана середины XIX в. характеризовался многоукладностью. Господствовавший феодальный способ производства находился уже на стадии разложения. Зарождались новые капиталистические отношения — в городах развивались мануфактуры и мелкотоварные предприятия. В наиболее отсталых внутренних райо-

[17] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861*, pp. 345, 346.

[18] G. Ducousso, *L'industrie de la soie en Syrie*, p. 180.

[19] См. И. М. Смилянская, *К вопросу о разложении феодальных отношений...*, стр. 300.

нах Сирии у кочевников можно было встретить более примитивные формы общественной жизни — элементы родо-племенного строя.

* * *

Развитию товарно-денежных отношений в Сирии и Ливане в значительной степени способствовало проникновение в их экономику западноевропейского капитала. Как известно, середина XIX в. была важным этапом на пути превращения Турции в полуколонию европейских государств. Крымская война ослабила Османскую империю и способствовала захвату европейскими державами основных экономических и политических позиций в Турции. Ее внешние долги начали расти с невиданной быстротой. В 1854 г. Порта получила первый иностранный заем в 75 млн. фр., а уже к 1870 г. она должна была иностранцам 2,5 млрд. фр.[20]. В 1856 г. английскими финансистами был учрежден Оттоманский банк, который сыграл большую роль в финансовом закабалении Турции. В эти же годы европейцами были получены первые концессии на строительство шоссейных, а позже и железных дорог, предназначенных для обслуживания иностранной торговли и связи отдаленных районов страны с морскими портами.

Европейская буржуазия искала в Османской империи рынки сбыта и источники сырья. Здесь перед ней открывались большие возможности. Турецкие таможенные пошлины составляли всего 5% стоимости ввозимых товаров[21].

Рассмотрим торговые связи западноевропейских держав с Турцией в первой половине XIX в. Само собой разумеется, что нас в первую очередь будут интересовать при этом Сирия и Ливан.

Торговля Англии с Турцией, довольно пассивная в конце XVIII в., стала быстро возрастать со второй четверти следующего столетия.

Американский исследователь Парьир считает, что толчком для развития британской торговли на Ближнем Востоке послужил англо-турецкий торговый договор 1838 г., который открыл широкий доступ товарам Англии на рынки Османской империи[22].

В 1825 г. английский экспорт в Турцию равнялся всего 531 704 ф. ст. В 1853 г. он составлял 2 515 395 ф. ст., в 1857 г.—

[20] А. Ф. Миллер, *Краткая история Турции*, стр. 83.

[21] Пятипроцентная пошлина на ввозимые в Турцию товары была установлена в 1832 г. Эта ставка существовала до 1861 г., когда Турция в договорах с Англией, Францией, Бельгией и Италией подняла свою ввозную пошлину до 8%.

[22] V.-J. Puryear, *International economics and diplomacy in the Near East...*, p. 127.

4 012 242, в 1860 г. — 5 237 105 ф. ст. Английский экспорт в Турцию на $^{9}/_{10}$ состоял из хлопчатобумажных товаров, вырабатывавшихся в Глазго, Манчестере и других промышленных центрах. Турция в 1860 г. продала Англии сырья и сельскохозяйственных товаров на 3 011 277 ф. ст.[23].

Англия импортировала из Турции зерно, шерсть, оливковое масло, табак и хлопок. Английские промышленники проявляли большой интерес к турецкому и, в частности, к сирийскому хлопку. В 1860 г. Манчестерское общество разведения хлопчатника объявило, что готово даром снабжать феллахов Сирии и Ливана семенами хлопка и даже ссужать деньгами тех, кто захочет заняться хлопководством. Английские мануфактуристы, учитывая благоприятный климат и почвенные условия, считали, что по производству хлопка Сирия могла бы конкурировать с США[24].

Накануне Крымской войны в английской печати высказывалось мнение о том, что для английской буржуазии Турция представляет больший интерес, чем Россия. При этом подчеркивалось, что разгром Турции может привести к полному упадку английской торговли[25]. Важное значение турецких рынков для Англии осталось неизменным и после Крымской войны. В 1860 г. в английском журнале «Квотерли ревю» была опубликована статья, в которой говорилось, что Османская империя является самым выгодным для Англии рынком сбыта и источником сырья. В статье делался важный политический вывод о естественном желании английского правительства воспрепятствовать утверждению господства в Турции другой европейской державы, что закрыло бы столь прибыльный рынок для английских промышленников[26].

В английской торговле с Турцией рынки Сирии и Ливана занимали значительное место.

Английский экспорт в Сирию (имеются в виду только английские мануфактурные товары, без учета иностранных и колониальных товаров, перевозимых на английских судах) отражают следующие данные: в 1848 г. было ввезено товаров на 258 186 ф. ст., в 1853 г. — на 306 580, в 1854 г. — на 366 993, в 1857 г. — на 703 375, в 1858 г. — на 760 497 ф. ст.[27]. Следовательно, английский экспорт в Сирию в 40—50-х годах XIX в. ежегодно возрастал и за 10 лет (1848—1858) увеличился почти в три раза.

Английская буржуазия располагала в Сирии развитой сетью торговых контор, складов, специальных агентов. Ее

[23] L. Farley, *Modern Turkey*, pp. 194, 196.

[24] «Листок» РОПИТ, 1860, № 63.

[25] См. Е. В. Тарле, *Крымская война*, ч. I, стр. 31.

[26] «Листок» РОПИТ, 1860, № 68.

[27] L. Farley, *The resources of Turkey*, p. 206.

деловые интересы бдительно охранялись английскими консулами. В 40-х годах XIX в. число английских консулов в Ливане значительно возросло [28]. В свою очередь в Лондоне, Манчестере и других промышленных городах Англии были учреждены торговые конторы, в которых работали турецкие подданные, по преимуществу арабы и армяне [29].

Франции, раньше, чем Англии, удалось установить торговые отношения с Турцией и, в частности, с Левантом. Французские буржуазные исследователи восточного вопроса, указывая на этот факт, подчеркивают, что связи Франции с Турцией уходят своими корнями в далекое прошлое [30].

Действительно, заключенный в 1535 г. франко-турецкий договор (первый капитуляционный договор) не только создавал особый льготный режим для французских купцов, но и обязывал все европейские нации вести торговлю с Левантом лишь при посредничестве французского флота. Большие привилегии получила французская торговля и по капитуляциям 1604, 1673 и 1740 гг., которые способствовали ее процветанию. В то время торговые обороты Франции с Турцией достигали чрезвычайно больших размеров (85 млн. ливров) [31].

В период революции 1789—1794 гг. и последовавшей за ней длительной полосы войн торговля Франции на Востоке резко сократилась. В начале XIX в. левантийская торговля Франции упала на 30 млн. фр.[32]. Но уже с 30-х годов XIX в. французская торговля с Турцией стала снова развиваться довольно быстрыми темпами.

О торговых оборотах между Францией и Турцией в первой половине XIX в. можно судить по следующим цифрам (в млн. фр.) [33]:

Годы	Ввоз Франции в Турцию	Вывоз Франции из Турции
1827—1836	9,6	12,6
1837—1846	11,1	27,2
1847—1856	29,1	51,8
1857—1866	53,7	117,8

Эти данные свидетельствуют о неуклонном развитии французской торговли в Турции не только в период 30—50-х годов,

[28] V.-J. Puryear, *International economics and diplomacy in the Near East...*, p. 27.
[29] N. Verney et G. Dambmann, *Les puissances étrangères...*, p. 501.
[30] Ibid., p. 549; A. Martineau, *Le commerce française dans le Levant*, p. 21.
[31] A. Martineau, *Le commerce française dans le Levant*, p. 22.
p. 22.
[32] Ibid.
[33] N. Verney et G. Dambmann, *Les puissances étrangères...*, p. 550.

но и в годы, последовавшие за Крымской войной. За 18 лет (1852—1869) она выросла в три раза. По темпам развития мировой торговли тех лет Францию можно сравнить лишь с Англией, торговые обороты которой в 40—60-х годах также выросли примерно в три раза [34]. Правда, в абсолютных цифрах Франция все еще уступала Англии [35].

По данным французского экономического журнала, в 1861 г. Турция по импорту Франции стояла на седьмом, а по экспорту на девятом месте [36].

Из всего иностранного ввоза в Турцию (в середине XIX в.) доля Франции составляла 12%; французский вывоз из Турции более чем в два раза превышал ввоз, составляя 29% от всего экспорта Османской империи [37].

Франция после Крымской войны стала самым серьезным конкурентом Англии на турецких рынках. Темпы развития французской торговли с Турцией стали явно опережать темпы английской торговли. В то время как общая сумма торговых оборотов между Англией и Турцией с 1851 по 1860 г. возросла с 7 млн. ф. ст. до 11 млн. ф. ст., за тот же период между Францией и Турцией сумма торговых оборотов возросла с 2,9 млн. ф. ст. до 8,4 млн. ф. ст. [38]. Эти сведения, заимствованные из английского источника, подтверждаются и французскими данными. Французский историк А. Мартино указывает, что из общей цифры торговых оборотов Османской империи, равной в 60-х годах 725 млн. фр., 350 млн. фр. были английскими и 250 млн. фр. — французскими [39]. Это означало, что на турецких рынках Франция занимала второе место после Англии и что разрыв между французской и английской торговлей был не очень значительным.

Сирия и Ливан интересовали французскую буржуазию главным образом как поставщики сырья в котором нуждалась легкая промышленность Франции. Установить количество хлопка и шелка, вывозившегося из Сирии в 60-х годах во Францию, представляется делом чрезвычайно трудным [40]. Известно лишь, что владельцы шелковых фабрик Лиона имели в Ливане свои конторы по закупке шелка-сырца, что в Сирии в 60-х годах XIX в. было около десяти шелкопрядильных предприятий и производимый на них шелк предназначался исключительно для французских рынков [41]. По словам русско-

[34] J. Kucsynski, *Weltproduktion und Welthandel...*, S. 31, 34.
[35] E. Levasseur, *Histoire du commerce de la France*, p. 330.
[36] «Les Journal des économistes», t. 36, 1862, p. 272.
[37] N. Verney et G. Dambmann, *Les puissances étrangères...*, p. 550.
[38] L. Farley, *The resources of Turkey*, p. 215.
[39] A. Martineau, *Le commerce française dans le Levant*, p. 22.
[40] M. Emerit, *La crise syrienne et l'éxpansion économique française en 1860*, p. 225.
[41] К. Петкович, *Ливан и ливанцы*, стр. 169, 170, 180.

го консула в Бейруте К. Петковича, Франция одна получала весь ливанский шелк[42]. В этой связи интересны также данные, сообщаемые Г. Докуссо, написавшим специальное исследование об истории производства сирийского шелка. Г. Дюкуссо утверждает, что в середине XIX в. вся сирийская продукция шелкового сырья составляла 200 тыс. *кг*, из которых 25 тыс. *кг* (13%) отправлялись только в один Марсель[43].

Заинтересованность французских фабрикантов в сирийском шелке особенно возросла с того времени, когда производство шелка-сырца в самой Франции вступило в полосу кризиса.

Этот кризис начался в 1853 г. в связи с заболеванием гусениц тутового шелкопряда. Из-за недостатка сырья шелкоткацкие предприятия были вынуждены либо закрываться, либо значительно сокращать объем своей работы. В долине Роны и в Лангедоке в то время работы на шелкоткацких фабриках были совсем прекращены.

В 1856 г. кризис повторился в еще больших размерах. В Бротто $^4/_5$ мастерских закрылись из-за отсутствия сырья. Положение с шелком-сырцом не улучшилось и в последующие годы. О его большом недостатке во Франции сообщалось в одной русской торговой газете. «Во французских фабриках застой, — писала эта газета. — Лионская торговая палата представила правительству просьбу, чтобы оно поощрило устройство прямого пароходного сообщения между Францией, Индией и Китаем... Шелк-сырец стал очень редок на французских рынках, и его почти вовсе нельзя достать в Италии»[44]. В эти кризисные годы французские мануфактуристы должны были покупать шелк-сырец на иностранных рынках в значительно большем количестве, чем раньше. В 1859 г. для обеспечения сырьем только лионских предприятий было вывезено из Китая шелка и коконов на 92 млн. фр.[45]. Помимо Китая и Сирии Франция импортировала шелк-сырец из Японии, Персии. Но Сирия была территориально ближе к Франции, следовательно, доставка сирийского шелка была удобнее и дешевле. Почти так же, как в сирийском шелке, французская буржуазия была заинтересована и в сирийском хлопке. Русский экономист А. Бутковский, сообщая в 1860 г. о возросшем за последние годы вывозе хлопка из азиатской части Турции, отмечал, что сирийский хлопок преимущественно идет в Марсель (Франция) и Триест (Австрия)[46]. Таким об-

[42] Там же, стр. 179.
[43] G. Ducousso, *L'industrie de la soie en Syrie*, p. 63.
[44] «Листок» РОПИТ, 1860, № 24.
[45] «Шелковичный червь (Из исследований А. Катрфажа)», стр. 46.
[46] А. Бутковский, *Хлопчатобумажная промышленность*, стр. 38.

разом, как для Англии, так и для Франции торговля с Турцией была жизненно необходима.

Третий активный участник восточной торговли — Австрия появилась на турецких рынках позже других держав — только в 30-х годах XIX в. Однако развитие австрийской торговли в Турции шло очень быстро. Австрия начала довольно успешно конкурировать с Англией и Францией. Из Турции Австрия вывозила хлопок, а ввозила туда сукно и хлопчатобумажные изделия. Хлопок перерабатывался на текстильных мануфактурах Чехии, Моравии, Нижней Австрии. Особенно благоприятные условия создались для австрийской торговли в Сирии в период Крымской войны, когда основные конкуренты Австрии вели военные действия.

О размерах торговли европейских держав с Турцией в середине XIX в. дают представление следующие данные (в млн. фр.)[47]:

Страны	Ввоз в Турцию	Вывоз из Турции
Англия	58	30
Франция	29	52
Австрия	26	42,5
Россия	22	17

По ввозу товаров в Турцию первое место занимала Англия, по вывозу — Франция.

Торговля России с Турцией по своим масштабам значительно уступала торговле с ней наиболее развитых европейских государств. Это объяснялось общей отсталостью русской экономики. Развитие капиталистических отношений в России в середине XIX в. тормозилось узостью внутреннего рынка и низкой производительностью труда. Развитию русской торговли через южные порты мешало бездорожье. В Москву хлопок из турецкой Армении везли не через Одессу, а через Лондон и Петербург[48]. Начальник Одесского таможенного округа в докладе сообщал, что в Одесский порт в 1862 г. прибыло из-за границы на 230 судов меньше, чем в 1861 г. Это происходило, по его словам, «по причине *неудобств путей сообщения этого края* (курсив наш. — *М. П.*) и отсутствия капиталов, необходимых для развития сельского хозяйства и торговли»[49].

Развитию русской иностранной торговли препятствовало

[47] См. N. Jorca, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd V, S. 438, 439.
[48] К. Скальковский, *Суэцкий канал и его значение для русской торговли*, стр. 75.
[49] Одесский областной государственный архив, ф. «Канцелярия Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора», оп. 16, д. 161, л. 24.

также почти полное отсутствие за границей сети торговых контор и специальных агентов.

В экономическом отношении Османская империя интересовала Россию главным образом как рынок сбыта продуктов сельского хозяйства и добывающей промышленности. Но аграрная Турция сама вывозила на внешние рынки сельскохозяйственные продукты. Поэтому удельный вес русского экспорта в Турцию не мог быть значительным. Русско-сирийская торговля была ничтожна. Из Сирии Россия вывозила лимоны, апельсины, орехи, ковры, восточную мебель, а также известный своим высоким качеством джебельский табак [50].

По мнению И. М. Смилянской, специально исследовавшей вопрос о русско-сирийской торговле, «возникновение заметного интереса» русских торгово-промышленных кругов к Сирии относится к более позднему времени, а именно к концу XIX в. [51]. С этим замечанием в целом можно согласиться, но не следует забывать, что после Крымской войны царское правительство начало проявлять большую заботу о развитии торговли с Ближним Востоком и деловые круги России, опираясь на его поддержку, стали довольно быстро добиваться значительных успехов в этом районе. Торговая буржуазия юга России проявляла немалый интерес к установлению более тесных связей с Турцией [52]. Она приветствовала создание в 1857 г. акционерной компании Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ). Издававшийся в течение 1860 г. орган РОПИТ «Листок» имел собственных корреспондентов в Бейруте, Латакии и других ливанских городах. На страницах «Листка» подробно освещалась деятельность иностранных пароходных компаний и торговых фирм в Сирии, уделялось много внимания описанию состояния сирийских портов и даже освещались вопросы внутренней жизни этой страны. В одном из номеров газеты автор утверждал, что в последнее время русская торговля с Сирией и Ливаном начала обнаруживать «цветущее развитие», что «благодаря деятельности РОПИТ наши сношения с этими местами (стали. — *М. П.*) значительны» [53]. Это заявление, может быть и несколько преувеличенное, все же свидетельствует о возрастании торговых интересов России в Сирии в начале 60-х годов XIX в.

[50] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 31.I.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1309, л. 45.

[51] См. И. М. Смилянская, *Из истории русско-сирийских торговых связей.*

[52] Следует отметить, что в России весьма заинтересовались проблемой строительства Суэцкого канала. Когда во время своей поездки по Европе 1857—1858 гг. Ф. Лессепс посетил Одессу, коммерсанты юга России и РОПИТ устроили ему торжественный прием (см. К. Скальковский, *Суэцкий канал и его значение для русской торговли,* стр. 6).

[53] «Листок» РОПИТ, 1860, № 56.

Немалый интерес для выяснения доли участия держав в торговле Сирии представляют данные о торговых оборотах крупнейшего сирийского порта Бейрута за 1853, 1856 и 1857 гг. [54].

Импорт (в тыс. ф. ст.): Из стран	1853 г.	1856 г.	1857 г.	Итого
Англия	225,9	434,2	276,5	936,6
Австрия	268,6	268,1	353,0	889,7
Франция	109,0	260,8	453,6	823,4
Турция	89,2	184,8	230,6	504,6
Сардиния	4,4	7,4	3,4	15,2
Россия	1,3	—	—	1,3

Экспорт (в тыс. ф. ст.): В страны	1853 г.	1856 г.	1857 г.	Итого
Англия	42,0	45,3	66,9	154,2
Австрия	333,9	267,1	341,4	942,4
Франция	161,0	247,3	286,8	695,1
Турция	67,8	202,3	254,9	525,0
Сардиния	1,2	17,6	5,1	23,9
Россия	1,1	—	—	1,1

Приведенные цифры свидетельствуют, что по ввозу в Бейрут на первом месте стояла Англия (ее ввоз превышал вывоз в шесть раз). Второе место занимала Австрия, третье — Франция. Первое место по вывозу из Бейрута принадлежало Австрии. Это объяснялось тем, что в годы Крымской войны транспортный флот Англии и Франции обслуживал военные нужды, что привело к сокращению торговли Сирии с этими странами. Можно полагать, что объем австрийской торговли в Сирии в мирное время не был столь значительным. Доля участия России в бейрутской торговле была ничтожна в 1853 г., а в последующие годы в связи с начавшейся войной свелась к нулю. Торговые отношения с Бейрутом имело также Сардинское королевство. Итальянцы ввозили в Сирию рис и мрамор, а вывозили овечью шерсть и шкуры. С середины XIX в. сирийские порты начали посещать американские суда, которые привозили главным образом нефть и керосин, а вывозили овечью шерсть [55]. Коммерческие интересы Пруссии на всем Ближнем Востоке в это время были незначительны [56].

[54] См. L. Farley, *Two years in Syria,* p. 370.

[55] I. Zwiedinek von Südenhorst, *Syrien und seine Bedeutung für den Welthandel,* S. 80.

[56] V.-J. Puryear, *International economics and diplomacy in the Near East...,* p. 207.

Сирия и Ливан экспортировали главным образом сырье: хлопок, шелк-сырец (или коконы), шерсть, овечьи и козьи шкуры, ализарин[57]. Другими ведущими статьями сирийского вывоза были: пшеница, сухофрукты, оливковое масло, табак, орехи, фисташки, анис. Асфальт шел преимущественно в Англию и Францию.

В Сирию из Европы поступали мануфактурные товары (хлопчатобумажные и шерстяные изделия), металл (железо, цинк, медь), керосин, бумага, стекло, зерно, вино и так называемые колониальные товары (кофе, сахар, индиго).

Основными центрами внешней торговли Сирии были Бейрут и Александретта, которые по размерам своих торговых оборотов могут быть поставлены рядом с Константинополем. Через Бейрут[58] вывозились товары, производимые в Дамасском пашалыке. Несмотря на то что Бейрут представлял собой открытый рейд, зимой весьма опасный из-за ветров, его посещали коммерческие суда многих стран.

Ценные сведения о росте торговых оборотов Бейрута сообщает весьма осведомленный сотрудник английского консульства (1857—1858) Л. Фарли. По его данным, ввоз Бейрута в 1841 г. равнялся 66 748 ф. ст., в 1856 г.— 1 162 676, в 1859 г. — 1 448 860 ф. ст. Вывоз Бейрута в 1841 г. составлял 25 128 ф. ст., в 1856 г. — 795 657, в 1859 г. — 1 698 456 ф. ст.[59], т. е. за 18 лет ввоз Бейрута вырос более чем в 22 раза, а вывоз — в 67 раз.

Александретта была не только торговой гаванью, но и важным транзитным пунктом. Сюда доставлялись товары из северной Сирии, Месопотамии и Курдистана, предназначаемые для Европы, Египта и Константинополя. Несмотря на болотистую и малярийную местность, где была основана Александретта, этот защищенный от ветров порт развивался весьма быстро. С 1844 по 1855 г. ввоз и вывоз в Александретту утроился.

Немалое торговое значение имели также такие порты, как Хайфа, Триполи и Латакия. Их посещали преимущественно французские и английские суда.

Крупным торговым центром, расположенным на перекрестке путей в северной части Сирии, был город Алеппо. В Алеппо прибывали многочисленные караваны с товарами из различных пунктов Османской империи: Басры, Багдада, Мосула, Диарбекира, Вана, Трапезунда, Дамаска, Смирны. Затем товары переправлялись в сирийские порты для дальнейшей

[57] Ализарин — краситель для текстиля, добываемый из корня растения марены.

[58] В 1860 г. население Бейрута составляло 40 тыс. человек.

[59] L. Farley, *The resources of Turkey*, p. 206.

транспортировки в Европу. Из Алеппо хлопок и хлопковые нитки вывозились во все европейские страны[60].

В 1851 г. вывоз из Алеппо составил 486 060 ф. ст., в 1855 г. он возрос до 1 414 059 ф. ст., т. е. за пять лет увеличился почти в три раза[61].

Развитие внешней торговли Сирии зависело от состояния торгового флота европейских государств. Представление о размерах флота держав, которые вели торговлю с Сирией, дают следующие цифры, относящиеся к 1858 г.[62]:

	Число судов	Тоннаж
Англия	37 088	5 531 887
США	39 225	5 291 227
Франция (к 1860 г.)	15 032	1 025 942
Италия	16 741	580 906
Австрия	9 651	376 239
Россия	2 400	350 000

Как видим, крупнейшим в мире торговым флотом обладала Англия, за ней следовал флот США. Франция по количеству судов и их тоннажу занимала третье место.

Торговля европейских держав с Сирией осуществлялась при помощи различных судоходных компаний. Изучение деятельности этих компаний имеет немалое значение, так как развитие торгового судоходства в Средиземном море в известной степени отражало и объем торговли со странами средиземноморского бассейна, в частности с Сирией.

Наиболее крупными пароходными компаниями Западной Европы, осуществлявшими торговлю со странами Ближнего Востока, были: английские «Пенинсулар енд Ориентал» (Peninsular and Oriental), «Белл'с Азиа Минор» (Bell's Asia Minor), «Кнотт'с Прайнс Лайн» (Knott's Prince Line), французская «Мессаджери Маритим Империаль» (Messadgeries Maritimes Imperiales), «Австрийский Ллойд» (Oesterreichischer Lloyd) и итальянская «Навигационе Женерале» (Navigatione Generale).

Эти компании имели на Ближнем Востоке разветвленную сеть торговых агентств со значительным штатом служащих. В некоторых пунктах консулы европейских держав совмещали обязанности агентов компании. Наиболее крупными были английские пароходные компании, учрежденные еще в 40-х годах XIX в. Они имели прочную финансовую базу и старые торговые связи. «Белл'с Азиа Минор» и «Кнотт'с Прайнс Лайн» вели торговлю главным образом с Сирией[63].

[60] H. Guys, *Statistique de pachalik d'Alep*, p. 125.

[61] L. Farley, *The resources of Turkey*, p. 206.

[62] В. Дорогобужинов, *О торговом мореплавании во Франции*, стр. 8.

[63] N. Verney et G. Dambmann, *Les puissances étrangères...*, p. 518.

Несколько позже английских компаний было учреждено торговое общество «Мессаджери», сыгравшее большую роль в развитии французской торговли с Сирией. Общество возникло в 1851 г. в Марселе по инициативе дельца А. Ростана. От правительства оно получало ежегодные субсидии в 2,5 млн. фр. (800 тыс. руб.), а в 1857 г. они были увеличены до 4,5 млн. фр. (1,5 млн. руб.) [64].

Кроме субсидий правительство периодически выделяло обществу крупные денежные суммы и предоставило в его распоряжение 13 военных кораблей. По договору, заключенному А. Ростаном с правительством, на «Мессаджери» возлагалась обязанность поддерживать регулярные почтовые сообщения с портами Средиземного моря. Первая регулярная линия была учреждена из Марселя, через Мальту, итальянские порты, Александрию на Константинополь [65].

На пути в Константинополь пароходы «Мессаджери» заходили в Бейрут и другие сирийские порты. С течением времени были основаны три специальные линии в Ливан [66]. Морской тоннаж судов общества быстро возрастал: в 1851 г. он составлял 13 612 *т*, а в 1871 г. — 137 тыс. *т* [67]. Для пополнения и ремонта плавучего состава общество создало на Средиземном море верфи и заводы Ла-Сиота.

Торговую связь Австрии с сирийским рынком поддерживало пароходное общество «Австрийского Ллойда» (его называли также Триестинским Ллойдом). Роль «Ллойда» для австрийской торговли на Востоке была исключительно велика. Как писали французские историки, «Австрия вступила на рынки Сирии и Палестины со времени создания своего „Ллойда“» [68]. Эта единственная большая австрийская пароходная компания образовалась в 1836 г. в Триесте в результате слияния нескольких мелких компаний. Вначале капитал «Ллойда» был весьма скромным, составлял 1 млн. гульденов (650 тыс. руб.) [69]. Но деятельность «Ллойда» довольно быстро расширялась. В год своего образования «Ллойд» располагал всего 7 судами, в 1846 г. он имел 20 судов, в 1866 г. их число возросло до 72 [70]. По отчету 1860 г., «Ллойд» получил около 7 млн. гульденов. Из них 1,5 были правительственными

[64] А. П. Жандр, *Сведения о заграничных пароходных обществах...*, стр. 37.

[65] В 60-х годах XIX в. общество «Мессаджери Маритим» уже имело линии: в Индокитай, в Китай, Индию, Австралию, Латинскую Америку.

[66] N. Verney et G. Dambmann, *Les puissances étrangères...*, p. 568.

[67] R. Verneaut, *L'industrie les transports maritimes au XIX siècle*, t. III, p. 50.

[68] N. Verney et G. Dambmann, *Les puissances étrangères...*, p. 484.

[69] А. П. Жандр, *Сведения о заграничных пароходных обществах...*, стр. 40.

[70] «Листок» РОПИТ, 1860, № 1 и 45.

субсидиями, остальную сумму дала выручка с рейсов. Причем самой производительной оказалась Левантийская линия, принесшая 2 млн. гульденов [71]. В своем обзоре морской торговли Австрии, написанном в 1856 г., К. Маркс отмечал поразительно быстрые успехи «Ллойда», достигнутые им за сравнительно короткий период его существования [72].

Торговля России со странами Ближнего Востока в XIX в. была тесно связана с деятельностью Русского общества пароходства и торговли. РОПИТ обслуживал грузовые и пассажирские перевозки по Черному и Средиземному морям и Атлантическому океану. В 1860 г. общество владело 41 пароходом водоизмещением 32 тыс. *т* [73]. Из 12 регулярных линий РОПИТ — шесть были заграничными: Александрийская, Константинопольская, Анатолийская, Марсельская, Лондонская и Галацкая.

Специальной бейрутской линии в начале 60-х годов XIX в. у РОПИТ еще не было, но пароходы этого общества совершали рейсы в сирийские порты. Русские суда, следовавшие через Константинополь на Александрию, Марсель и Триест, заходили в Бейрут и Латакию. Поскольку суда РОПИТ регулярно посещали эти порты, современники называли Александрийскую линию Сирийско-Александрийской.

Отсутствие в Сирии складов, торговых палат, специальных агентов (в Бейруте, например, у РОПИТ не было ни одного торгового агента) [74] препятствовало развитию там русской торговли.

Лучшими пароходными обществами Средиземного моря середины XIX в. считались «Мессаджери» и «Австрийский Ллойд». Л. Фарли, упрекая английские компании в недостаточной активности в бассейне Восточного Средиземноморья, писал: «Корабли французского „Мессаджери“, „Австрийского Ллойда“ и Русского общества пароходства и торговли значительно более частые посетители турецких портов, чем корабли под английским флагом» [75]. Весьма обеспокоенный этим обстоятельством, Л. Фарли произвел тщательный подсчет судов Англии и некоторых других европейских государств, посетивших Бейрут в 50-х годах XIX в.

Следующие данные свидетельствуют о том, что за период с 1855 по 1859 г. число английских судов, посетивших Бейрут, с каждым годом уменьшалось [76].

[71] Там же.

[72] К. Маркс, *Морская торговля Австрии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 91

[73] С. И. Иловайский, *Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли*, стр. 53.

[74] «Листок» РОПИТ, 1860, № 42.

[75] L. Farley, *Modern Turkey*, p. 197.

[76] См. Л. Фарли (L. Farley, *The resources of Turkey*, p. 213).

предприятия. Руководители последних неоднократно обращались к командованию французских войск в Сирии с просьбой вернуть бежавших рабочих силой оружия [82]. Ненависть народа к своим эксплуататорам находила выражение и в том, что в ряде случаев рабочие не просто покидали мастерские, а разрушали помещения и машины, убивали представителей европейской администрации [83].

Кроме промышленных предприятий европейская буржуазия вкладывала свои капиталы и в дорожное строительство Сирии, которое обещало принести ей немалые доходы.

Акционерная французская Имперская Оттоманская компания дороги Бейрут — Дамаск (Companie Imperial Ottomane de la route de Beyrouth à Damas), созданная в 1858 г., приобрела у султана фирман на устройство шоссейной дороги между Бейрутом и Дамаском длиной 112,2 *км*. Концессия была подписана на выгодных для компании условиях. Она получала монопольное право на эксплуатацию дороги в течение 20 лет [84]. Дорожные работы проводились нанятыми компанией местными рабочими, которыми руководили французские инженеры. Личный состав служащих по эксплуатации дороги состоял почти весь из французов. В 1865 г. дорога была открыта. Перевозка пассажиров и товаров совершалась в доставленных из Франции дилижансах и фурах. Проезд от Бейрута до Дамаска вместо трех дней теперь сокращался до 13 часов. Сооружение этой дороги имело большое значение для активизации торговли Бейрута и экономического развития всей страны в целом.

Однако трудовой люд Ливана был фактически лишен возможности пользоваться удобствами нового сообщения, так как за проезд в экипажах и за навьюченных животных требовалось уплатить компании высокий дорожный сбор. Поэтому бедняки по-прежнему пользовались старой горной тропинкой [85].

Что касается банкового капитала, то в исследуемую эпоху (домонополистического капитализма) его проникновение в Сирию не могло принять широкого размаха. Однако банковские круги Лондона проявляли в конце 50-х годов к проблеме учреждения английского банка в Сирии определенный интерес. Горячо ратовал за создание английского банка в Бейруте вышеупомянутый Л. Фарли. Заметим, кстати, что с 1860 по 1861 г. Фарли работал в должности главного бухгалтера в Оттоманском банке.

---

[82] Ibid., p. 227.
[83] «Листок» РОПИТ, 1860, № 63.
[84] Там же, № 42.
[85] См. К. Петкович, *Ливан и ливанцы*, стр. 181.

С предложением создать сирийский банк он выступил прежде всего на страницах газеты «Левант Геральд», которая издавалась в столице Турции для англичан, проживавших на Востоке. Рисуя английской буржуазии заманчивые перспективы, он утверждал, что капиталы, вложенные в сирийский банк, будут приносить от 12 до 16% годовых [86].

Не ограничиваясь выступлением в прессе, Фарли не раз возвращался к этому вопросу в своих книгах о Турции, подчеркивая, что в Сирии «много богатств, но мало капиталов» [87]. Вопрос об организации банка он связывал с необходимостью заботиться о росте экономического и политического престижа англичан в Сирии.

Вероятно, не без вмешательства английских агентов в конце 50-х годов представители ведущих арабских торговых фирм Бейрута подали английскому вице-консулу Муру записку с просьбой к английскому правительству содействовать в организации банка в Бейруте, что необходимо «в целях прогрессивного развития торговли в Сирии» [88].

Вскоре после этого в городе действительно было открыто отделение Оттоманского банка, капитал которого принадлежал английским финансистам [89].

* * *

Экспансии европейского капитала в Сирию и Ливан немаловажную помощь оказывала христианская церковь.

Активную роль в проникновении великих держав в Сирию и Ливан сыграли многочисленные европейские и американские миссионерские организации, чья религиозная пропаганда имела задачей распространить среди местного населения влияние правительства, которое направило эти миссии на Восток. Колонизаторы, писал В. И. Ленин, «лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства» [90].

Миссионерские организации использовали в своих корыстных целях то обстоятельство, что население Сирии и Ливана было в религиозном отношении неоднородным.

Значительная часть населения принадлежала к секте маронитов — христиан особого вероисповедания, близкого к католичеству [91]. Мароните признавали верховенство Ватикана,

---

[86] L. Farley, *The resources of Turkey*, p. 225.
[87] L. Farley, *Two years in Syria*, p. 38.
[88] L. Farley, *The resources of Turkey*, p. 216.
[89] Ibid., p. 218.
[90] В. И. Ленин, *Китайская война*, — Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 379.
[91] Основание секты маронитов приписывается пустыннику Маруну, время жизни которого одни относят к IV в., другие — к VI в. Окончательное подчинение маронитской церкви Ватикану состоялось в первой половине XVIII в. (см. «Современный Ливан», стр. 20).

но сохраняли известную самостоятельность. Богослужение у маронитов совершалось на сирийском языке. Главой маронитской церкви был патриарх, который избирался маронитскими епископами, но утверждался папой. Под властью патриарха находились архиепископы, которые жили обычно не в епархиальных городах (Алеппо, Бейрут, Дамаск, Сайда и др.), а в монастырях. Высшее маронитское духовенство пользовалось доходами от больших земельных владений церкви, низшее — по образу жизни мало чем отличалось от бедняков-прихожан.

Помимо маронитов к христианскому населению Сирии и Ливана принадлежали православные, греко-униаты [92] и протестанты.

О положении сирийской православной церкви в середине XIX в. можно составить довольно полное представление по материалам известного духовного деятеля епископа Порфирия Успенского, посетившего Сирию и Палестину в 1843 г. В начале 1847 г. П. Успенский представил Синоду записку о состоянии православной церкви на Востоке [93].

Православную церковь в Сирии и Ливане возглавлял антиохийский патриарх.

В отличие от маронитской церкви, которую материально поддерживали маронитские феодалы, православная церковь не получала крупных пожертвований, так как ее приверженцами были главным образом крестьяне, ремесленники и мелкие торговцы. Среди православных сирийцев представителей землевладельческой аристократии почти не было [94].

Греко-униаты составляли сравнительно небольшую группу. Еще меньше была прослойка протестантов.

Мусульманское население Ливана и Сирии было представлено в основном друзами, членами особой секты [95]. Считая, что только члены их секты способны правильно воспринимать ее вероучение, друзы не вели религиозной пропаганды. Религиозный культ отправлялся у друзов привилегированной верхушкой — «посвященными», священнослужителей у них не было.

[92] Униатская церковь в Сирии образовалась в XVIII в., отделившись от православной в результате религиозной пропаганды католического духовенства и вступив в унию с Ватиканом. Сохранив свое автономное управление и свои культовые особенности, униаты признали главенство римского папы.

[93] В сокращенном виде эти сведения имеются в записках Г. Успенского, которые были опубликованы после его смерти. «Книга Бытия моего. Дневник и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского», т. I—II.

[94] К. Петкович, *Ливан и ливанцы,* стр. 114.

[95] Название секты друзов, по не вполне обоснованным данным, производят от имени одного из проповедников этого учения среди горцев Ливана — Дарази. Наряду с верой в единство аллаха друзы веруют в божественность халифа Хакима, царствовавшего в Египте в XI в. (см. Е. Беляев, *Мусульманское сектанство,* стр. 64).

В число мусульманского населения входили кроме друзов также мусульмане — сунниты и мутуалии (шииты). К суннитам принадлежало основное население внутренней Сирии и прибрежных городов, а также бедуины, курды и туркмены. Число мутуалиев было крайне незначительно.

Установить численное соотношение различных религиозных групп населения Сирии и Ливана при отсутствии точных статистических данных — дело чрезвычайно трудное. По сведениям французского современника событий 1860 г. Ф. Ленормана, число мусульман в Сирии и Ливане составляло 1325 тыс., а число христиан — 410 тыс., следовательно, соотношение мусульман к христианам выражалось как 3 : 1.

О количественном составе религиозных общин Сирии и Ливана свидетельствуют следующие данные (в тыс.) [96]:

Христиане

мароните	250
православные (греки-ортодоксы)	100
греко-униаты	50
сирийцы-католики	5
сирийцы-яковиты [97]	5

Мусульмане

сунниты	1200
друзы	75
шииты	50

Иное соотношение населения по религиозной принадлежности наблюдалось в Горном Ливане. По сведениям русского консула в Бейруте Г. Бегера, здесь в 1860 г. проживало 150 тыс. христиан различных исповеданий и 30 тыс. друзов [98].

По данным К. Петковича, количественный состав различных религиозных общин Горного Ливана был следующий (в тыс.) [99]:

Христиане

мароните	115,1
православные	28
греко-униаты	17,4

Мусульмане

друзы	24,5
мутуалии	8,2

[96] См. F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1860,* p. XV.

[97] Яковиты — приверженцы христианской секты в Сирии, основанной Яковом Барадаем. В культовом и обрядовом отношении яковиты мало отличаются от православных.

[98] Служебная записка 1860 г. (перевод с арабского), — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1309, л. 133.

[99] К. Петкович, *Ливан и ливанцы,* стр. 124, 130, 131.

Из этих цифр видно, что в Горном Ливане христианское население преобладало. Основной его частью были маронитыы. Соотношение маронитов к друзам здесь составляло 5:1.

Составить представление о районах расселения маронитов и друзов можно, проведя мысленно черту между Бейрутом и Дамаском. К северу от этой черты находились поселения маронитов (округа Кесруан, Метен). Богатые купцы-мароныты жили также в портовых городах ливанского побережья. К югу от упомянутой черты (округа Джиззин, Шуф) крестьянское население было смешанным: и друзским и маронитским. Земля, однако, принадлежала здесь друзским феодалам. Также смешанно жили друзы и мароныты в г. Дейр эль-Камар и в крупных поселениях Хасбайе и Рашайе.

По данным французского журналиста, посетившего Сирию в 60-х годах XIX в., в смешанных районах христиан проживало вдвое больше, чем друзов [100].

Основными центрами поселения друзов в Ливане были округа Аркуб и Мунасиф. В Сирии друзы жили в Харуане — области, лежащей на юг от Дамаска. Туда друзы начали переселяться еще с начала XIX в., теснимые маронитской колонизацией Южного и Центрального Ливана.

Друзы составляли также большинство населения горного округа Джебель Друз (Друзские горы), расположенного к востоку от Хаурана. Занимаясь главным образом земледелием и скотоводством, они в городах почти не селились.

Между различными группами населения Сирии и Ливана, особенно маронитами и друзами, в ряде случаев имели место взрывы религиозного антагонизма. Вместе с тем противоречия наблюдались и внутри различных общин христианского населения. Иностранные державы стремились использовать эти противоречия и религиозный фанатизм, который они всячески раздували среди местного населения. В свою очередь борьба европейских держав за установление своего господствующего влияния в Сирии усиливала соперничество христианских церквей и их взаимную неприязнь.

Господствующим влиянием среди христианского населения Ливана в рассматриваемое время пользовалась Франция. По ст. 32 капитуляции 1740 г. султан утвердил за Францией право быть покровительницей всех католиков и католических учреждений азиатской Турции. Французские публицисты и историки упорно поддерживали версию о том, что Франция взяла под свою опеку маронитов еще со времен Людовика XIV (1638—1715), который якобы первым стал их считать своими подданными [101].

[100] E. Poujade, *Le Liban et la Syrie 1845—1860*, p. 27.

[101] «L'illustration», t. XXXVI, Paris, 1860, p. 87; N. Verney et G. Dambmann, *Les puissances étrangères...*, p. 23.

Все маронитские и католические церкви и монастыри в Ливане и Сирии находились под опекой французских консулов; католические монахи, к какой бы нации они ни принадлежали, пользовались правами французских граждан [102]. Политические связи маронитов с Францией были крепче, чем их религиозные связи с Римом [103].

Маронитское духовенство в Ливане располагало большими материальными средствами. Пособия с Запада доходили до 2 млн. фр. ежегодно. На поддержание одних только церквей и приходов французское правительство присылало 100 тыс. фр. [104]. Верхушка маронитского духовенства получала значительные суммы и из Рима, Пьемонта, Бельгии, Испании.

В XIX в. в Сирии и Ливане действовали в основном представители двух французских монашеских орденов — иезуиты и лазаристы. Кроме них встречались и члены ордена капуцинов.

Лазаристский орден осуществлял руководство большой организацией «Сестер милосердия», созданной в Бейруте в 1846 г. Она открыла в Сирии народное училище, женский пансион, богадельни и госпитали. В Бейруте также довольно успешно подвизалось общество «Сестры Сен-Винцента». Это было отделение очень влиятельной в политическом и мощной в финансовом отношении французской католической организации «Общество Сен-Винцента» [105].

К. М. Базили, наблюдавший жизнь Сирии и Ливана в 40-х годах XIX в., отмечал, что в стране было около 300 представителей латинского (католического) духовенства, прибывших из Европы [106].

В ведении католических орденов находились церкви, часовни и монастыри. Католические церкви имелись почти во всех сирийских городах. Немалое внимание уделяли французские ордена организации школ и других учебных заведений.

Еще в 1783 г. в местечке Антура (в Горном Ливане) лазаристами была учреждена первая школа для детей из знатных арабских семей, где преподавание велось на французском языке. В 1812 г. для маронитов была открыта еще одна школа, названная «Св. Жан Марон». Создание школ преследовало цель подготовки католического духовенства из сре-

[102] К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством...*, ч. II, стр. 260.

[103] H. Temperley, *British policy...*, p. 177.

[104] К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством...*, ч. II, стр. 251.

[105] «La vie militaire...», p. 461.

[106] К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством...*, ч. II, стр. 250.

ды арабов, так как местный священник, хорошо зная язык и обычаи страны, мог легче входить в контакт с населением, чем миссионер из Европы.

С 30-х годов число католических школ в Сирии и Ливане стало быстро расти. Открылись школы не только духовного, но и светского характера. Помимо начальных школ французские миссионеры учреждали и средние учебные заведения — коллежи, число которых к 1860 г. равнялось десяти [107]. Несколько позже (в 1875 г.) в Бейруте усилиями иезуитов был открыт университет, имевший свою типографию, которая издавала учебники, различные книги и журналы [108].

Во всех этих учебных заведениях, куда принимались преимущественно дети богатых маронитов, воспитывались агенты для торговых контор и других французских учреждений в Сирии и Ливане. Выпускники сирийских школ и коллежей становились нередко не только приверженцами французского языка и культуры, но и сторонниками французской политической ориентации.

Многие видные представители маронитской аристократии проходили курс обучения у иезуитов. Например, воспитанником иезуитов был Юсуф Карам — впоследствии один из кандидатов Франции на пост правителя Ливана. Многие члены другого знатного и влиятельного семейства Ливана — Шихабы хорошо знали французский язык и получили французское образование. Следует отметить, что наиболее распространенным иностранным языком в Сирии и Ливане в то время был французский.

Большая роль миссионеров в укреплении политического влияния Франции в Сирии и Ливане была очевидна для современников. Один русский журналист отмечал, что если Англия действовала в Сирии посредством торговли, то Франция главным образом «посредством монастырей и католических миссий» [109].

Другая католическая держава Западной Европы — Австрия, так же как и Франция, стремилась распространить свое влияние на сирийцев-католиков. Австрийское правительство субсидировало действовавший в Сирии орден францисканцев. Этот орден имел свои школы в Сайде, Триполи, Латакии, Сур и арабские курсы для подготовки миссионеров в Дамаске [110]. Для укрепления своего политического влияния австрийское правительство периодически направляло в Сирию и Ливан денежные субсидии. Так, например, после кровопролит-

[107] «Le Moniteur», 26.VIII.1860.
[108] J. de Groodt-Adant, *Geschichte des französischen Einflusses in Syrien*, S. 25.
[109] Г. Б., *Политика*, т. V, стр. 17.
[110] «Взгляд на положение латинской церкви в святой земле», стр. 145.

ных событий 40-х годов XIX в. Австрия наряду с Францией послала в Бейрут огромные суммы маронитам, пострадавшим от междоусобной борьбы [111]. Эти щедрые подачки были ярким проявлением борьбы двух европейских держав за господство над сирийским католическим населением. Но влияние Австрии в Ливане и Сирии было несравненно слабее французского. Интересы Австрии тяготели более к европейским владениям Турции, поэтому арабские христиане привлекали ее внимание меньше, чем христианское население Балканского полуострова [112].

К тому же австрийским миссионерам было нелегко соперничать с мощной и хорошо организованной системой французских духовных учреждений в Сирии и Ливане. Даже когда влияние Франции на Востоке в связи с неудачным для нее исходом египетского кризиса в 1840 г. было временно подорвано, австрийское духовенство не сумело укрепить свой авторитет [113].

Соперничество Франции и Австрии на церковном поприще являлось отражением экономических и политических противоречий этих двух стран. Как будет видно из дальнейшего, австрийское правительство враждебно относилось к сирийской политике Франции и в борьбе с ней действовало солидарно с Англией.

Значительно позже, чем Франция и Австрия, начала борьбу за распространение в Сирии и Ливане своего политического влияния Англия. В 1839 г. протестантский миссионер американец Робинсон писал: «Протестанты не существуют ни в Сирии, ни в иной части турецкой империи как отдельная община... Удивительно, как Англия, имеющая столь значительные интересы в Турции, так хладнокровно относится к подобному положению дел в Сирии. Франция давно уже признанная покровительница римских католиков в этой стране, а потому, где только имеются католики, там они ревностные приверженцы Франции. Россия имеет еще более горячих приверженцев среди членов греческой церкви... А где же приверженцы Англии?.. Ни одна община, даже самая ничтожная, не обращает к ней взоры, как к своей природной защитнице... Англия в Сирии не имеет крепко связанной с ней партии» [114].

Действительно, только с 40-х годов английские агенты стали устанавливать тесный контакт с главами феодальных семейств в Ливане. В качестве проводников своей политики

[111] Записка Порфирия Успенского, 1847 г., — ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 87, д. 57, л. 21.
[112] По Карловицкому договору 1699 г. с Турцией Австрия была покровительницей католиков и католических учреждений в европейской Турции.
[113] См. «Neue Preußische Zeitung», 11.VIII.1860.
[114] В. Н. Хитрово, *Православие в святой земле*, стр. 10.

англичане избрали друзских шейхов. Так как мароните «телом и душой преданы Франции, — говорил один английский резидент в Сирии, — Англии ничего не остается другого, как покровительствовать друзам» [115].

Английское правительство объявило себя защитником друзов и во всех религиозных столкновениях неизменно принимало их сторону. С течением времени влияние Англии упрочилось преимущественно в Южном Ливане, там, где рядом с маронитами жили друзы. Одновременно лондонский кабинет всячески поощрял миссионерскую деятельность протестантского духовенства. В 1841 г. правительство Пруссии обратилось в Лондон с предложением совместно построить протестантский храм на Востоке, а также объединиться для покровительства местным протестантам. Английское правительство, по-видимому, не желая уступить инициативу Пруссии, вначале отклонило это предложение. Но все же вскоре (в том же 1841 г.) в Иерусалиме был учрежден англо-прусский епископат, который возглавил архиепископ Кентерберийский [116]. С этого времени в Сирии и Палестине начало быстро распространяться протестантское вероучение. С 1800 по 1880 г. число протестантских миссионерских обществ в этих странах возросло с 7 до 75, число миссионеров — со 170 до 3500 и основанных ими школ — с 70 до 12 тыс. В школах, находившихся под контролем протестантов, обучалось до 400 тыс. учеников [117].

В первой половине XIX в. в Сирии и Ливане действовал ряд крупных английских миссионерских организаций. Миссионерский фонд Гобата [118]. (Bishop's Gobat found for missions), образованный в 1852 г., контролировал многочисленные приходы и учебные заведения. Основанное в 1809 г. Лондонское общество для распространения христианства среди евреев (London society for promotion christiany among the Jews) посылало своих миссионеров в Дамаск. Деятели общества, не встретив поддержки среди евреев, направили свои усилия на христиан различных исповеданий. И поэтому в борьбе за верующих протестантские миссионеры нередко вступали в столкновения с представителями католического и православного духовенства.

В 1860 г. была учреждена Британская сирийская миссия (British Syrian mission) в целях ведения религиозной пропаганды и воспитания детей христиан, оставшихся сиротами в результате друзско-маронитской междоусобной борьбы. Это

[115] См. D. Urquhart, *The Lebanon...*, t. II, p. 263.
[116] E. Poujade, *Le Liban et la Syrie 1845—1850*, p. 59.
[117] В. Н. Хитрово, *Православие в святой земле*, стр. 21.
[118] Епископ Гобат — известный английский миссионер, был главой прусско-английской протестантской миссии с 1842 г.

общество ведало школами, где учителями были не только европейцы, но и арабы.

Наконец, следует назвать Лондонское общество для социального и религиозного развития сирийских женщин (London association for the social and religion improvement of the Syrian females), которое имело отделения в нескольких городах Сирии и Палестины [119].

В 1841 г. было основано Сирийское медицинское общество (Syrian medical aid-association); с 1844 г. начало работать Женское благотворительное общество для Сирии и Палестины (The Ladis benevolen association for Syria and the Holy Land).

Протестантские учреждения и школы, подобно католическим, получали субсидии от английского правительства и от богатых частных духовных обществ Лондона и Манчестера. Средства для протестантских миссионеров собирались также в Америке, германских государствах, Швейцарии и других странах. К 1860 г. английские протестантские миссии стали важным орудием распространения политического влияния Великобритании в Сирии [120].

В 1819 г. в Ливане появились американские миссионеры — пресвитериане. Учрежденная ими в Бейруте миссия стала быстро разрастаться, и в 50-х годах ее отделения имелись уже в Сайде, Хомсе, Дейр эль-Камаре и других местах [121].

Американские миссионеры развернули кипучую деятельность. По словам русского консула Бегера, они, борясь за расширение своего влияния, проявляли необычайную настойчивость [122]. Американские миссионеры первыми перевели на арабский язык Библию. В Бейруте они регулярно издавали пропагандистскую литературу на арабском языке и свою газету [123].

Подобно миссионерам других государств, американские миссионеры начали учреждать протестантские школы, где преподавание велось на английском языке. Такие школы были открыты в Бейруте, Дейр эль-Камаре и некоторых других городах. В 1866 г. в Бейруте был открыт протестантский колледж, преобразованный впоследствии в университет. Американские миссионеры вели религиозную пропаганду главным образом среди православного населения. Центрами деятельности американской миссии были Хасбайа и Рашайа, где часть населения была православной, а также Хомс, где аме-

[119] N. Verney et G. Dambmann. *Les puissances étrangères...*, pp. 49—51.
[120] Ibid., p. 49.
[121] H. Jessup, *Fifty-three years in Syria*, t. I, p. 101.
[122] Письмо Бегера директору Азиатского департамента 1.(13).XI.1859,— ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 29, д. 382, л. 3.
[123] E. A. Speiser, *The United States and the Near East*, pp. 98, 222.

риканцам удалось за короткий срок привлечь на свою сторону около 3 тыс. православных [124].

К 1860 г. американские миссионеры имели довольно прочные позиции в Сирии. В своей деятельности они пользовались покровительством английского правительства.

Религиозную пропаганду среди арабского населения проводила также Россия, хотя она, занятая проблемами европейской Турции, в Сирии в отличие от Англии и Франции не преследовала агрессивных целей. В 1847 г. в Иерусалиме была учреждена русская духовная миссия, ее главой был назначен архимандрит Порфирий Успенский, хорошо знакомый с положением церковных дел в Сирии и Палестине после своей поездки по этим странам в 1843 г. П. Успенский оставался на этом посту до начала Крымской войны, и за те годы, которые он возглавлял миссию, ему удалось сделать немало для усиления престижа православной церкви в Сирии [125].

Русские миссионеры считали необходимым для укрепления своих позиций выдвигать священнослужителей из среды местного населения. Между тем в трех православных школах, действовавших вначале в Бейруте, Триполи и Дамаске, насчитывалось всего около 600 учащихся. Преподавание в этих школах было затруднено в связи с отсутствием учебников на арабском языке. В распоряжении сирийской православной церкви была лишь одна типография, учрежденная в 1842 г. на средства Синода. Но она печатала главным образом псалтыри и служебники для священников. К тому же эта литература выходила в недостаточном количестве и стоила дорого, в то время как протестанты распространяли свои издания по дешевым ценам.

В 1859 г. на средства русского правительства в Сирии было учреждено несколько новых православных школ — в Захле, Латакии, Хасбайе. Кроме того, были выданы денежные пособия уже прежде открытым школам [126]. И все же подготовка православных священнослужителей сильно отставала по сравнению с постановкой этого дела у католических и протестантских миссионеров.

В конце 50-х годов русские духовные и дипломатические представители сделали попытку возвратить в православие греко-униатов [127]. Это намерение свидетельствовало о стремлении русского правительства усилить политический вес православной церкви в Сирии, чему оказывали серьезное препятствие влиятельные католические круги Второй империи. Дело началось с того, что русский посланник в Константинополе А. Б. Лобанов-Ростовский в 1859 г. вступил в переговоры с главой сирийских и ливанских униатов викарием Джильбарой о воссоединении греко-униатов с Восточной церковью. Большую помощь посланнику оказал глава российской духовной миссии в Сирии, Палестине и Египте епископ Кирилл Мелитопольский. В Дамаске большую пропаганду в пользу слияния провел русский вице-консул Макеев, который, передав униатам крупные денежные суммы от имени русского правительства, добился перехода всей дамасской униатской общины в православие.

В Ливане большое противодействие православной церкви оказали католические миссионеры и французский генеральный консул Бентиволио. Прибытие в Бейрут в августе 1860 г. французских войск (в это время началась Сирийская экспедиция) усилило позиции католической церкви, и вскоре часть греко-униатов Бейрута перешла в католичество. Однако большая часть бейрутской общины выразила желание принять православие. В декабре того же года униатские уполномоченные — Джильбара и Хури Ханна подписали акт о переходе в православие около 700 дамасских и 1200 бейрутских униатов [128].

И все же ослабленная Крымской войной Россия не могла уделять много средств и внимания православной церкви в Сирии, и это отражалось на ее положении.

* * *

Активное проникновение иностранного капитала в Сирию и Ливан не могло не привести к открытому вмешательству европейских держав во внутренние дела этих стран.

Это и произошло во время восточного кризиса 1840 г.

Кютахийское соглашение 1833 г., утвердившее права египетского паши на Сирию, явилось компромиссом, который не удовлетворил ни султана Махмуда II, ни Мухаммеда Али. Последний добивался наследственных прав на управление Сирией и стремился к полной независимости. Султан не мог примириться с потерей Сирии и готовился к реваншу. Военные действия между египетскими и турецкими войсками возобновились весной 1839 г.

Вместе с тем к 40-м годам XIX в. в Сирии большого подъ-

[124] Письмо Бегера директору Азиатского департамента 1(12).X.1859, — ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 29, д. 392, л. 4.

[125] См. очерк о жизни и деятельности П. Успенского в «Сообщениях российского императорского Православного палестинского общества», 1895, февраль, стр. 21.

[126] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову 8.III.1860, — ЦГИАЛ, ф. 832, оп. 19, д. 106, л. 52.

[127] Среди униатов было много богатых купцов и ростовщиков, на них особенно рассчитывали русские представители в Сирии.

[128] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову 1.XI.1860, — ЦГИАЛ, ф. 832, оп. 1, д. 106, лл. 75, 95.

ема достигло антифеодальное движение. Сильнейшее недовольство крестьян феодальным гнетом, усиление налогового бремени египетских властей, введение трудовой повинности для построек дорог и крепостей, рекрутские наборы — все это вызвало народные выступления в ряде районов Сирии и вылилось во всеобщее восстание против власти Мухаммеда Али, который в это время владел Сирией [129].

Крестьянское движение ускорило разгром египетских войск в Сирии. Русский генеральный консул в Бейруте К. Базили подчеркивает, что этот разгром явился прежде всего следствием «народной вражды» к захватчикам [130].

Крушению египетского господства в Сирии предшествовала острая дипломатическая борьба между европейскими державами. Английские правящие круги были серьезно обеспокоены большим влиянием Франции на ее союзника Мухаммеда Али, что обеспечивало ей преобладающее положение в Египте и Сирии. Ункяр-Искелесийский договор (1833), подписанный между Османской империей и Россией, необычайно усиливавший позиции последней, англичане расценивали как «национальное бедствие» [131]. Английская буржуазная историография (Д. Марриот, Р. Бекер) вынуждена признать провал политики Пальмерстона в период турецко-египетского конфликта 1831—1833 гг.

Сразу же после первого египетского кризиса перед английской дипломатией встали задачи первостепенной важности — добиться ликвидации господствующего положения Франции в Египте и Сирии и не допустить возобновления русско-турецкого договора 1833 г. Второй египетский кризис открыл возможности Пальмерстону решить эти задачи. 27 июля 1839 г. европейские державы (Англия, Австрия, Россия, Пруссия и Франция) обратились к Порте с нотой, в которой потребовали от нее не предпринимать никаких самостоятельных шагов до тех пор, пока они не примут своего решения. Эта дипломатическая акция шла вразрез с интересами Франции, однако последняя была вынуждена присоединиться к ней, чтобы не оказаться в полной изоляции.

Глава французского правительства Тьер, не желая довести дело до войны с Англией, стремился, однако, воспрепятствовать посылке европейских войск против египетского паши и добиться прямого соглашения между ним и Портой [132].

[129] Подробнее об этом см. И. М. Смилянская, *Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в.*, стр. 57.

[130] К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством*, ч. I, стр. 393.

[131] J. A. R. Marriot, *The Eastern question in european diplomacy*, p. 10.

[132] M. Jouplain, *La question du Liban*, p. 223.

В мае 1840 г. при активном содействии французской дипломатии в Константинополе было достигнуто соглашение, по которому Мухаммед Али получал Сирию и Египет в наследственное владение.

Однако англичане сорвали это соглашение. Одновременно в Лондоне Пальмерстон в тайне от французского посла Гизо вел переговоры с представителями России, Австрии и Пруссии, закончившиеся 15 июля 1840 г. подписанием конвенции европейских держав с Турцией об оказании коллективной помощи. Державы потребовали от Мухаммеда Али в двадцатидневный срок очистить Сирию от своих войск и возвратить ее султану [133].

Надеясь на поддержку Франции, Мухаммед Али отклонил ультиматум держав. В середине августа 1840 г. у ливанского побережья появились английские и австрийские военные корабли под командой адмирала Ч. Нейпира. 10 сентября к Бейруту подошла объединенная эскадра союзников. Вслед затем в селении Джунии (18 *км* севернее Бейрута) были высажены экспедиционные войска, в состав которых входили 2 тыс. англичан, 6 тыс. турок и 500 австрийцев [134]. Кроме того, английское командование снабдило ливанцев оружием, и антиегипетское восстание вспыхнуло с новой силой.

Потерпев ряд тяжелых поражений и не дождавшись военной помощи Франции, египетские войска капитулировали в ноябре 1840 г.

Французское правительство вначале резко выступило против Лондонской конвенции, подписанной без его участия. Тьер публично заявил о том, что Сирию «отдали не султану, а анархии». И все же 8 октября 1840 г. французское правительство направило в Лондон ноту, в которой говорилось, что Франция не видит в сирийском вопросе casus belli. Вместе с тем в ноте говорилось, что Франция будет *силой оружия* (курсив наш. — *М. П.*) поддерживать наследственные права Мухаммеда Али на Египет [135]. В целях дипломатического нажима на Пальмерстона Тьер потребовал, чтобы Луи Филипп обратился к Законодательному корпусу с запросом о военных кредитах. Но взяли верх сторонники более осторожной политики, и в конце октября Тьер должен был уйти в отставку. Новый кабинет Сульта, учитывая внешнеполитическую изоляцию Франции, примирился с тем, что французская дипломатия потерпела поражение.

Итог египетского кризиса 1840 г. имел глубокие международные последствия.

[133] A. Ismail, *Histoire du Liban...*, t. IV, p. 89.

[134] Ibid., p. 96.

[135] M. Jouplain, *La question du Liban*, p. 231.

Англия одержала большую дипломатическую победу. Ункяр-Искелесийский договор был по существу ликвидирован [136]. Позиции Франции на Ближнем Востоке был нанесен тяжелый удар. Всей Европе было ясно, что изгнание египтян из Сирии было делом рук англичан [137].

Французский престиж на арабском Востоке был сильно поколеблен. Будущий участник экспедиции 1860 г. генерал Дюкро писал: «Начиная с 1840 г. наше влияние в Сирии заметно уменьшилось в пользу влияния англичан» [138].

В Ливане и Сирии англичане стали проявлять большую активность. Они наводнили страну своими военными, административными и духовными агентами и принялись налаживать контакт с друзской аристократией. Именно к этому времени относится сближение англичан с семейством Джумблатов, ставшим вскоре их опорой среди друзского населения. Известно также, что во время секретных англо-друзских переговоров в сентябре 1841 г. английское военно-морское командование передало друзам много ружей и военного снаряжения [139].

Политический вес Франции сильно уменьшился не только в Сирии, но и в Египте. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали в начале 50-х годов, что Египет в большей мере чем кому-либо «принадлежит англичанам и при будущем разделе Турции безусловно составит их долю» [140].

Следовательно, события 1840 г. привели к сильнейшему ухудшению англо-французских отношений и послужили одной из причин дальнейшего обострения восточного вопроса.

Немаловажное значение имел кризис 1840 г. и для внутренней истории Сирии и Ливана. По мнению крупного советского арабиста В. Б. Луцкого, английская интервенция открыла новый период в истории арабских стран, явившись началом их колониального закабаления [141]. Действительно, на военной интервенции не окончилось вмешательство держав Запада в сирийские дела. Следующим шагом европейской дипломатии на этом пути было ее участие в организации политического устройства Ливана.

[136] Лондонская конвенция 1840 г. предусматривала коллективную гарантию европейских держав Черноморских проливов. Вместо Ункяр-Искелесийского договора 13 июля 1841 г. европейские державы и Турция подписали новую конвенцию, по которой Черноморские проливы закрывались для военных судов всех стран.

[137] См. «Neue Preußische Zeitung», 20.VII.1860.

[138] «La vie militaire...», t. I, p. 408.

[139] A. Ismail, *Histoire du Liban...*, t. IV, pp. 162, 163.

[140] К. Маркс и Ф. Энгельс, *Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 5.

[141] См. В. Б. Луцкий, *Новая история арабских стран*, стр. 106.

Правитель Ливанского эмирата Бешир II как союзник египетского паши был низложен и вывезен англичанами на Мальту [142]. Новым эмиром Ливана стал родственник Бешира II эмир Бешир Касим.

Обстановка, сложившаяся в это время в Ливане, отличалась крайней напряженностью. Восстание 1840 г. не разрешило социальных проблем, антифеодальное движение продолжало нарастать; маронитские крестьяне проявляли недовольство действиями друзских шейхов [143], а все трудовое население протестовало против турецкой налоговой политики.

Вмешательство англо-французских агентов, разжигавших религиозный фанатизм, еще более накаляло политическую атмосферу. Все это привело в первой половине 40-х годов XIX в. к двум взрывам междоусобной борьбы, которые английский историк Г. Темперли называет даже гражданскими войнами [144].

Первое кровавое друзско-маронитское столкновение разразилось уже в октябре 1841 г. Друзские шейхи во главе вооруженных отрядов напали на г. Дейр эль-Камар и ряд христианских селений и перебили там маронитское население. Особую жестокость в расправе с христианами проявил шейх Насиф Абу Накид, который и в последующие годы выступал во главе друзских погромщиков.

В борьбе с маронитами друзы применили оружие, которое они всего месяц назад получили от англичан. Позже К. Маркс решительно осудил позорную роль английского премьера Пальмерстона в этих событиях и, в частности, факт снабжения друзов оружием [145].

Обострением друзско-маронитского антагонизма воспользовались турки, стремившиеся ликвидировать автономию Ливанского эмирата и восстановить там власть султана.

Порта ввела свои войска в Ливан, отстранила от власти Бешира Касима Шихаба и отправила его в изгнание. Ливан был поставлен под прямое управление султанского правительства.

Но это вызвало друзское восстание 1842 г. и протесты Англии и Франции, стремившихся обеспечить переход Лива-

[142] Бешир II умер в изгнании в 1851 г. в возрасте 87 лет.

[143] Во время правления Бешира II, проводившего централизаторскую политику, многие друзские шейхи были высланы, а их имения переданы маронитским феодалам. Вернувшись из ссылки, друзы стали требовать возврата своих имений и прав на эксплуатацию крестьян-маронитов.

[144] H. Temperley, *England and the Near East,* pp. 193, 198.

[145] См. К. Маркс, *События в Сирии. — Английская парламентская сессия. — Состояние британской торговли,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 104.

на под власть своей агентуры. Франция настаивала на возвращении Бешира II и демонстративно направила к сирийскому побережью военную эскадру. Англия, поддерживая друзов, решительно возражала против Шихаба. На конференции держав, собравшейся в Константинополе для обсуждения проекта нового административного устройства Ливана видную роль сыграл английский посол Ч. Стрэтфорд-Рэдклифф, который в 40-х годах активно боролся против французского влияния в Сирии [146]. После долгих споров было принято предложение австрийского канцлера К. Меттерниха разделить Ливан по географическому принципу на две части — две каймакамии, возглавляемые правителями каймакамами [147]. В Северном Ливане, где преобладало христианское население, каймакам назначался из среды маронитов, в Южном Ливане, где друзы и мароните жили смешанно, каймакамом должен был быть друз. Оба каймакама, представлявшие интересы местной знати, подчинялись паше Сайды. Система нового политического управления Ливана была изложена в ноте турецкого правительства от 7 декабря 1842 г. [148]. Это решение ливанского вопроса рассматривалось правительствами пяти держав как большой успех европейской дипломатии. Новая система, где друзы получали право выдвигать из своей среды правителя, устраивала англичан. Менее приемлемой она была для французов, которым трудно было отказаться от плана реставрировать власть Шихаба в качестве единого христианского правителя Ливана.

Вопреки официальному мнению, ливанский вопрос окончательно разрешен не был. Учреждение двух каймакамий было в значительной степени искусственным, так как указанное географическое деление не вполне совпадало с расселением жителей по религиозному признаку.

Политическое устройство 1842 г., чреватое внутренними конфликтами, при постоянном вмешательстве западноевропейских держав неизбежно должно было стать источником новой друзско-маронитской борьбы.

Так оно и случилось. В апреле 1845 г. в Ливане вновь вспыхнула междоусобица. Даже некоторые буржуазные авторы вынуждены признать, что европейские державы сыграли в ней роль подстрекателей. Правда, англичане склонны были осуждать всех, кроме Англии. По словам Г. Темперли, Франция возбуждала маронитов, Австрия интриговала также среди маронитов, Россия покровительствовала православным, заигрывая одновременно с друзами. Усилия же Англии,

[146] H. Temperley, *England and the Near East*, p. 193.
[147] A. Ismail, *Histoire du Liban...*, t. IV, p. 204.
[148] «Annuaire de deux Mondes 1860», Paris, 1861, t. X, p. 530.

подчеркивает автор, были направлены к тому, чтобы поддерживать установленную систему [149].

Борьба развернулась в районах, где друзы и мароните жили смешанно. Пришедшие отряды из Хаурана опустошали христианские деревни. Турки, так же как и в 1841 г., никаких мер к прекращению кровопролитий не принимали. Руководивший друзами шейх Саид Джумблат находил полную поддержку у турецких властей. Мир между друзами и маронитами был заключен только в мае 1845 г.

Эти события снова заставили турецкое правительство вернуться к проблеме административного устройства Ливана. В 1846 г. был опубликован одобренный великими державами регламент, согласно которому при каждом каймакаме учреждался совет (меджлис) из представителей разных исповеданий. В каждый совет входили по два маронита, друза, православных, униата и суннита. Советы должны были решать вопросы, связанные с внутренней жизнью Ливана: осуществлять судебную власть, заниматься раскладкой налогов среди населения, контролировать сбор налогов и пр. Отныне сайдский паша был устранен от внутренних дел Ливана. Его вмешательство предполагалось лишь в случае несогласия между двумя каймакамами или нарушения установленного порядка [150].

Новое административное устройство хотя и предоставило Ливану некоторую автономию в рамках Османской империи и на время ослабило социальные противоречия (власть мукатаджиев была несколько ограничена), удовлетворительным признать было нельзя. К. Маркс отмечал, что для ливанцев была выговорена лишь мнимая независимость, «которая с течением времени и под умелым руководством иностранных заговорщиков могла породить только кровавую жатву» [151].

В следующей главе мы увидим, что эти слова полностью оправдались.

[149] H. Temperley, *England and the Near East*, p. 194.
[150] A. Ismail, *Histoire du Liban...*, t. IV, p. 287.
[151] К. Маркс, *События в Сирии. — Английская парламентская сессия. — Состояние британской торговли*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 104.

ГЛАВА III

МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА 1860 г. В ЛИВАНЕ И СИРИИ И ПРОВОКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ

Причины междоусобной борьбы. Друзско-маронитские столкновения в мае — июне 1860 г. Демарш европейских консулов. Погром христиан в Дамаске. Чрезвычайная миссия Фуад-паши

В буржуазной исторической литературе в течение долгого времени существовало представление о том, что причиной друзско-маронитской борьбы 1860 г. был султанский рескрипт (18 февраля 1856 г.) о религиозном и гражданском равноправии христиан. Именно он, утверждали ученые, привел к взрыву мусульманского фанатизма [1].

Но объяснение междоусобной борьбы в Ливане хатт-и-хумаюном 1856 г. вызывает серьезные возражения. Во-первых, не следует забывать, что друзско-маронитский конфликт возник с начала XIX в., т. е. задолго до 1856 г. Во-вторых, хорошо известно, что статьи хатт-и-хумаюна о правах христиан Османской империи были мертвой буквой и никакого реального значения не имели. Как будет видно из дальнейшего, этот документ лишь использовался в борьбе тех сил, которые были заинтересованы в разжигании религиозной вражды среди различных групп арабского населения.

Первый, кто поставил вопрос о необходимости искать подлинные причины друзско-маронитских столкновений, был ливанец Булус Нужам (писавший под псевдонимом М. Жуплен), который связывал их возникновение с социально-политической обстановкой, сложившейся в Сирии и Ливане в середине XIX в. [2].

[1] См.: Roderer, *La Syrie et la France;* R. Mouterd, *Precis d'histoire de la Syrie et du Liban;* W. Miller, *The Ottoman empire 1801—1913;* «The Cambridge history of British foreign policy», vol. V; N. Jorca, *Geschichet des Osmanischen Reiches*, Bd V.

[2] M. Jouplain, *La question du Liban.*

О социальной подоплеке друзско-маронитских конфликтов, правда в несколько декларативной форме, говорится и в работах, опубликованных в Бейруте после второй мировой войны [3].

Советские арабисты считают, что друзско-маронитские столкновения как 40-х, так и 60-х годов были прежде всего проявлением крестьянской борьбы против феодального произвола [4].

Социальная сущность событий 1860 г. была ясна уже для некоторых современников. Вот что пишет арабский хронист Антун аль-Акики о причинах друзско-маронитских столкновений, начавшихся в 1860 г. в округе Шуф: «Часть населения этого района стремилась освободиться от гнета землевладельцев, таких, как эмиры семейства Абу Лама и других друзских и маронитских шейхов... Друзские шейхи узнали об этом и начали подавлять народ, обманывая его и сея разлад между двумя сектами» [5].

Вскоре после окончания междоусобной борьбы английский представитель в международной комиссии (работавшей в Бейруте с октября 1860 г.) лорд Дафферин направил в Министерство иностранных дел доклад о положении в Сирии, где высказывались мысли о причинах произошедших событий. Дафферин ясно писал о том, что истинной причиной межрелигиозных столкновений было возмущение крестьян тяжелым феодальным гнетом. Он утверждал, что борьбу между друзами и маронитами, которая «по внешним проявлениям кажется религиозной распрей, следует рассматривать как демонстрацию против феодализма». Он обращал внимание, что первыми, кто вторгся в каймакамию (провинцию) друзов и совершил нападение на друзских помещиков, были «победоносные революционные отряды», пришедшие из Северного Ливана. Указав на то, что в друзской каймакамии помещиками были друзы, а крестьянами — марониты, Дафферин писал: «Такое положение вещей приводило к угнетению, с одной стороны, и возмущению — с другой, к открытой враждебности между собственниками и теми, кто обрабатывает землю, к обострению борьбы между землевладельцами — друзами и их арендаторами — христианами». Дафферин подметил также, что народ обвинял близкую ему по религии маронитскую землевладельческую аристократию в симпатии к друзским феодалам.

[3] A. Ismail, *Histoire du Liban...*, t. IV; M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism.*

[4] См., например, В. Б. Луцкий, *Новая история арабских стран;* И. М. Смилянская, *Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в.* и др.

[5] M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism*, p. 55.

Наблюдательный английский агент пришел к выводу о том, что в основе друзско-маронитского антагонизма «лежала антифеодальная борьба» [6].

Аналогичные соображения по поводу причин междоусобной борьбы высказывались и австрийским представителем в международной комиссии Векбеккером. Выступая на заседании комиссии 27 февраля 1861 г., он указывал, что произвол феодалов вызвал острое недовольство крестьян как в северной, так и южной части Ливана. Но на севере, сказал Векбеккер, где помещики и феллахи были единоверцами, движение носило открытый характер гражданской войны, а на юге, где христианское население было угнетено друзскими помещиками, социальная борьба приняла форму межрелигиозных столкновений. Векбеккер справедливо отмечал, что в сущности основная причина выступлений была одинаковой в обеих каймакамиях. В друзской каймакамии к этой основной причине присоединились еще другие факторы, которые «обострили борьбу и привели к настоящей катастрофе» [7].

Ясные указания на то, что в основе движения 1860 г. лежала борьба против феодального гнета, имеются и в русских архивных источниках. Так, в докладной записке говорилось, что единственным способом избежать дальнейших кровопролитий в Сирии было бы «ослабление феодальной системы» [8].

Таким образом, вопрос о социальном характере движения 1860 г. в Ливане нашел определенное освещение в различных источниках.

Со второй половины 50-х годов в стране наблюдался новый подъем антифеодальной борьбы [9]. В Центральном и Южном Ливане со смешанным христианско-мусульманским населением эта борьба принимала довольно сложные формы. Лишенные земли, подвергаясь жестокой эксплуатации, феллахи-марониты питали классовую ненависть к помещикам-друзам, которые цепко держались за свои феодальные права и привилегии. Друзские шейхи, опасаясь крестьянских волнений, первыми переходили в наступление, подстрекая друзов-феллахов к столкновениям с их соседями — маронитами. Не бездействовали и маронитские шейхи. Они не меньше друзских феодалов были заинтересованы в том, чтобы ввести крестьянское восстание в русло религиозной борьбы. Отстаивая свою собственность, борясь за политическое влияние в стране, маронитское духовенство также разжигало религиозный фанатизм среди населения. Таким образом, острые социальные противоречия между крестьянством и феодалами выливались в религиозные конфликты. В друзско-маронитских столкновениях 1860 г. религиозная окраска была выражена значительно сильнее, чем в первых столкновениях 40-х годов.

Кровопролитное побоище, ареной которого стал Ливан, явилось также следствием политики реакционного турецкого правительства, подстрекавшего друзов против маронитов.

Антифеодальная борьба грозила перерасти в движение против султанского режима в целом. Господство турок в Ливане и Сирии потерпело бы крах в том случае, если бы народ объединился в своем стремлении сбросить ненавистное иноземное господство. Об этой угрозе, нависшей над Портой, «Отечественные записки» в то время писали: «Хотя у друзов были частые ссоры с их соседями-маронитами, есть, однако ж, и между ними одна общая сторона, которая сближает их, это — гнет турок и общее желание противодействовать своим притеснителям» [10].

Это не могло не тревожить турецкое правительство, которое не имело достаточных средств для борьбы с возникавшей для него опасностью. При таких обстоятельствах межрелигиозные столкновения давали ему возможность отвлечь народные массы от антифеодальных и антитурецких выступлений.

Другая цель турецкого правительства в провокации «беспорядков» состояла в том, чтобы добиться изменения административного устройства Ливана. Друзско-маронитские столкновения должны были, по замыслам Порты, послужить доказательством того, что политическая система Ливана, навязанная Турции европейской дипломатией в 1842 г., совершенно неудовлетворительна. Русский генеральный консул в Бейруте Бегер считал, что «главной причиной происшедших событий в Сирии было намерение турецкого правительства изменить административное устройство Горного Ливана» [11]. Деление Ливана на две каймакамии, возглавляемые каймакамами — друзом и маронитом, Порта стремилась заменить системой непосредственного турецкого управления Ливаном.

Хотя мы не располагаем материалами, которые послужили бы прямой уликой того, что Порта преднамеренно разжигала религиозные распри среди ливанцев, тем не менее некоторые данные, по нашему мнению, позволяют сделать вывод о том, что реакционные круги мусульманского духовенства и турецкого феодально-бюрократического аппарата в 1860 г.

---

[6] «Correspondence...», pt II, pp. 61—68.

[7] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 230.

[8] Замечания о последних событиях в Сирии бывшего генерального консула в Бейруте Мухина 8.VIII.1860 (секретно), — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1309, л. 143.

[9] См. гл. II.

[10] Н. Х-вский, *Сирийский вопрос*, стр. 462.

[11] Копия с донесения Бегера Лобанову-Ростовскому 19.VI(1.VII).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 42, л. 380.

искусно разжигали среди мусульманского населения Сирии религиозный фанатизм. И это не могло не отразиться на обстановке в Ливане. В арабской хронике событий 1860 г. говорится, что наследник престола Абдул Азиз «писал письма во все оттоманские города, понуждая их (мусульман. — *М. П.*) подниматься на борьбу и убивать христиан» [12].

Весьма любопытно, что почти в тех же самых выражениях об этом пишет русский писатель Н. Берг, живший в Ливане в 1860 г. По мнению Берга, Абдул Азиз, поддерживая фанатизм, стремился завоевать себе популярность среди мусульманского мира [13].

К этому следует добавить, что французские и английские представители прямо обвиняли турецкие власти в поощрении антихристианского движения в Сирии. Материалы дипломатической корреспонденции рассказывают, что раздувание Портой мусульманского фанатизма, стравливание отдельных групп сирийского населения, произвол турецких чиновников в Сирии способствовали взрыву междоусобной борьбы летом 1860 г. в Горном Ливане и Дамаске.

Позже, когда между друзами и маронитами развернулась вооруженная борьба, провокационная деятельность турецких властей обнаружилась с полной очевидностью.

В разжигании религиозной распри в Ливане были заинтересованы и некоторые западноевропейские державы. За спиной друзских и маронитских шейхов стояли английские и французские агенты, желавшие использовать друзско-маронитский антагонизм в своих корыстных целях. Представитель России в международной комиссии М. Новиков в сообщениях в Петербург констатировал, что за последние годы соперничество в Сирии между Англией и Францией сильно выросло. Он утверждал, что «вопрос о друзах и маронитах следует рассматривать как вопрос, касающийся противоречий этих двух держав» [14].

Позже к такому же выводу пришел и русский консул в Бейруте К. Петкович. Не забывая отметить социальный аспект борьбы в Ливане, он вместе с тем писал, что она является также «плодом» англо-французского соперничества [15].

С серьезными обвинениями политики западноевропейских правительств в Ливане неоднократно выступала русская печать тех лет [16].

[12] M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism*, p. 57.

[13] Н. Берг, *Очерк последних сирийских событий*, стр. 7. Эти сведения сопоставляются с некоторыми материалами Б. Пужуля и анонимного свидетеля («Souvenir de Syrie...»).

[14] Доклад Новикова 15(27).XII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 17, л. 39.

[15] К. Петкович, *Ливан и ливанцы*, стр. 100.

[16] «Восточный вопрос», стр. 93.

Наличие европейских тайных происков в Ливане и их связь с междоусобной борьбой в этой стране вынуждены были признать даже западные буржуазные историки.

Весьма показателен жаркий спор, разгоревшийся между французскими и английскими учеными по вопросу об ответственности европейских держав за сирийскую трагедию 1860 г. Французские авторы как современники событий — Шарль Вогюе и Франсуа Ленорман [17], так и историки наших дней — Пьер Ренувен [18], ожесточенно нападают на Англию.

«Вмешательство Англии в дела Сирии, — писал Вогюе, — имело самые тяжелые последствия и привело к тому, что страна была залита кровью и покрыта развалинами» [19]. Вместе с тем английские историки склонны осуждать восточную политику бонапартистской Франции, а некоторые даже прямо указывают на интриги наполеоновских дипломатов в Сирии [20].

В этой затянувшейся дискуссии и взаимных обвинениях раскрываются материалы, свидетельствующие о том, что в провоцировании ливанской междоусобной борьбы были замешаны обе великие державы. Поддерживая маронитское духовенство и аристократию, с одной стороны, и друзских феодалов — с другой, державы способствовали разжиганию межрелигиозных противоречий. Какие же цели они при этом преследовали? Целью французской политики в Ливане было поставить во главе всей страны маронитскую правящую верхушку во главе с Шихабом, подчинив ей друзское население. Это обеспечило бы Франции политический контроль над Ливаном.

Вспышка друзско-маронитской борьбы могла бы создать благоприятную почву для достижения этой цели. Она дала бы также повод для военного вмешательства, которое при благоприятных условиях привело бы к расширению колониальных владений Франции за счет Сирии.

Для К. Маркса, пристально наблюдавшего за захватнической политикой Наполеона III, было ясно, что бонапартистское правительство организовало «политико-религиозную драку... на Сирийском побережье» [21].

Обострение друзско-маронитских отношений соответствовало также целям английской политики. Как говорилось, Анг-

[17] Ch. M. Vogüé, *Les événements de Syrie;* F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1860.*

[18] P. Renouvin, *Histoire de rélation international de XIX siècle*, t. V.

[19] Ch. M. Vogüé, *Les événements de Syrie*, p. 16.

[20] См. «The Cambridge history of British foreign policy», t. II; H. Temperley, *England and the Near East.*

[21] К. Маркс, *События в Сирии. — Английская парламентская сессия.— Состояние британской торговли,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 102.

лия вербовала свою агентуру из среды друзских феодалов и стремилась укрепить их положение за счет христианского населения. Английские агенты тайно поддерживали военные приготовления друзов. Имеются сведения о том, что накануне начала военных действий в Ливане друзы усиленно запасались оружием [22]. Этим оружием их могла снабдить Англия. Вспомним, что английские агенты вооружили друзов еще в 40-х годах!

Впрочем, оружие в Ливан привозила и Франция, распространяя его среди маронитов. Позже, косвенно обвиняя Францию в провокации сирийских «беспорядков», Пальмерстон заявил в парламенте: «За несколько месяцев до вспышки, среди турецких христиан и европейцев распространились слухи о том, что столкновения разразятся в Сирии. Хорошо известно, что огромные запасы оружия — европейского оружия, поступающего из Европы, — были направлены маронитам» [23].

Борясь за свои позиции на ливанском рынке, европейские конкуренты были заинтересованы в том, чтобы раздуть пожар междоусобной борьбы. «Натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого... — писал Ф. Энгельс, — вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и их дипломатов» [24].

Резюмируя, можно сказать, что две основные причины обусловили междоусобную борьбу 1860 г. Первая — феодальная система, против которой выступали широкие крестьянские массы; вторая была связана с реакционной политикой султанского правительства и провокационными действиями Англии и Франции, боровшихся за преобладание на Ближнем Востоке.

Серьезные разногласия, как у современников сирийских событий, так позднее и у исследователей вызвал вопрос о том, кто начал борьбу — друзы или марониты?

В свое время этот вопрос имел немаловажное политическое значение. Правительства Англии и Франции, тайно руководившие действиями враждующих сторон в Сирии, не только отвергали свою причастность к начавшейся борьбе, но и всячески стремились оправдать тех, кому они покровительствовали. Практически вопрос о зачинщиках имел значение для определения, кто должен возместить причиненный ущерб и материально компенсировать пострадавших.

Для нас этот вопрос существенного интереса не представ-

[22] См. «Souvenir de Syrie...», p. 10; F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1860*, p. 11.

[23] «The Times», 21.VIII.1860.

[24] Ф. Энгельс, *Внешняя политика Германии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 5, стр. 160.

ляет. Многочисленные документы неопровержимо свидетельствуют, что ответственность за развязывание междоусобной борьбы несли обе стороны.

* * *

С начала 1860 г. в Ливане создалась чрезвычайно тревожная обстановка. Среди крестьянства Центрального и Южного Ливана усилилось революционное брожение. На население этих районов сильное влияние оказывала успешная борьба феллахов Северного Ливана (Кесруан) против феодального гнета. «На юге Ливана, — писал современник, — христиане начали терять терпение, находя более невозможным переносить зависимость от друзских шейхов, которые безжалостно их эксплуатировали» [25].

Используя растущее недовольство крестьян против друзских феодалов, маронитское духовенство начало проводить активную антидрузскую агитацию. В своих письмах и обращениях к прихожанам оно преднамеренно пугало христиан опасностью друзского нападения. А когда вспыхнули первые столкновения, маронитский патриарх публично заявил, что двери церквей будут закрыты для тех, кто не примет участия в религиозной борьбе [26].

Организационным центром маронитов, подготовлявшим военные действия, была «Местная христианская ассоциация», комитет которой находился в Бейруте. Эта организация имела свои отделения в ряде пунктов Горного Ливана. Деятельностью бейрутского комитета руководил маронитский епископ Тобиа Аун [27]. По некоторым сведениям, Тобиа был агентом Франции [28]. Одно несомненно: роль епископа как вдохновителя антидрузского движения была исключительно велика [29].

В Бейрутский комитет, руководимый Тобиа, входили такие лица, как бейрутский ростовщик Наум Кикано, купец Мишель Фараджалла, французский подданный Никола Наккаш и другие представители ливанских компрадоров, тесно связанные с французскими торговыми фирмами. Материалы рус-

[25] «Souvenir de Syrie...», p. 11.

[26] Копия с донесения Бегера Лобанову-Ростовскому 22.V(3.VI).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 44, л. 259.

[27] Большинство французских авторов превозносят епископа Тобиа. Так, Э. Пужад говорит о нем, как о выдающейся личности (E. Poujade, *Le Liban et la Syrie 1845—1860*, p. 158). Иную характеристику дают Тобиа англичане и американцы. «Тобиа, — пишет американский миссионер Г. Джессап, — был человеком, который вслед за патриархом сделал больше, чем какой-либо другой маронит, чтобы раздуть эту ужасную гражданскую войну» (H. Jessup, *Fifty-three years in Syria*, t. I, p. 193).

[28] «Souvenir de Syrie...», p. 26.

[29] M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism*, p. 56.

ских архивов показывают, что активное участие в комитете принимали некоторые сотрудники французского консульства. Последние заверяли жителей Горного Ливана, что «Франция выступит в их пользу»[30]. Австрийские дипломаты также подтверждали, что комитет имел регулярную связь с Францией и средства для своей деятельности получал не только от бейрутского купечества, но и от французского правительства[31].

Комитет закупал оружие и распространял его среди христианского населения. В деревни, где формировались отряды ополченцев, направлялись военные инструкторы. Комитет развернул пропаганду и среди рабочих шелкообрабатывающих предприятий, призывал их бросать работу и готовиться к военным действиям.

Одновременно мобилизовывали силы и друзы. Друзские шейхи, так же как и их противники, задолго до начала столкновений разрабатывали военные планы, закупали оружие и вели антихристианскую агитацию среди друзских феллахов. Есть основание предполагать, что друзские шейхи устанавливали связи с турецкими властями, рассчитывая найти в них поддержку в своей борьбе с маронитами.

Весной 1860 г. в Сирии большое распространение получил мусульманский манифест, в котором говорилось, что закон позволяет проливать кровь христиан, разрушать их дома и церкви, отбирать их имущество. Автор этого документа утверждал, что для нападения на христиан создалась благоприятная обстановка, так как, по его словам, европейские державы, ослабленные Крымской войной, не смогут вмешаться в дела империи[32]. Этот документ способствовал усилению внутриполитического напряжения.

Следует указать, что с конца 50-х годов во всей Османской империи происходил рост антихристианских настроений, которые культивировались реакционными мусульманскими кругами, недовольными реформами танзимата. В Сирии весной 1860 г. также имел место ряд вспышек, порожденных мусульманским фанатизмом. В начале апреля, например, русский вице-консул доносил из Алеппо о разгроме австрийского консульства, о нападениях мусульман на крестьян в окрестностях города[33]. Крупная провокация была организована мусульманами в одной из церквей г. Антиохии[34].

[30] Частное письмо Новикова Лобанову-Ростовскому 3(15).XI.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 124.
[31] Prokesch-Osten, *Erinnerungen aus Konstantinopol...*, Bd II, S. 52.
[32] «Souvenir de Syrie...», p. 113.
[33] Донесение Бегеру 7(19).IV.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1309, л. 18а.
[34] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 5(17).V.1860, — там же, л. 3.

Нагнетанием религиозного фанатизма занималось и дамасское духовенство. В начале марта 1860 г. в Дамаске было созвано секретное совещание крупных мусульманских деятелей и представителей турецкой чиновничьей верхушки. На совещании присутствовали: глава дамасских мусульман, шейх уль-ислам Абдаллах аль-Халеби, муфтий Захир-эфенди, представитель бейрутского правителя Хуршид-паши — Ахмед-эфенди и некоторые другие. Председателем собрания был Ахмед-паша — правитель Дамаска. На собрании раздавались речи о «волнующем» росте богатства христиан, о растущем преобладании европейских консулов в Турции, о том, что «хатт-и-хумаюн противоречит духу и букве Корана» и т. п. Шейх уль-ислам Дамаска Абдаллах аль-Халеби, известный своими антихристианскими выступлениями, зачитал фетву, в которой заявлял, что христианин не может быть равным мусульманину. Ф. Ленорман полагал, что на этом собрании разрабатывались планы христианского погрома[35]. Основная роль в осуществлении этого плана, по его мнению, отводилась друзам. Связующим звеном между мусульманской кликой и друзскими шейхами был Саид-бей Джумблат.

Саид Джумблат, не только самый богатый, но и наиболее влиятельный среди друзской знати, был, по словам современников, подлинной главой друзской каймакамии. Политический вес друзского каймакама эмира Арслана был значительно меньше. В наследственном дворце Джумблатов в Мухтаре была учреждена военная ставка друзов. Отсюда шли тайные нити, связывавшие их с турецкими властями и английскими резидентами.

Тесные отношения с семейством Джумблатов англичане установили еще в 40-х годах, и скоро Саид-бей стал опорой английского влияния в Ливане. Джумблат переписывался с английским генеральным консулом Муром, пользовался его советами, но тщательно скрывал эту связь. Мур находился в переписке и с другими друзскими шейхами, а также передавал им устные инструкции через своих агентов[36]. Уверенные в том, что выступление против маронитов будет благожелательно воспринято английским правительством, друзы надеялись на его поддержку. Английский агент П. Мешулап, посетивший Мухтару по поручению Мура, писал: «Друзы думают, что уменьшение числа христиан должно быть приятно нам, ибо ослабляет в стране влияние Франции»[37]. И англичане не спешили рассеять это представление. Кроме Мура английским советчиком друзов был полковник Чарльз Черчилль, живший

[35] F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1850*, p. 8.
[36] «Further papers relating to the disturbance in Syria», p. 20.
[37] Ibid., p. 55.

в Сирии с 1840 г. В течение некоторого времени он занимал пост английского консула, потом, выйдя в отставку, женился на дочери эмира и установил тесный контакт с ливанской аристократией. Некоторые не без основания считали Черчилля английским разведчиком. Через него англичане снабжали друзов деньгами и оружием [38]. Черчилль был военным консультантом друзов, в частности разрабатывал для них план нападения на г. Захлу [39].

По совету английских покровителей Саид Джумблат руководил подготовкой военных действий, как и последующей борьбой, тайно, хотя и принял на себя командование силами друзов во всех округах Горного Ливана, которые прямо или косвенно были ему подвластны [40]. Заметную роль как начальники вооруженных отрядов друзов сыграли шейхи: Хатар аль-Амад (также крупный ливанский феодал), Юсуф Абд аль-Малик ,Тальхук и Кассим-бей.

Подготовку к борьбе провели обе стороны. Вооруженное столкновение стало неизбежным.

С весны 1860 г. в смешанных районах участились вспышки друзско-маронитской борьбы. 18 марта 1860 г. Мур доносил английскому послу в Константинополе, что за последние две недели случаи нападения и убийств среди местного населения происходят почти ежедневно [41].

А месяц спустя русский консул Бегер сообщал Лобанову-Ростовскому, что гражданская война неизбежно вспыхнет в Горном Ливане, после того как закончится сбор урожая [42].

В конце апреля в Сайду с большим отрядом прибыл Кассим-бей. Люди из его свиты напали на христиан из ближайшего селения. Произошла стычка, в результате которой были жертвы с той и другой стороны [43].

В мае христианские жители смешанных округов Горного Ливана обратились к Хуршид-паше с письмом, в котором жаловались на насилия и злоупотребления со стороны друзских феодалов. Характерно, что в этом письме речь шла не столько о религиозных притеснениях, сколько о бедственном материальном положении крестьян. Последние обращались к турецким властям с просьбой защитить их от произвола феодальных сеньоров [44].

[38] C. Rochmonteix, *Le Liban et l'éxpedition française en Syrie,* p. 46.
[39] H. Jessup, *Fifty-three years in Syria,* p. 174.
[40] Ch. Cherchill, *The Druzes and the Maronits from 1840 to 1860,* p. 148.
[41] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 68.
[42] Бегер Лобанову-Ростовскому 7(19).IV.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 1.
[43] F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1860,* p. 10.
[44] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 69.

Почти одновременно мароните из друзской каймакамии обратились за помощью в Кесруан, и руководитель крестьянского движения Таниус Шахин обещал поддержать их в борьбе с феодалами [45].

Крестьяне надеялись при помощи кесруанцев нанести удар крупным друзским землевладельцам и установить в Горном Ливане те же демократические порядки, которые два года назад были завоеваны восставшим населением Северного Ливана. 28 мая вооруженные отряды (около 500 человек) под командованием Таниуса Шахина прибыли из Кесруана. Перейдя севернее Бейрута реку Нахр эль-Кальб, эти отряды совершили нападения на селения Бейт-Мири и Баабда. После разыгравшегося сражения отряды Таниуса Шахина вступили в Метен. Но вскоре эти отряды были атакованы турками, рассеяны ими и в беспорядке вернулись в Кесруан.

30 мая против друзов выступили отряды маронитов Дейр эль-Камара и Захлы. Дейр эль-Камар был расположен в центре той области, где друзы и мароните жили смешанно. Оба города были издавна главными очагами антифеодального движения.

Но друзы не дали захватить себя врасплох. 30 мая они сами перешли в наступление, и район столкновений стал быстро расширяться. В этот день друзами, которыми командовал Хатар-бей, были захвачены и опустошены большая деревня (800 жителей) Хаммана, где имелось несколько европейских предприятий, и ряд более мелких деревень.

Как же повел себя правитель Бейрута, который в качестве главы турецкой администрации должен был обеспечить порядок в вверенной ему области? Хуршид-паша имел в Бейруте 750 солдат, и, кроме того, в его распоряжении находился отряд башибузуков, представлявших собой нерегулярную армию султана. По приказу паши 29 мая эти военные части были выведены из города и расположены лагерем в двух часах езды от Бейрута. Туда же отправился и сам Хуршид-паша. Некоторые считали, что поездка правителя была вызвана его желанием войти в более тесный контакт с вождями друзов, а также избежать запросов со стороны европейских консулов [46]. Покинув Бейрут, Хуршид-паша проявил полную пассивность, дав возможность разрастись движению. Турецкие солдаты, находившиеся в его лагере, не только не препятствовали вооруженной борьбе, но сами приняли участие в грабежах.

Уже первые столкновения показали слабость подготовки маронитов. Христианские отряды были разобщены, плохо ор-

[45] См. И. М. Смилянская, *Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в.,* стр. 197.
[46] «La vie militaire...», t. I, p. 393.

ганизованы и фактически лишены руководства. Христианская знать — Шихабы, Хбейши, Хазины в борьбе не участвовали.

Иностранные наблюдатели отмечали, что друзы были гораздо лучше организованы и вооружены [47]. Это обстоятельство и дало им вскоре перевес над маронитами. В своем донесении 31 мая 1860 г. русский консул Бегер сообщал, что «друзы одерживают верх» [48].

Большая тревога охватила население Бейрута. Свыше 20 тыс. беженцев, наводнивших город, усиливали панику. Торговля прекратилась. Бейрутские богачи бежали морем в Константинополь, Александрию и на Мальту. Ценности отделения Оттоманского банка были перевезены на борт английского корабля. Иностранцы со своими семьями поспешно покидали город [49].

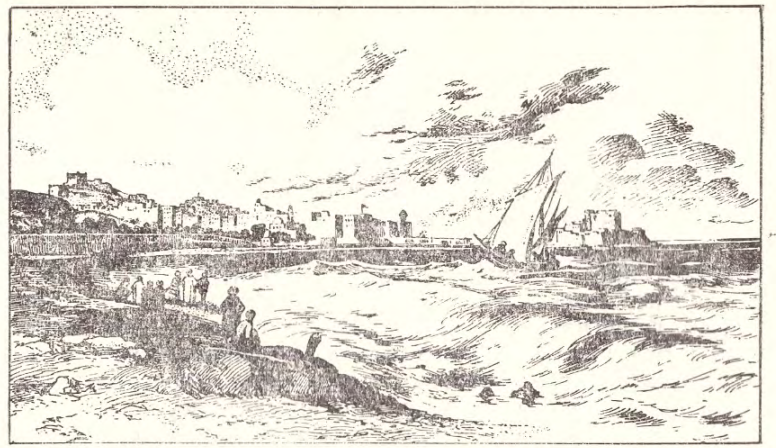
20 мая 1860 г. крупнейшие торговцы Бейрута подписали петицию на имя консулов великих держав, в которой просили их помочь защитить город.

Между тем, захватив инициативу в свои руки, друзы начали наступать на маронитов. 1 июня театром ожесточенной борьбы стал приморский город Сайда, где друзы действовали совместно с другими мусульманами. С мечетей муфтии и имамы призывали мусульман к расправе с христианами. Нападающие имели ружья, кинжалы. У христиан оружия почти не было. Избиение христиан происходило на глазах городских властей, проявлявших полное равнодушие. Население христианских деревень, расположенных вокруг Сайды, сделало попытку прийти на помощь жителям города. Но христианский отряд был рассеян мусульманами, вышедшими из города. В Сайде погибло несколько сотен христиан. От полного уничтожения город был спасен прибытием в порт военного корабля [50].

Недалеко от Сайды находилось крупное христианское селение Джиззин. 2 июня в селение ворвался большой вооруженный отряд друзов. Накануне от имени Саида Джумблата населению было объявлено, что друзы не питают никаких враждебных намерений к христианам и что они могут быть спокойны. Не ожидавшие нападения жители вышли на полевые работы. Друзы, не встречая почти никакого отпора, избивали христианские семьи и захватывали их имущество.

После этого друзы повели наступление на Хасбайю и Рашайю, расположенные в окрестностях Дамаска. В этих двух

[47] H. Jessup, *Fifty-three years in Syria*, p. 171.
[48] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 13(31).V.1860, — АВПР ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 7.
[49] «Papers relating...», p. 48.
[50] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861*, p. 15.

Общий вид Сайды, 1850 г.

городках процветали ремесла, активно развивалась торговля. По словам одного современника, богатство христианских жителей Хасбайи и Рашайи явилось «настоящей приманкой для друзов» [51]. Главным распорядителем среди ливанских друзов, подступивших к Хасбайе, был ставленник Джумблата Али-бей. По приказу Джумблата на место действий прибыл отряд хауранских друзов под начальством известного по событиям 40-х годов Исмаила Атраша. Этот отряд в составе 700 всадников и 2 тыс. [52] пехотинцев принял участие в нападении на Хасбайю. Когда многочисленные друзские отряды окружили Хасбайю, жители поняли, что сопротивление невозможно и собрались в казарме, отдав себя под защиту турецкого гарнизона. Его начальник Осман-бей, дав обещание спасти христиан, предложил им сложить оружие. Обезоружив жителей, он приказал открыть городские ворота. Как стало известно впоследствии, у Осман-бея была договоренность с начальниками друзов. 11 июня друзы ворвались в город и началась кровавая расправа. Вскоре от городка остались одни дымящиеся развалины. Та же судьба постигла 13 июня и Рашайю.

18 июня подвергся разгрому цветущий христианский городок Захла, не уступавший по своему значению Дейр эль-Камару. Местное население, сплошь христианское (мароните,

[51] «Souvenir de Syrie...», p. 58.
[52] Jobin, *Syrie en 1860 et 1851*, p. 31.

православные, униаты) составляло около 10 тыс. человек. К моменту нападения население Захлы почти удвоилось за счет беженцев из городов и деревень, разгромленных друзами.

К этому времени к друзам присоединились кочевники-курды и бедуины. Всего в нападении на Захлу участвовало 15—17 тыс. человек[53].

Стоит указать, что Хуршид-паше было заранее известно, какой угрозе подвергается Захла. Еще 10 июня он получил записку от маронитского патриарха, в которой говорилось о том, что друзы окружают город. Европейские консулы по просьбе епископа Захлы обратились к правителю с коллективной нотой по поводу необходимости защиты города. Но правитель Бейрута ограничился одними обещаниями[54].

Вполне отдавая себе отчет в критическом положении Захлы, консул Мур 16 июня в докладе английскому послу в Константинополь писал, что если Захла падет, то та же участь постигнет Дамаск и весь Ливан будет подвергнут опустошению[55]. И несмотря на это, никаких реальных шагов, чтобы предотвратить разгром Захлы, Муром предпринято не было.

Турецкий гарнизон, расположенный в Захле, насчитывал 7 тыс. человек. Но он полностью бездействовал.

Не оказал помощи осажденной Захле и значительный христианский отряд[56], приведенный из Северного Ливана под руководством маронитского шейха Юсуфа Карама. Семья Юсуфа Карама была известна своими симпатиями к Франции. Дом Карамов в Ихдене (близ Триполи) посещали знатные французские путешественники, среди которых были и сыновья короля Луи Филиппа. Воспитанный иезуитами ревностным католиком, Юсуф Карам пользовался поддержкой маронитского духовенства, которое стремилось выдвинуть его на руководящий административный пост в Ливане. Карам объявил, что свой отряд он отдает в распоряжение маронитского патриарха[57]. Но, дойдя до селения Бикфайи, Карам совершенно неожиданно повернул назад и вернулся в Триполи. Впоследствии, чтобы отвести от себя обвинения в измене, он заявил, что действовал по указанию французского консула Бентиволио, якобы приказавшего ему не вступать в район смешанных округов. Со своей стороны Бентиволио (в депеше 15 ноября 1861 г.) категорически отрицал, что он давал Юсуфу Караму какие-либо указания относительно Захлы.

[53] Ibid.
[54] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», p. 74.
[55] Ibid., p. 75.
[56] Отряд Карама, по английским сведениям, насчитывал тысячу человек (см. «Papers relating...», p. 11), по арабской хронике — 4 тысячи (M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism, 1840—1868,* p. 61).
[57] «La vie militaire...», t. I, p. 393.

По мнению ливанского историка Адель Исмаила, опирающегося на арабские источники, Юсуф Карам стремился стать во главе маронитской каймакамии и боялся открытой помощью христианам скомпрометировать себя в глазах бейрутского правителя Хуршид-паши[58]. Таким образом, Юсуф Карам, преследуя корыстные интересы, предал своих единоверцев.

Но вернемся к изложению событий, связанных с осадой Захлы. Население города, несмотря на недостаток оружия и большой перевес сил, мужественно оборонялось. Трижды пытались друзы приступом взять город, но были отбиты. Однако в конечном итоге они ворвались в город и бросились разрушать и грабить ремесленные и торговые предприятия: мыловаренные мастерские, хлебопекарни, различные лавки. Большинство жилых домов города было также разрушено. Серьезно пострадали здания, принадлежавшие французским подданным. Была, в частности, полностью разгромлена школа, которой руководили миссионеры-иезуиты. Окружив здание школы, друзы спросили, кому оно принадлежит — Франции или Англии, и, получив ответ «Франции!», начали погром. Французский флаг был разорван, дом подожжен, преподаватели школы убиты[59]. Подверглось нападению предприятие французского фабриканта Портали, который с оружием в руках довольно успешно защищал свою собственность и спас фабрику от разрушения[60].

На следующий день отряды друзов повели решительное наступление на Дейр эль-Камар, осажденный с начала июня. Население города (около 7 тыс. человек) состояло в своем большинстве из христиан. Городскую верхушку составляли владельцы ткацких и текстильных мастерских, представители купечества. Торговля Дейр эль-Камара с Дамаском и Бейрутом была весьма значительна[61].

Оказавшись перед угрозой нападения, жители города обратились к турецким властям, прося выдать им оружие, чтобы организовать оборону.

Отказав жителям в их просьбе, турки объявили, что город будут охранять регулярные войска. Действительно в Дейр эль-Камаре стояли хорошо вооруженные военные части, которые вполне могли оказать отпор нападающим. Но турецкое командование не только не помешало вступлению друзов в го-

[58] A. Ismail, *Histoire du Liban...,* p. 339.
[59] F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1860,* p. 66.
[60] «Le Nord», 27.VII.1860.
[61] Ibid., 19.VII.1860.

род, но и не препятствовало своим солдатам принимать участие в убийствах.

По свидетельству американского миссионера, солдаты убивали христиан, грабили их дома, захватывали драгоценности [62]. В течение двух дней, пока друзы хозяйничали в городе, они произвели огромные опустошения. Улицы города были полны трупов. Особенно пострадали ремесленники — ткачи, славившиеся выработкой узорчатых тканей. Большинство станков было уничтожено, а мастера убиты. В этом городе, так же как и в других местах, были разрушены здания и учреждения, принадлежавшие Франции: церковь, монастырь и две школы, организованные иезуитами. Число убитых достигало 2200 [63].

Сообщая в Константинополь о резне в Дейр эль-Камаре, Бегер писал о том, что теперь нельзя более сомневаться «в злой воле» турецких властей, так как, несмотря на заверения Хуршид-паши, более 2 тыс. человек были убиты в присутствии 1 тыс. турецких солдат. Бегер считал, что Хуршид-паша, прибывший в город якобы в целях установления там спокойствия, в действительности ничего для этого не сделал и дал лишь возможность друзам безнаказанно уйти [64].

После падения Дейр эль-Камара поползли тревожные слухи о том, что ливанские друзы вместе с их союзниками, кочевниками, решили двинуться на север для нападения на маронитскую каймакамию. Генерал Дюкро в своих записках свидетельствует, что этот план активно поддерживали турки [65]. Для султанского правительства было, конечно, крайне важно ликвидировать руками друзов очаг революционного крестьянского движения. Но этого не произошло. Нападению друзов Кесруан не подвергся.

К концу июня массовые убийства прекратились. И хотя в некоторых местах еще имели место отдельные друзско-маронитские столкновения, проводить погромы в прибрежных городах друзы более не решались, так как на рейде стояли военные эскадры европейских государств [66].

В результате междоусобной борьбы в Ливане было убито около 10 тыс. человек. От многих городов и селений остались одни развалины. Было разграблено 360 деревень, разрушено 560 церквей, 42 монастыря, 28 школ [67]. Материальный ущерб ливанских христиан, согласно консульскому отчету, опубликованному газетой «Монитер», исчислялся в 91 млн. [68].

[62] «Papers relating...», p. 45.
[63] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861*, p. 229.
[64] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 19.VI(1.VII).1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 56.
[65] C. Rochmonteix, *Le Liban et l'expédition française en Syrie*, p. 54.
[66] Эскадры подошли к Бейруту в начале июня.
[67] F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1869*, p. 83.

По размаху и жертвам друзско-маронитские столкновения 1860 г. превосходили аналогичные события предшествующих лет.

Особенно тяжело пострадали городские низы и феллахи Центрального и Южного Ливана. Друзы, нападая на христианские деревни, уводили скот, сжигали урожай на корню, рубили фруктовые и тутовые деревья. Гибель тутовых деревьев означала, что в течение ряда лет не будет сбора коконов. В результате тысячи бедняков, занятых в производстве шелка-сырца, были обречены на голодную смерть.

Некоторый ущерб был нанесен и крупным землевладельцам. Так, убытки Саида Джумблата исчислялись в 12 тыс. ф. ст. Почти весь урожай с его полей был сожжен или похищен крестьянами, которые, по признанию самого Джумблата, были как маронитами, так и друзами [69].

Друзы не пощадили и христианскую церковь как феодального собственника. Нападения на церкви и монастыри сопровождались разграблением их усадеб и гибелью посевов. В городах друзские крестьяне сводили свои счеты с ростовщиками, торговцами, скупщиками, т. е. с теми, кто являлся для них наиболее ненавистным воплощением экономического гнета.

В сирийских событиях 1860 г. весьма заметно просматривается антииностранное острие.

Почти повсюду, где бы ни происходили друзско-маронитские столкновения, они сопровождались разрушением мастерских, контор, складов и других предприятий, принадлежавших европейскому капиталу. В Ливане гнев друзов обратился преимущественно против французов. Руководители друзских отрядов, оберегая интересы англичан, направляли ненависть друзских крестьян против французских учреждений и католических миссионеров. Американское духовенство, действовавшее в контакте с английскими агентами, также пользовалось покровительством друзских шейхов. Американские миссионеры свободно разъезжали по Ливану, когда он был залит кровью. Один из руководителей миссии США — Джессап выступил организатором военной помощи протестантам Хасбайи [70].

Антитурецких выступлений со стороны арабского населения нам обнаружить не удалось. Этот вопрос, как нам кажется, должен явиться предметом специального изучения.

[68] «Le Moniteur», 18.IX.1860.
[69] «Further papers relating to the disturbance in Syria», p. 54.
[70] H. Jessup, *Fifty-three years in Syria*, t. I, p. 174.

* * *

В разгар друзско-маронитских столкновений 1860 г. турецкое правительство пребывало в состоянии полной бездеятельности. Когда 7 июня послы европейских государств в Константинополе обратились за разъяснениями к везиру, он заявил, что ему ничего не известно [71].

Той же тактики придерживался и правитель Сайдского пашалыка Хуршид-паша. В ответ на просьбу консулов (в мае) принять меры против «нарушителей порядка» он сказал, что все необходимое уже сделано и для беспокойства нет оснований [72]. Однако, как мы знаем, никаких мер турецкой администрацией принято не было.

По мере того как события принимали все более грозный характер, настойчивость консулов возрастала. Их подталкивали к действиям многочисленные петиции местных христиан, взывавших о помощи. Но главным, пожалуй, было беспокойство дельцов, вызванное материальными потерями, которые они несли в результате погромов. Движение, принявшее такие размеры, каких не могли предвидеть ни Англия, ни Франция, ни даже султанское правительство, стало глубоко тревожить дипломатический корпус Бейрута.

Но первый разговор консулов с Хуршид-пашой по поводу кровопролития, происшедший в начале июня, ничем не кончился. Правитель обрушил свой гнев на маронитов, обвинил в провокации столкновений бейрутский комитет и заявил, что уже отдал приказ об аресте его членов [73].

Вмешательство консулов не могло быть действенным уже по одному тому, что среди них царили разногласия. По словам Бегера, действия консулов в пользу христиан были крайне затруднены тем, что Мур (являвшийся дуайеном дипломатического корпуса в Бейруте) «обнаруживал симпатии к друзам и брал их под свою защиту» [74]. Английский консул вообще был против каких-либо коллективных действий в пользу сирийских христиан, говоря, что «он не может вмешиваться во внутренние дела Турции» [75]. Между тем русские дипломаты были убеждены в том, что Мур, имевший большое влияние на друзов, мог бы воздействовать на них умиротворяющим образом [76].

---

[71] A. Ismail, *Histoire du Liban...*, t. IV, p. 342.

[72] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 8(20).V.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 5.

[73] A. Ismail, *Histoire du Liban...*, t. IV, p. 332.

[74] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 13(25).V.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 13.

[75] H. Jessup, *Fifty-three years in Syria*, p. 181.

[76] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 42, л. 453.

Австрийский консул Векбеккер, которому весьма не нравилось французское влияние на маронитов, также предпочитал держаться пассивно.

Со стороны французского генерального консула Бентиволио активного вмешательства в друзско-маронитскую распрю по существу тоже не последовало. Все его обещания, даваемые консулам, призвать маронитов сложить оружие оказались невыполненными. Он поддерживал епископа Тобиа, который лицемерно заверял, что действует в направлении примирения всего населения Ливана. Полностью бездействовал также тесно связанный с французским консульством каймакам маронитов Бешир Ахмед [77].

Таким образом, действия членов дипломатического корпуса в Бейруте отнюдь не способствовали прекращению междоусобной борьбы. Однако, получив от своих правительств инструкции выступить посредниками для достижения примирения [78], консулы 19 июня составили коллективное представление Хуршид-паше, в котором требовали, чтобы он принял срочные меры для установления в стране порядка [79]. Помимо того, консулы приняли решение непосредственно обратиться к вождям ливанских друзов, чтобы призвать их к скорейшему прекращению междоусобной войны.

Письмо консулов к друзам, подписанное 27 июня, повез в резиденцию Саида Джумблата некий У. Грехем [80]. В английской политике в Сирии Грехем играл довольно заметную роль. В Бейруте он был известен как протестантский миссионер и путешественник, но, по сведениям французов, очевидно достоверным, он являлся тайным английским агентом. Хорошо зная арабский язык и имея личные связи с друзскими шейхами, Грехем служил посредником между ними и официальными представителями Англии в Сирии.

Английский консул не мог уклониться от участия в демарше европейских дипломатов и предпочел переговоры с друзами взять в свои руки.

Миссия Грехема носила довольно щекотливый характер. От имени европейских консулов, и в том числе английского, ему надо было убедить друзских шейхов свернуть движение против маронитов, в то время как шейхи знали, что английское правительство втайне ему сочувствовало. Отчет о поездке Грехема находится в его письме к Муру от 29 июня. Встре-

---

[77] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 26.V(7.VI).1860, — там же, д. 1308, лл. 14, 18.

[78] Европейское общественное мнение, глубоко встревоженное трагическими событиями в Сирии, требовало принять меры, чтобы приостановить дальнейшее кровопролитие.

[79] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 76.

[80] Ibid., p. 79.

титься с шейхами и зачитать им письмо консулов Грехему не удалось, ибо Джумблат отказался собрать старейшин под предлогом религиозного праздника. В беседе с Грехемом Джумблат сказал, что он не может дать обещание сохранить мир, так как, по его словам, «он не имеет власти над народом». Впрочем, вождь друзов заверил английского посланца в своей неизменной преданности Англии, назвав друзов «рабами английской королевы»[81].

В письменном ответе друзы заявили, что борьбу начали мароните и что враждебные отношения между маронитами и друзами ликвидировать нельзя, ибо кое-кто из маронитов хочет присвоить имущество своих соседей[82].

И все же благодаря вмешательству турок соглашение между враждующими сторонами было достигнуто. Дело в том, что с начала июля французская пресса открыла шумную кампанию в пользу организации интервенции в Сирию, утверждая, что султанское правительство само не в силах установить там порядка. Такая перспектива отнюдь не устраивала Константинополь. Следовательно, нужно было убедить общественное мнение Европы, что кровопролитие в Ливане уже прекращено. Эти соображения и вынудили турецкое правительство настоять на соглашении.

Перемирие между друзами и маронитами было подписано 6 июля 1860 г. Мароните, по условиям договора, отказывались от требования наказания виновных и возмещения убытков. Все привилегии друзских феодалов были сохранены[83].

Со стороны друзско-мусульманской верхушки, соглашение 6 июля было ничем иным, как маневром, рассчитанным на обман и успокоение общественного мнения. Друзы не сложили оружия. Турки тайно продолжали подстрекать их к вторжению в Кесруан[84].

Не прошло и трех дней с момента подписания мирного договора, как разразился сильнейший погром христиан в Дамаске, явившийся продолжением ливанской резни.

* * *

В середине XIX в. Дамаск был крупнейшим городом Сирии и одним из центров мусульманства на Востоке. Из 140 тыс. жителей Дамаска христиане составляли не более 25 тыс. В Дамаске жила многочисленная верхушка мусульманского духовенства.

[81] «Further papers relating to the disturbance in Syria», p. 28.
[82] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 80.
[83] Ibid., p. 84.
[84] «Further papers relating to the disturbance in Syria», p. 2.

Дамасские христиане жили в двух кварталах. В одном из них — Майдане, населенном преимущественно беднотой, насчитывалось всего 2 тыс. жителей. В другом — Насара — жили не только около 7 тыс. ткачей, но и богатые христианские и еврейские семейства, а также представители европейских торговых фирм и миссионеры. Здесь многие дома отличались красотой и благоустройством (мраморные лестницы, бассейны, оранжереи, дорогая мебель и ценная утварь)[85].

Богатый квартал Насара был ненавистен мусульманской городской верхушке. Мусульманское купечество было заинтересовано в ликвидации христианских торговых домов, в которых оно усматривало своих конкурентов. Пребывание европейских миссионеров в Дамаске чрезвычайно раздражало мусульманское духовенство. Почва для антихристианских выступлений в Дамаске, таким образом, была довольно благоприятна.

С начала июня 1860 г. политическая атмосфера в городе стала заметно накаляться. Русский вице-консул Макеев сообщал в это время о панике, охватившей христианское население города, которое со дня на день ожидало погрома[86]. Для беспокойства имелись серьезные основания.

Турецкие войска, вызванные правителем Ахмед-пашой из Хасбайи и Рашайи под предлогом усиления гарнизона города, вели себя вызывающе по отношению к христианскому населению. Солдаты открыто продавали вещи, награбленные в Ливане. Большую враждебность начали проявлять и дамасские мусульмане. В городе стали поговаривать о том, что к нападению на Дамаск готовятся ливанские и хауранские друзы[87].

Встревоженные всем этим христиане послали к правителю делегацию. Но Ахмед-паша заявил, что для беспокойства нет никаких причин. Все же паша распорядился направить в Насару для охраны квартала 600 солдат. Этих солдат, запятнавших себя кровью ливанских христиан, жители Дамаска должны были содержать за свой счет[88].

Между тем подготовка к нападению на христиан продолжалась. На улицах города мальчишки привешивали к бездомным собакам деревянные таблички, на которых было написано: «Консул Франции», «Консул России», «Консул Австрии». Таким способом оскорблялись религиозные чувства местных христиан, а также европейских дипломатов, аккредито-

[85] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie...*, p. 46, 389.
[86] Донесение Макеева Бегеру 9.VI.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 47.
[87] Донесение Макеева Бегеру 3(15).VI.1860, — там же, лл. 32, 33.
[88] I. Abkarius, *The Lebanon in turmoil*, p. 128.

ванных в Дамаске. «Лишь одна Англия, — замечает по этому поводу Пужуля, — имела печальную честь избежать подобного оскорбления» [89].

Многие христианские дома были отмечены небольшими красными крестиками, что являлось знаком того, что данные дома подлежат разрушению.

Снова делегация христиан, поддержанная консулами, обратилась к Ахмед-паше с просьбой о помощи, но никаких результатов это не дало.

Современник событий, араб по происхождению, Искандер Абкариус рассказывает, что 9 июля 1860 г. в резиденции Ахмед-паши состоялось тайное совещание, на котором было принято решение спровоцировать мусульман на выступление [90]. Провокация была осуществлена турецкой полицией, которая арестовала двух мусульманских юношей якобы за оскорбление религиозных чувств христиан. Возбужденная этим арестом толпа, вооруженная мушкетами, мечами, топорами, набросилась на полицейских, отбила у них задержанных, а затем устремилась в квартал Насара, начав грабить и убивать христиан. Через несколько часов весь квартал был в огне [91].

Как только начался погром, на всех мусульманских домах были вывешаны зеленые и белые флаги, которые должны были указывать, что эти дома трогать нельзя. Этот факт, так же как и наличие вооружения у нападавших, свидетельствовал о том, что выступление было заранее подготовлено. К вечеру первого дня погрома в город вступил небольшой отряд из 150 друзов и присоединился к нападавшим [92]. Возможно, что между дамасскими мусульманами и друзскими шейхами имелся сговор о совместных действиях против христиан.

Турецкие солдаты, расквартированные в христианском районе, не оказали убийцам никакого противодействия. Активное участие в резне христиан приняли представители мусульманской верхушки. «Многие из мусульманских шейхов, улемов и первых лиц в городе, переодетые, грабили в христианском квартале», — писал один хорошо осведомленный русский журналист [93].

Толпы погромщиков двинулись к резиденциям европейских дипломатов. Одним из первых подверглось нападению русское вице-консульство. Толпа ворвалась в здание, убила

[89] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie...*, p. 43.
[90] I. Abkarius, *The Lebanon in turmoil*, p. 128.
[91] Б. Пужуля, Ф. Ленорман, Жобен и другие авторы также утверждают, что резня в Дамаске была спровоцирована этим арестом.
[92] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie...*, p. 392.
[93] Н. Х-вский, *Сирийский вопрос*, стр. 483.

драгомана и других сотрудников консульства. Дом был сожжен дотла. Сам вице-консул Макеев спасся благодаря случайности. Ему удалось укрыться во дворце алжирского эмира Абд аль-Кадера.

Бывший вождь национально-освободительной борьбы алжирского народа против французского владычества Абд аль-Кадер после долгого плена во Франции поселился в Дамаске в 1852 г. Возвратив эмиру свободу, Наполеон III назначил ему большую пенсию, в 300 тыс. фр. Император, по-видимому, имел в виду использовать Абд аль-Кадера в своих политических целях. Владея земельной собственностью и опираясь на вооруженную силу (отряд из тысячи алжирцев был вооружен французским оружием на французские деньги), эмир жил в дамасском округе почти независимо от турецкого паши. К движению, направленному против христиан, Абд аль-Кадер отнесся отрицательно. В его дворце во время погрома нашли убежище сотни христиан. Кроме русского вице-консула у эмира укрылся Ланюс, управлявший французским консульством во время отъезда консула Утрея.

Вслед за разгромом русского консульства были подожжены здания консульств Австрии, Бельгии, Греции, США и Голландии. Почти всем консулам удалось спастись. Пострадали только американский и голландский консулы, получившие тяжелые ранения [94].

Дом, где находилось французское консульство, был разграблен. Здание разрушено не было, так как принадлежало мусульманину и его отстаивал сам хозяин. Консульства Англии и Пруссии нападению не подверглись. Это объяснялось не только тем обстоятельством, что они были расположены вне христианского квартала. Дом английского резидента охранялся отрядом турецких солдат [95]. Когда погромщики окружили здание английского консульства, кто-то выступил вперед и заявил: «Это дружественный нам дом» [96].

Мусульмане нападали также на церкви, монастыри и различные духовные учреждения, основанные на средства европейских правительств и находившиеся под их покровительством. В Дамаске было разрушено девять монастырей (лазаритов, греко-католический, армянский и др.). Духовные лица, обслуживавшие эти монастыри, были перебиты. Среди убитых священников были французы, австрийцы, греки и даже один англичанин [97]. Было разгромлено также здание французского благотворительного общества «Сестер милосердия».

[94] «Сирийские дела», стр. 79.
[95] M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism*, p. 68.
[96] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie...*, p. 43.
[97] I. Abkarius, *The Lebanon in turmoil*, p. 133.

Это общество было учреждено всего несколько месяцев назад и стоило правительству Наполеона III около миллиона франков [98].

Все приведенные факты свидетельствуют, что во время дамасского погрома антиевропейские настроения были очень сильны. Ярость фанатичной толпы обрушилась и на богатых сирийских христиан, особенно тех, которые были подданными европейских государств. Громили их дома, конторы, лавки [99]. В первый же день погрома погиб богатый купец-маронит Франсис Муссабеки. За два месяца до описываемых событий он ссудил главу мусульманской общины Дамаска Абдаллаха аль-Халеби суммой в 800 тыс. пиастров (320 тыс. фр.). Купец был убит людьми, подосланными Абдаллахом [100]. После дамасского погрома пришла в полный упадок торговля шелковыми и мануфактурными товарами, ибо державшие ее в своих руках купцы-христиане были разграблены и убиты.

Потерпевшими оказались и некоторые богатые еврейские семьи, несмотря на то, что они предоставили знатными мусульманам большую сумму, надеясь спасти этим свою жизнь и имущество [101].

Кроме зажиточных жителей жестоко пострадали и городские «низы» — ремесленники, рабочие шелковых предприятий, мелкие лавочники. Разрушив дамасские мастерские по выделке шелка, на которых преимущественно работали христиане, погромщики лишили средств существования сотни рабочих [102].

Погромы и убийства в Дамаске продолжались около десяти дней. Те, кому удалось спастись от ярости нападавших, погибали в огне или под развалинами домов. От пламени пожаров ночью было светло как днем. Большинство домов христианской части Дамаска было обращено в груды пепла.

Спасаясь от преследователей, значительное число христиан укрылось в цитадели, сооруженной еще в XIII в. Там находился турецкий гарнизон и склад оружия. Но и здесь христиане не были в безопасности, так как на турецкие войска рассчитывать было нельзя. Начальник крепости говорил Макееву, что если мусульмане будут требовать сдачи цитадели, то «он будет вынужден, по слабости гарнизона, отворить ворота» [103]. И если это предательство не было совершено турка-

[98] F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1860*, p. 110.
[99] См. Jobin, *Syrie en 1860 et 1861*, p. 81.
[100] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie...*, p. 400.
[101] M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism*, p. 67.
[102] Донесение Шестакова 17(29).VI.1861, — Центральный государственный архив военно-морского флота (далее — ЦГАВМФ), ф. 410, оп. 2, д. 2832, л. 125.
[103] Донесение Новикова Лобанову-Ростовскому 22.XII.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 233.

ми (как это было сделано в Хасбайе и Рашайе), то значительная заслуга в этом дипломатического представителя России, который проявил большую энергию и личное мужество в деле спасения дамасских христиан [104].

Во время резни в Дамаске погибло около 5—6 тыс. человек, т. е. почти четвертая часть христианских жителей города [105]. Свыше 3 тыс. домов было разрушено. Материальные потери составили свыше 100 млн. фр.

Отметим, что мусульманские трудящиеся слои были непричастны к этой жестокой расправе. Известны случаи, и их было немало, когда мусульмане спасали преследуемых христиан [106]. Интересные сведения по этому вопросу были опубликованы французской газетой «Патри». В ней сообщалось, что в июльские дни квартал Майдан пострадал значительно меньше квартала Насары. Корреспондент объяснял это тем, что христиане Майдана выдержали упорную осаду (ею руководил мусульманин Нури) и сумели отразить нападение потому, что им помогали мусульманские жители квартала. Последние были преимущественно ремесленники, жившие в согласии с христианами [107].

Кто же был виновен в организации дамасского погрома? Большинство современников утверждало, и с этим можно согласиться, что его вдохновителями были представители турецкой реакционной клики, стоявшие близко к правящим кругам и поэтому не боявшиеся ответственности за свои поступки. Новиков был твердо убежден, что действия погромщиков тайно направлялись из Константинополя. «Мусульмане,— писал он,— решились на выступление потому, что были убеждены в желании турецкого правительства организовать избиение христиан» [108]. Это подтверждал консул Бегер. Он отмечал также, что виновниками «в подстрекательстве к мятежу были самые влиятельные и богатые люди Дамаска» [109].

Главную роль в подготовке кровопролития сыграл турецкий правитель Ахмед-паша, который, по словам современника Искандера Абкариуса, был «одержим желанием разрушить христианскую общину Дамаска» [110]. Отказ правителя принять решительные меры, когда была еще возможность приостановить ход событий, его провокационные мероприятия

[104] Там же.
[105] «Souvenir de Syrie...», p. 175.
[106] M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism*, p. 68.
[107] «Московские ведомости», 2.VIII.1860, № 168.
[108] Донесение Новикова Горчакову 9(21).X.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 194.
[109] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 25.VIII(6.IX).1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 112.
[110] I. Abkarius, *The Lebanon in turmoil*, p. 128.

свидетельствуют, что он не только сочувствовал, но и содействовал погрому.

О других руководителях резни дают основание судить материалы судебного следствия, которое было произведено по указанию Порты.

Жестокая междоусобная борьба, разразившаяся в Сирии и Ливане, продолжалась около двух месяцев. В результате друзско-маронитских столкновений убитых было 21 тыс.,[111] вдов и сирот — 16 тыс., порученных и проданных в гаремы женщин — 3 тыс., лишились крова 70 тыс. человек. Материальный ущерб выражался в следующих цифрах: 360 разгромленных городов и деревень; 560 разрушенных церквей; 28 разрушенных школ; 42 сожженных монастыря; 9 разрушенных учреждений, принадлежавших европейцам[112].

Общая сумма материального ущерба сирийских христиан по консульскому отчету, который был опубликован 18 сентября 1860 г. «Монитером», исчислялась в 200 млн. фр.

* * *

Друзско-маронитские столкновения явились для Франции поводом для вмешательства во внутренние дела Турции. После дамасского погрома вопрос об интервенции был поставлен правительством Наполеона III на повестку дня. Турецкие правящие круги, этим напуганные, решили как можно скорее приостановить кровопролитие и демонстративно наказать виновных. Надо было убедить Европу, что правительство Абдул Меджида ни в коей мере не замешано в массовых преступлениях и способно своими силами установить порядок в Сирии.

Какое значение придавалось этой задаче, свидетельствует назначение чрезвычайным комиссаром в Сирию крупного сановника империи, министра иностранных дел Фуад-паши. Австрийский посол в Константинополе отзывался о нем, как о самом значительном человеке в Турции после великого везира Али-паши[113].

Фуад-паша был врагом национально-освободительных движений. Отражая интересы господствовавших в Турции феодальных классов, он стремился сохранить всю полноту султанской власти. Вместе с тем проявлял готовность сотрудничать с европейскими правительствами. Это нашло отражение в известных словах министра, обращенных к послам европейских держав: «Суфлируйте нам, но оставьте за нами театр и роли, которые мы должны играть»[114].

[111] Из них только 1300 человек были друзы, остальные — христиане.
[112] F. Lenormant, *Les événements de Syrie*, p. 114.
[113] Prokesch-Osten, *Erinnerungen aus Konstantinopol...*, S. 63.
[114] J. Ancel, *Manuel historique de la question d'Orient*, p. 156.

Опытный дипломат, человек решительный и жестокий, Фуад-паша вполне подходил к возложенной на него миссии. В фирмане, опубликованном в связи с его назначением, указывалось, что комиссар султана обличен чрезвычайными полномочиями с тем, чтобы он мог принять все необходимые меры для установления спокойствия[115]. Одновременно Порта разослала инструкции правителям малоазиатских провинций, в которых говорилось, что сирийские события создали для правительства «огромные затруднения» и поставили «государство в критическое и опасное положение». Турецким чиновникам делалось строгое внушение поддерживать порядок в вверенных им районах[116].

17 июля 1860 г. Фуад-паша прибыл в Бейрут и прежде всего арестовал правителя Сайдского пашалыка, скомпрометировавшего себя в глазах европейских дипломатов. Затем он обратился с прокламацией к населению, в которой заявлял, что виновные в нарушении приказа о спокойствии будут рассматриваться как мятежники и строго наказываться[117]. Почти одновременно с комиссаром в Бейрут прибыли войска[118].

Все это свидетельствовало о том, что Порта была действительно обеспокоена перспективой иностранного вмешательства. Пробыв несколько дней в Бейруте, Фуад-паша поспешил в Дамаск, где возможность возобновления враждебных выступлений против христиан была еще не совсем исключена.

Прибыв в Дамаск, Фуад-паша в первую очередь провел ряд мероприятий, которые должны были облегчить положение пострадавшего населения. Был издан приказ о возвращении христианам имущества, захваченного у них во время погрома. Он распорядился переселить христианские семьи в дома, принадлежавшие мусульманам, заявил о решении правительства восстановить христианский квартал. Дамасским христианам была предоставлена возможность переселиться в Бейрут, на острова Адриатического моря или в какие-либо другие пункты. Переселение вскоре началось в довольно больших размерах. Оно шло главным образом в Бейрут, куда переправлялись группы по 4—5 тыс. христиан[119].

Одновременно Фуад-паша провел карательные меры, направленные против организаторов и главных участников избиения христиан. Был лишен званий и титулов и передан военному суду бывший правитель Дамаска Ахмед-паша. За-

[115] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 90.
[116] Ibid., p. 92.
[117] Ibid., p. 91.
[118] См. об этом V гл.
[119] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861*, p. 120.

тем последовал приказ об аресте многих членов дамасского меджлиса. В тюрьму были отправлены и некоторые руководители мусульманской духовной общины во главе с Абдаллахом аль-Халеби, а также турецкие гражданские и военные чины, возглавлявшие администрацию в Дейр эль-Камаре, Хасбайе и Рашайе [120].

Репрессии коснулись и армии. Аресту подверглись свыше 100 солдат, принявших участие в погромах. Среди арестованных турецких офицеров был подполковник Али-бей, «охранявший» христианский квартал Дамаска.

20 августа Фуад-паша сообщил в Константинополь о состоявшейся в этот день публичной казни 67 осужденных, среди которых были представители наиболее знатных мусульманских семейств страны [121].

7 сентября в одном из христианских кварталов Дамаска при огромном стечении народа по приговору военного совета был расстрелян Ахмед-паша вместе с тремя офицерами турецкой армии. Это были подполковник Али-бей и начальники турецких гарнизонов в Хасбайе и Рашайе — подполковники Осман-бей и Мухаммед-ага. Казнь бывшего правителя Дамаска вызвала много толков в стране, ибо казнь паши была делом довольно редким в Турции, и большинство полагало, что Фуад-паша не решится на это. Но, по единодушному мнению европейских дипломатических представителей, Ахмед-паша был главным виновником, и комиссар султана должен был с этим считаться. Кроме того, бывший правитель слишком много знал и мог скомпрометировать высших турецких сановников как участников организованного в Дамаске преступления. Юсуф Карам утверждал, что по распоряжению чрезвычайного комиссара султана у Ахмед-паши были отобраны важные документы, в том числе приказы центрального правительства [122]. Одним словом, смерть паши облегчала сокрытие истины.

Всего в Дамаске за «участие в беспорядках» (как говорилось в официальном сообщении) было предано суду 730 человек [123]. Большинство из них было осуждено к ссылке на разные сроки. Другой мерой наказания было зачисление в армию [124]. (Следует иметь в виду, что спустя некоторое время значительная часть осужденных была амнистирована).

[120] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie...*, p. 50.
[121] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 103.
[122] Y. Karam, *Aux gouvernéments et nation de l'Europe*, p. 20.
[123] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову 9(21).VIII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 42, л. 683.
[124] Мусульманское население четырех городов Османской империи — Дамаска, Мекки, Медины и Иерусалима было свободно от призыва в армию (H. Jessup, *Fifty three years in Syria*, p. 207).

20 августа 1860 г. Фуад-паша сообщил в Константинополь, что в Дамаске и на всем побережье Сирии «царит полное спокойствие» [125].

Карательные меры Фуад-паши в какой-то степени замели следы преступлений турецких властей в Сирии и предотвратили новую вспышку междоусобной борьбы. Но другая цель его миссии — предупредить вмешательство европейских держав — достигнута не была.

В середине августа французские войска высадились в Бейруте. Этому, однако, предшествовала довольно большая дипломатическая подготовка.

[125] «Recueil traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 103.

ГЛАВА IV

ПОДГОТОВКА СИРИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. ПАРИЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ДЕРЖАВ 1860 г.

Причины и цели Сирийской экспедиции. Позиция европейских держав по вопросу посылки французских войск в Турцию. Дипломатическая борьба на Парижской конференции. Провал попытки франко-русского соглашения

После появления в европейской печати в начале июля 1860 г. первых известий о междоусобной борьбе в Ливане почти вся французская пресса потребовала немедленной посылки войск в Турцию. Особенно ратовал за экспедицию орган бонапартистского правительства «Монитер». Только политическое руководство Франции, утверждал «Монитер», обеспечит процветание Ливану. Здесь же приводился пример «спокойного периода» правления эмира Бешира, известного своими симпатиями к Франции. «Когда Франция простирает над Ливаном свою руку, — писала в августе газета, — там царит порядок и спокойствие» [1].

Большую роль в пропаганде Сирийской экспедиции сыграл журнал «Ревю де де Монд», придерживавшийся правительственного курса. На его страницах не раз появлялись статьи, ратовавшие за посылку войск в Сирию и обосновывавшие «права Франции на защиту христиан-маронитов» [2].

В статьях говорилось, что Сирия стала «ареной беспорядка и анархии» потому, что турецкое правительство не имеет ни финансов, ни военных средств, ни морального авторитета, чтобы управлять страной. Отсюда делался вывод, что только иностранное вмешательство может привести к восстановлению порядка в Сирии [3]. Чтобы обосновать «исторические права» и «особые интересы» Франции в разрешении сирийской

[1] «Le Moniteur», 29.VIII.1860.
[2] См. X. Raymond, *La Syrie et la question d'Orient;* Saint-Marc Girardin, *Les voyageurs en Orient).*
[3] X. Raymond, *La Syrie et la question d'Orient,* p. 416.

проблемы, выдвигалось положение о том, что «Сирия является как бы младшей сестрой Франции», а последняя — традиционной покровительницей христиан Леванта. Доказывалась многовековая связь между Сирией и Францией, установившаяся якобы еще со времени правления Людовика XIV [4].

Официально целью подготовляемой экспедиции была защита христианского населения против фанатизма мусульман и оказание помощи султанскому правительству в установлении «порядка и спокойствия». Так, орган министерства иностранных дел «Конституционель» писал: «Мы не готовим на Востоке ни оккупацию, ни интервенцию. Мы хотим лишь оказать помощь Турции, чтобы подавить мятеж, который чрезвычайно ослабляет оттоманское правительство». Много говорилось о бескорыстной роли Франции «в деле защиты христианской цивилизации» [5].

Эта официальная версия была подхвачена всей французской прессой, которая не жалела красок для описания мусульманских зверств. Ряд газет во главе с «Монитером» открыл подписку в пользу пострадавших маронитов. Более откровенно о задачах экспедиции было сказано в статье известного журналиста Сен-Марк Жирардена, опубликованной в «Журналь де Деба». Он утверждал, что Европа в 1840 г. совершила роковую ошибку, отдав Сирию султану. Вспомнив высказывание А. Тьера о том, что «Сирию отдали не султану, а анархии», и, заметив, что последние события подтвердили эти слова, Сен-Марк Жирарден подчеркнул, что теперь настало время исправить «роковую ошибку». Для этого, писал он, «нужно оказать поддержку тем отпадающим частям империи, которые могут быть независимыми государствами, *совершить в Египте и Сирии то, что уже сделано с Дунайскими княжествами и Грецией»* (курсив наш. — *М. П.*) [6].

Иначе говоря, французский журналист выдвигал план отделения от Турции Египта и Сирии и предлагал передать их для установления «спокойствия» на Востоке под опеку Франции.

Эта статья интересна в том отношении, что она в значительной мере служила отражением известных нам проектов разрешения восточного вопроса, которые вынашивало французское правительство. Выступление Сен-Марк Жирардена на страницах влиятельного политического журнала следует рассматривать как подготовку общественного мнения Франции к возможному захвату Сирии. В том же духе высказывался

[4] Ibid., p. 657.
[5] Цит. по кн.: R. Edwards, *La Syrie 1840—1862*, p. 190.
[6] Цит. по: «Московские ведомости», 31.VII.1860.

рупор буржуазии южных департаментов Франции «Курьер де Марсель». В одной из августовских статей прямо заявлялось, что французские солдаты должны освободить Сирию от «варварского мусульманского гнета» и, отобрав ее у Турции, передать Франции [7].

Бывший французский консул в Бейруте Э. Пужад, издавший в период экспедиции книгу о событиях в Сирии 1860 г., писал в ней о своих надеждах на то, что в результате действий французских солдат Сирия и Ливан будут «освобождены навсегда» [8]. Под «освобождением» понималось не что иное, как отделение Сирии и Ливана от Турции и присоединение их к Франции. Ту же мысль настойчиво проводил в своей книге и очевидец сирийских событий журналист Б. Пужуля. Требуя такой же независимости для маронитов Сирии, какой добились греки в результате своей освободительной борьбы, Пужуля писал: «Они (марониты. — *М. П.*) хотят жить по христианским, а не турецким законам. Они не хотят хатт-и-хумаюна, а хотят французский кодекс. Они не хотят Турции, а хотят Францию» [9].

Все это показывает, что агрессивные круги французской буржуазии возлагали большие надежды на то, что экспедиция в Сирию кончится ее захватом. Одновременно с кампанией в пользу экспедиции, поднятой прессой, сирийский вопрос стал предметом обсуждения в правительственных кругах. Заметим, что еще в мае 1860 г. (до того как в Сирии началось кровопролитие) в сенате был прочитан доклад о значении Сирии для Франции и о французской традиционной политике защиты интересов маронитов. «Франция может рассматривать маронитов как своих детей, своих подданных», — говорилось, в частности, в этом докладе [10].

12 июля 1860 г. сирийский вопрос был поднят в Законодательном собрании. Генерал Лебретон сделал запрос председателю Государственного совета Барошу — какие меры приняты правительством для прекращения убийств в Сирии и для предотвращения их на будущее время. Оратор потребовал, чтобы Франция оказала покровительство христианам Востока. Отвечая на вопрос, Барош заявил, что французское правительство употребит все усилия, чтобы христианское население Ливана «в непродолжительном времени получило доказательство высокого покровительства, которое всегда оказывала ему Франция». Полный отчет об этом заседании был опубликован «Монитером» [11].

[7] Цит. по: «Journal d'Odessa», 28.VIII.1860.
[8] E. Poujad, *Le Liban et la Syrie 1845—1860*, p. 238.
[9] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie...*, p. 92.
[10] R. Edwards, *La Syrie 1840—1862*, p. 69.
[11] «Le Moniteur», 13.VII.1860.

Французское правительство проводило весьма активную идеологическую подготовку Сирийской экспедиции. Многочисленные статьи, публикуемые в газетах и журналах, преследовали цель восстановить общественное мнение Франции против Турции и убедить французский народ в необходимости вооруженного вмешательства в междоусобную борьбу, разгоревшуюся в Сирии. Вместе с тем давалось понять, что Сирия и Ливан — это области, которые могут быть очень полезны для Франции, если она установит там свое монопольное влияние. Русский посол в Париже П. Д. Киселев сообщал в Петербург, что «газеты всех направлений без исключения высказывают единую с правительством точку зрения» [12].

Русские публицисты также отмечали единодушие французской печати в вопросе организации Сирийской экспедиции. Общее настроение французской печати, писал «Русский вестник», может быть выражено в следующем призыве: «Конец рассуждениям! Надобно действовать как можно скорее» [13].

Открытых высказываний против Сирийской экспедиции в газетах и журналах, оказавшихся нам доступными, обнаружить не удалось. Можно лишь отметить одно выступление газеты «Курьер де Пари», которая не одобрила экспедицию и выразила желание, чтобы друзам и маронитам была предоставлена возможность договориться о своем управлении [14].

При оценке позиции французской прессы в сирийском вопросе нельзя забывать, что во Второй империи свобода слова была задушена. В Законодательном корпусе протестов против организации Сирийской экспедиции также не последовало. Правда, во время летней сессии 1860 г. при обсуждении военного бюджета депутат Ларабюр (либеральная оппозиция) отметил рост военного бюджета, поглощавшего почти треть государственных доходов. Деньги, сказал Ларабюр, потраченные на войну в Алжире, на экспедиции в Китай и Индокитай, с большей пользой можно было бы обратить на внутренние потребности Франции [15]. Эта критика агрессивной политики Наполеона III не была поддержана другими членами Законодательного корпуса. Правительство не ответило на возражение оппозиции, и бюджет был утвержден.

В целом общественное мнение буржуазной Франции одобряло Сирийскую экспедицию. Правительству удалось сыграть на религиозных чувствах французов, увлечь их перспективой легкого военного похода, который принесет новые лавры ар-

[12] Донесение Киселева Горчакову 13(25).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 516.
[13] «Восточный вопрос», стр. 97.
[14] См. «Московские ведомости», 18.VIII.1860.
[15] Ж. Лефрень, *Политика*, стр. 10.

мии. Демократические силы, еще довольно слабые, не смогли организовать кампанию протеста против новой агрессии.

В отличие от французской прессы английские, немецкие и русские газеты открыто говорили о захватнических целях французской экспедиции. Разоблачения иностранной печатью бонапартистских планов относительно Сирии были обусловлены международными противоречиями держав, которые ревниво следили за тем, как бы одной из них не удалось установить превосходство в этом важном районе ближневосточного мира. Английская «Сэтеди Ревью», намекая на египетский поход генерала Наполеона Бонапарта в 1798 г., заявляла, что идея завоевания Сирии и Египта, которая ныне владеет Наполеоном III, является традицией бонапартистских правительств [16]. Так же решительно против Сирийской экспедиции выступил орган Пальмерстона «Монинг Пост», который писал: «Зло, производимое интервенцией, принимающей форму иностранной оккупации, так велико, что, возможно, придется прибегнуть к последним средствам (т. е. военным действиям. — *М. П.*) для восстановления мира» [17].

Глубокие опасения по поводу агрессивных целей наполеоновской политики на Востоке прозвучали в выступлениях депутатов английского парламента (Ч. Нейпир, Д. Фергюссон) во время первого обсуждения вопроса о «сирийских кровопролитиях». «Религия имеет мало общего с беспорядками в Сирии, — заявил участник английской интервенции 1840 г. в Сирии адмирал Чарльз Нейпир. Можем ли мы верить тому, что французское правительство объявило о своей решимости вмешаться в это дело только для того, чтобы обеспечить безопасность французских подданных?» Он отвечал на это отрицательно, считая что Франция ищет случай установить свое преимущественное влияние в Сирии [18]. Подобные же сомнения относительно «благородных намерений» Наполеона III высказывались в Палате общин и при последующих обсуждениях сирийских событий (23 июля и 3 августа) [19].

Подобно английской, немецкая пресса также открыто писала о стремлении Наполеона III превратить Сирию в свою колонию [20]. А петербургский журнал «Русское слово», говоря о политических расчетах французского правительства в отношении сирийских христиан, высказывал мнение, что Франция на Ближнем Востоке не ограничится только захватом Сирии [21].

[16] Saint-Marc Girardin, *Les voyageurs en Orient...*, p. 968.
[17] Цит. по кн.: R. Edwards, *La Syrie 1840—1862*, p. 190.
[18] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 159, pp. 1771; 1772.
[19] Ibid., vol. 160, pp. 13, 637.
[20] «Journal de Francfort», VII—VIII.1860; «Neue Preußische Zeitung», 20.XII.1860.
[21] Ж. Лефрень, *Письмо из Парижа*, стр. 17.

Какие же причины в действительности побудили правительство Наполеона III организовать Сирийскую экспедицию?

К активной колониальной политике Наполеона III подталкивали финансовые круги, в частности группа сен-симонистов [22], куда входил цвет французской финансовой аристократии, например банкир И. Перейра, игравший видную роль в организации банка «Движимый кредит», известный экономист, автор торгового договора с Англией (1860) М. Шевалье и другие финансовые воротилы Второй империи (Талабот, Бартелони, Жюльен) [23]. Рост военных расходов, предоставление правительству военных кредитов сулили финансовой олигархии крупные барыши.

Идею военной экспедиции активно поддерживала и торгово-промышленная буржуазия, заинтересованная в устранении английских и австрийских конкурентов и в обеспечении своего монопольного положения в Сирии. «Сирийский вопрос — это прежде всего вопрос денежный», — писал парижский корреспондент «Таймс», подчеркивая материальную заинтересованность французской буржуазии в Сирии [24].

Во время друзско-маронитских столкновений 1860 г. были затронуты интересы не только той части французской буржуазии, которая владела в Сирии торговыми и промышленными предприятиями. Сирийская резня поставила под удар поступления во Францию шелка-сырца и хлопка, в которых французские промышленники в тот момент остро нуждались. Заболевание тутового шелкопряда во Франции повлияло на сильное сокращение производства отечественного шелка-сырца, а начало гражданской войны в США грозило Европе хлопковым голодом. Владельцы хлопчатобумажных фабрик требовали от своего правительства принятия энергичных мер для «восстановления порядка» в Сирии. Следовательно, действительные мотивы, побудившие Наполеона III поставить вопрос о вооруженной экспедиции в Сирию, были связаны с корыстными и хищными стремлениями буржуазии, которую Сирия привлекала своими естественными богатствами [25].

[22] Сен-симонисты были друзьями ученика Сен-Симона Б. Анфантена, но их идеи не имели ничего общего со взглядами великого французского социалиста-утописта.
[23] «The Cambridge modern history», vol. XI, p. 453.
[24] «The Times», 17.XI.1860.
[25] На связь военного похода в Сирию с экспансией французского капитала в зарубежной исторической литературе впервые указал профессор алжирского факультета М. Эмери. В отличие от большинства буржуазных авторов которые, говоря о причинах Сирийской экспедиции, выдвигали на первый план политические и идеологические моменты, Эмери подчеркивает роль экономического фактора. Он считает, что Наполеон III преследовал цель обеспечить материальные интересы французской буржуазии (M. Emerit, *La crise syrienne et l'expansion économique française en 1860*).

Не нужно забывать и того, что с 60-х годов бонапартистский режим вступает в полосу кризиса, начавшегося под воздействием экономического кризиса 1857—1858 гг. К. Маркс указывал, что все благополучие империи Наполеона III было основано на экономическом процветании и экономический спад явился ударом, который потряс ее до основания [26]. Производство сократилось в катастрофических размерах. О сокращении экспорта за 1859—1861 гг. свидетельствуют следующие данные, в тыс. фр. [27]:

Год	Импорт	Экспорт
1859	16 407	22 664
1860	18 973	22 771
1861	24 423	19 263

Некоторые экономисты объясняли неблагоприятную для Франции торговую конъюнктуру недостатком хлопка, невыгодным торговым договором с Англией, а также англо-французскими противоречиями [28].

Кризис и связанная с ним безработица приводили к росту революционных настроений. В стране поднялась новая волна стачек.

Значительным внутриполитическим событием 50-х годов были выборы в 1857 г. в Законодательный корпус, во время которых либеральная буржуазия при поддержке рабочего класса добилась избрания пятерых так называемых умеренных республиканцев [29]. Выборы в Лионе, где процент безработных на шелкообрабатывающих предприятиях был особенно велик, были яркой политической демонстрацией. Несмотря на административное давление, официальная кандидатура провалилась и был избран известный своими прогрессивными взглядами доктор Ж. Генон [30]. Первоначально «жалкая», по определению Ф. Энгельса [31], буржуазная оппозиция стала постепенно проявлять все большую активность. Поколебавшись в своем доверии к императору, буржуазия начинала стремить-

[26] См. К. Маркс, *Экономический кризис во Франции,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 407—411.

[27] Составлено по данным журнала «Journal des économistes», 1862, t. 36, p. 271.

[28] Ibid., p. 217.

[29] См. Э. А. Желубовская, *Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции.*

[30] Ж. Генон вошел в «партию пяти» — первую республиканскую группу Законодательного корпуса (Э. Оливье, А. Даримон, Ж. Фавр, Э. Пикар, Ж. Генон).

[31] Ф. Энгельс, *Преследование Монталамбера,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 643.

ся к расширению политических свобод, к ограничению власти Наполеона III.

Для отвлечения общественного мнения от остро социальных проблем и укрепления своего авторитета Наполеон III неоднократно прибегал к давно проверенному средству — развязыванию войны. Говоря о целях Сирийской экспедиции, К. Маркс писал: «Император французов... оказался вынужденным искать какого-нибудь нового и сенсационного крестового похода, чтобы снова усыпить свою империю воинственными галлюцинациями». К. Маркс считал, что продолжение господства Наполеона III зависело «от организации большого военного зрелища» [32].

Рассматривая захватническую политику Второй империи, надо помнить о той роли, которую играла армия при этом режиме. С приходом Луи Наполеона к власти в 1851 г. французская армия стала предметом его особого внимания.

Наполеон III видел в армии свою главную опору. С 1858 г. заботы об армии были увеличены еще больше. Представители военных кругов заняли в государственном аппарате значительное место. Видную роль стал играть бывший главнокомандующий французскими войсками под Севастополем маршал Ж. Пелисье, монархист и реакционер, помогавший правительству в организации полицейского террора. Выяснилось, писал в 1859 г. Н. Г. Чернышевский, что «Вторая империя может поддерживать свое существование только вооруженной рукой и безграничным насилием» [33].

В 60-х годах французская армия составляла $^1/_{20}$ часть взрослого населения страны. Русский посол в Париже П. Д. Киселев в своем докладе о современном положении Франции (октябрь 1860 г.) указывал, что армия насчитывает 392 тыс. человек под ружьем, а во время войны французское правительство может увеличить свои военные силы до 620 тыс. человек [34].

К походу на Восток французская военщина отнеслась с большим энтузиазмом, так как он предоставлял ей возможность обогащения и продвижения по служебной лестнице.

Не последнюю роль в организации Сирийской экспедиции сыграла католическая церковь. Ей, как известно, Наполеон III придавал всегда особо важное значение. Придя к власти, он приблизил к себе клерикальную партию и в отношении духовенства придерживался такой же политики, какую проводили «старшие сыны католической церкви» — Бурбоны. Напо-

[32] К. Маркс, *События в Сирии. — Английская парламентская сессия. — Состояние британской торговли,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 103, 104.

[33] Н. Г. Чернышевский, *Франция при Людовике Наполеоне,* стр. 436.

[34] АВПР, ф. «Канцелярия», д. 151, л. 402.

леон III ввел в Сенат кардиналов, ослабил надзор за католическими конгрегациями, сделал в пользу церкви богатые пожертвования. Во времена Второй империи во Франции существовало 4932 утвержденных и 2870 неутвержденных духовных организаций, около 2600 светских, так называемых благотворительных обществ. Духовные утвержденные организации владели недвижимой собственностью, оценивающейся на 100 млн. фр.[35]. Из светских обществ наиболее могущественным было «Общество Сен-Винцента», которое насчитывало во Франции около 300 тыс. членов и получало до 5 млн. фр. ежегодного дохода. Это общество, кроме Франции, имело свои отделения в Бельгии, Италии, Испании, Германии, Англии, США и во французских колониях (всего 1708 отделений и 700 тыс. членов) [36].

Членами многих духовных обществ были влиятельные французские аристократы, лица, близкие к императорскому двору, и правительственные деятели. Достаточно сказать, что министр иностранных дел Франции Тувенель был тесно связан с орденом лазаристов и участвовал в его собраниях [37].

Благодаря огромному жалованью и многочисленным привилегиям могущество высшего духовенства почти равнялось могуществу самого правительства. Полное согласие церкви с правительством продолжалось семь лет. Война против католической Австрии 1859 г. и итальянская политика Наполеона III, грозившая лишить папу светской власти, поссорили клерикальную партию с французским правительством. Папа Пий IX обвинял Наполеона III в измене и высказывался довольно резко по адресу французского императора [38]. Пренебрегать недовольством папы и клерикальной оппозицией Наполеон III не мог. Пропапская партия во Франции (которой покровительствовала сама императрица) была большой политической силой [39]. Католическая церковь, имевшая крупные земельные владения на Востоке, была заинтересована в приобретении сирийской колонии.

Идея помощи «братьям-христианам», официально положенная в основу Сирийской экспедиции, должна была способствовать росту престижа французского духовенства во всем католическом мире и вызвать у него одобрение.

Киселев в своем докладе о положении во Франции писал, что экспедиция в Сирию снова приведет к сближению правительства с церковью [40]. Для Наполеона III было весьма желательным участие в экспедиции Ватикана. Это должно было придать ей видимость настоящего крестового похода. Публицист Сен-Марк Жирарден предлагал обратиться к папе с просьбой послать 15-тысячный корпус в Сирию. Но положение папского престола в Италии было настолько непрочным, что ему было не до заморских походов. Благовидный предлог для отказа папы от участия в экспедиции нашел орган католиков во Франции «Газет де Франс». Последний заявил, что папа не может принять участия в экспедиции, официальной задачей которой является «утверждение суверенных прав султана над теми местами, которые были колыбелью христианства» [41].

Таковы были подлинные причины Сирийской экспедиции. Подорвать позиции Англии в Сирии, установить там свое военно-политическое господство — вот какие цели преследовались Наполеоном III.

* * *

Дипломатическая подготовка Сирийской экспедиции встретила немалые трудности и вызвала острую борьбу между Францией, Англией и Россией.

6 июля 1860 г. министр иностранных дел Франции Тувенель обратился с циркулярным письмом к послам в Лондоне, Берлине, Вене и Петербурге. В циркуляре говорилось, что в Сирии предстоит выполнить две задачи: заставить друзов сложить оружие и исключить возможность повторения злодеяний на последующее время. К выполнению первой задачи приступил Фуад-паша; вторая задача — дело европейских держав. Тувенель предлагал создать международную комиссию, которая, по его соображениям, должна будет выяснить причины происшедших событий, наказать виновных и установить такой режим в Сирии, который исключит возможность повторения кровопролитий [42].

В тот же день Наполеон III направил письмо султану, где высказывал надежду на то, что Порта примет срочные меры для установления порядка в Сирии.

7 июля французский император отдал приказ морскому министру Гамелену направить флот к сирийским берегам. Курсирующие вблизи Сицилии военные корабли под командой вице-адмирал Жеенна взяли курс на Бейрут. Жеенн по-

---

[35] Цифры взяты из доклада, прочитанного в Сенате 25 мая 1860 г. («Le Moniteur», 26.V.1860).

[36] Н. Щербань, *Реформа во Франции*.

[37] «Le secret de l'empereur», vol. II, p. 56.

[38] «Il Carteggio Cavour Nigra...», t. IV, p. 421.

[39] См. об этом свидетельство современника, бельгийского дипломата B. Beyens, *Le Second empire vu par un diplomate belge*, t. I, p. 187.

[40] АВПР, ф. «Канцелярия», д. 151, л. 405.

[41] Цит. по: M. Emerit, *La crise syrienne et l'expansion économique française en 1860*, p. 224.

[42] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 194.

лучил полномочия высадить экипажи на сирийский берег по требованию французского консула в Бейруте, если это будет вызвано обстоятельствами [43].

Было совершенно очевидно, что Наполеон III желает взять на себя инициативу в разрешении сирийской проблемы. С этого момента в Париже начались длительные переговоры между представителями пяти держав, подписавших Парижский трактат 1856 г., по вопросу о вмешательстве в дела Сирии.

Еще в депеше от 5 июля Каули, английский посол во Франции, сообщил в Лондон о своем разговоре с Тувенелем в связи с полученными известиями о волнениях в Сирии. Тувенель сказал ему, что Франция не сможет остаться в стороне при виде тех гонений, которым подвергаются христианские подданные султана [44].

Более откровенно Тувенель изложил намерения французского правительства в своей беседе с русским послом Киселевым. Тувенель заявил, что, поскольку «турецкое правительство само не в состоянии справиться с беспорядками в Сирии», французский император считает необходимым оказать деятельную поддержку христианскому населению и намерен послать вооруженные силы «для успокоения страны» [45]. Понимая, что посылка французских войск вызовет решительные возражения Англии, Тувенель выступил с предложением совместных действий английских, французских и австрийских войск. Тувенель сказал прямо, что император считает недостаточным посылку военных эскадр к побережью Сирии, и только высадка европейских войск на материке, по его мнению, может обеспечить установление там порядка [46].

Более подробно о европейской интервенции в Сирию говорил Тувенель в письме французскому послу в Лондоне Персиньи, которое тот должен был передать Расселу. В этом письме Тувенель заявлял, что Турция ввиду «финансового и административного кризиса, который она переживает, сама не в состоянии установить порядок» и, следовательно, должна будет согласиться на посылку в Сирию европейских войск. Тувенель далее отмечал, что интервенция будет «коллективной в своем принципе и европейские войска, посланные в общих интересах, будут выполнять поручение держав» [47].

Острая борьба за раздел мира не исключала временных сделок, которые были выгодны обеим державам. В 1858 г. Англия и Франция вместе предприняли войну против Китая,

[43] Ibid., p. 197.
[44] «Correspondence...», pt I, p. 1.
[45] Донесение Киселева Горчакову 6(18).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 181.
[46] Там же, л. 189.
[47] «Correspondence...», pt I, p. 8.

а позже (после окончания Сирийской экспедиции) подписали конвенцию о военных действиях против Мексики. Однако на Ближнем Востоке почвы для совместной англо-французской агрессии не было. Тувенель знал заранее, что английское правительство откажется от посылки своих войск в Турцию, поэтому его предложение имело чисто формальный характер. Оно предназначалось скорее для английского общественного мнения, чтобы рассеять его опасения относительно захватнических замыслов Наполеона III.

Официальное предложение Франции послать вооруженные силы в Сирию английское правительство получило 18 июля 1860 г. Оно было воспринято в Лондоне с большим неудовольствием. Ознакомившись с французским предложением, Пальмерстон заявил, что оно кажется ему очень подозрительным. «Как только русские захватят Болгарию, а французы станут хозяевами Сирии, так называемый восточный вопрос будет прекрасно разрешен», — иронически заметил он [48].

Если опасения Пальмерстона относительно Болгарии были беспочвенны, то его подозрения об агрессивных планах Франции в Сирии были не лишены основания. Пальмерстон выступил решительным противником французской экспедиции, будучи твердо убежден, что пойти навстречу желаниям Наполеона III — означает «передать Сирию в руки Франции» [49]. Свое отрицательное отношение к экспедиции Пальмерстон сохранил и в дальнейшем, даже после того как английское правительство по ряду причин было вынуждено дать согласие на посылку французских войск в Сирию. Внимание Пальмерстона было постоянно приковано к Востоку. Он не верил сообщениям английского посла в Париже Каули о том, что Наполеон III отзовет свои войска из Сирии так скоро, как это будет возможно, и с раздражением говорил, что посол «находится под моральным и физическим воздействием французов» [50].

Испугавшись размеров друзско-маронитских столкновений и замыслов Франции послать войска в Сирию, английское правительство стало оказывать сильнейший нажим на Порту, чтобы та приняла все меры для подавления «беспорядков» в кратчайший срок. В письме от 10 июля к английскому послу в Константинополе Бульверу Рассел писал, что для предотвращения европейского вмешательства «*Турция должна сама* (курсив наш. — *М. П.*) установить спокойствие и порядок» [51].

[48] Цит. по: H. Bell, *Lord Palmerston,* vol. II, p. 269.
[49] Ibid., p. 270.
[50] Ibid.
[51] «Correspondence...», pt I, p. 3.

Одновременно английское правительство направило к сирийскому побережью несколько линейных кораблей, стоявших у Мальты. Командующий вице-адмирал Мартен получил указание в случае надобности высадить на берег матросов. В дипломатических кругах распространилось мнение, что английский флот был послан в Сирию не для защиты христиан, а для того чтобы наблюдать за действиями французской эскадры [52].

От прямого ответа на предложение Франции относительно экспедиции английское правительство уклонилось. Рассел сообщил в Париж, что султан уже направил свою армию в Сирию и, следовательно, вопрос об экспедиции отпадает; речь может идти лишь об увеличении эскадры, курсирующей у сирийских берегов. Вместе с тем министр указывал, что Англия не будет препятствовать посылке в Сирию (если то будет необходимо) австрийских или французских войск при условии принятия западными державами совместно с Портой специальной конвенции [53].

Английское правительство заявило, что оно воздерживается от отправки в Сирию своих войск и возражает против посылки войск России и Пруссии. Английское правительство предложило созвать специальную конференцию для выработки конвенции, которая должна будет определить условия экспедиции. В беседе с французским послом Персиньи 18 июля Рассел еще раз подчеркнул, что оккупация может иметь место лишь в силу конвенции [54].

Предложение Англии имело целью не только связать французское правительство принятием определенных обязательств, но и выиграть время (английское правительство надеялось на урегулирование сирийских дел силами Турции). И действительно, едва было получено известие о подписании перемирия между друзами и маронитами, Рассел телеграфировал Каули в Париж о том, что теперь отпадает необходимость вооруженного вмешательства в сирийские дела [55]. Позиция Пальмерстона вызвала горячее обсуждение в парламенте. Так, бывший посол в Турции Стрэтфорд-Рэдклифф говорил о том, что экспедиция чревата серьезными международными осложнениями. Подчеркивая выдающееся стратегическое значение Сирии, он назвал ее «ключом к Египту». Если в отношении этой страны Англия допустит какую-либо ошибку, добавил он, то последствия ее будут очень тяжелы и не исключена возможность того, что «морские державы Европы будут втянуты в длинную и рискованную войну» [56]. Рэдклифф выразил надежду, что английское правительство примет все меры против вмешательства в турецкие дела и проявит твердость по отношению к Франции.

[52] C. Vitzthum von Eckstädt, *St.-Peterburg und London in Jahren 1852—1865*, Bd I, S. 95.
[53] См. «Correspondence...», pt I, p. 10.
[54] M. Jouplain, *La question du Liban*, p. 406.
[55] «Correspondence...», pt I, p. 11.

Против вмешательства в сирийские дела неоднократно выступала газета «Монинг Пост». «Легко оккупировать страну, — писала она, — но трудно ее эвакуировать. Рим — доказательство этому. Оккупация сирийских портов для Англии источник недовольства, зависти и опасений... Наша цель — поддерживать status quo, независимость и неделимость Турции» [57].

Сторонники более активных действий опасались, что инициатива, проявленная Францией, усилит ее позиции на Востоке за счет подрыва там английского влияния.

Позже, 10 августа 1860 г., член палаты общин Шеридан с нескрываемым раздражением спросил Рассела, намерено ли правительство послать войска в Сирию или оно допустит, чтобы одна Франция «воспользовалась всеми выгодами активной военной поддержки христиан против преследования мусульман?» [58].

Такую позицию депутатов Бруннов объяснял тем, что в Англии Сирийскую экспедицию «рассматривают как меру, которая может привести к расчленению Турции» [59].

Летом 1860 г. вопрос о Суэцком канале, который до того времени был решающим фактором в англо-французском соперничестве на Ближнем Востоке, отступил на второй план и основным стал вопрос сирийский. Прочность англо-французского союза вновь подверглась серьезным испытаниям. Саксонский посол в Лондоне писал, что в существование англо-французского союза верит один лишь Персиньи, симпатии которого к Англии общеизвестны [60].

В июле 1860 г. снова, как и три месяца назад [61], по стране распространились тревожные слухи о близости войны с Францией. В Лондоне собирались митинги, на которых французское правительство обвинялось в захватнических намерениях и раздавались угрозы и оскорбления по адресу Наполеона III. Антифранцузские настроения среди населения всемерно поощрялись правительством и прессой. 23 июля с чрезвы-

[56] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 160, p. 605.
[57] Цит. по газ.: «Journal d'Odessa», 10.VIII.1860.
[58] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 160, p. 1131.
[59] Письмо Бруннова Горчакову 6(18).XII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 107, л. 299.
[60] C. Vitzthum von Eckstädt, *St.-Peterburg und London in Jahren 1852—1865*, Bd I, S. 97.
[61] Имеется в виду так называемый итальянский кризис, вызванный присоединением к Франции Савойи и Ниццы (см. гл. I).

чайно враждебной речью против Франции в парламенте выступил Пальмерстон. Он говорил о том, что Англии угрожает непосредственная опасность со стороны могущественного соседа — Франции. Он указывал на быстрый рост французской сухопутной армии и заявлял, что Франция, сверх того, старается превзойти Англию в области морских вооружений. Пальмерстон утверждал, что Франция создала флот, почти равный английскому, который может за короткий срок перевезти на британский берег грозную армию [62]. Премьер-министр заявил, что правительство должно оградить страну от возможности внезапного вторжения французов [63]. Эта речь произвела большое впечатление в Европе. Никогда до этого времени Пальмерстон так открыто не выражал своей враждебности по отношению к Франции.

Русская печать отметила, что «Пальмерстон говорил о Франции таким языком, каким позволительно отзываться одному правительству о другом только накануне разрыва» [64].

29 июля в обеих палатах английского парламента был заслушан доклад парламентской комиссии, созданной со специальной целью изучить мероприятия, которые должны быть проведены по обороне страны. Комиссией был разработан обширный план по усилению армии и флота, а также по укреплению береговой обороны. Парламент утвердил чрезвычайные военные расходы, составлявшие около 12 млн. ф. ст. (70 млн. руб.) [65]. Работы, предусмотренные военной комиссией, начались немедленно. Правительство объявило призыв моряков. Во всех графствах шла вербовка волонтерских отрядов.

Демонстративное вооружение, так же как и воинственная речь Пальмерстона, преследовали цель оказать нажим на французское правительство и заставить его отказаться от намерения послать на Восток свои войска или в крайнем случае заставить его ограничить масштабы экспедиции.

Позиция английского правительства в отношении Сирийской экспедиции, как и следовало ожидать, целиком разделялась Австрией. Австрийское правительство понимало, что

[62] Это утверждение было некоторым преувеличением. По данным французского журнала «Ревю де де Монд», в 1859 г. английский флот располагал 63 кораблями и 41 фрегатом, французский — 35 кораблями и 38 фрегатами. Разница в 28 кораблей и 3 фрегата в пользу Англии. Правда, автор данной статьи замечал, что за последние два года французским правительством затрачено много сил и средств на строительство военно-морского флота («Revue des deux Mondes», t. 29, 1860, p. 565).

[63] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 160, p. 2022.

[64] «Политическое обозрение», — «Отечественные записки», т. CXXXI, 1860, август, стр. 52.

[65] Опубликованный во Франции доклад парламентской комиссии был направлен Киселевым в Петербург (см. АВПР, ф. «Канцелярия», д. 106).

для Франции создается удобный предлог для вмешательства в восточные дела. Официальный орган «Донау Цейтунг» с большой тревогой говорил о возможных последствиях междоусобной борьбы и выражал надежду, что «бедственное положение в Ливане не приведет к нарушению европейского мира» [66]. Это звучало как явное предостережение Франции. Посылая к сирийским берегам для защиты своих подданных фрегат «Радецкий», австрийское правительство предписало его командиру действовать в полном согласии с командующим английскими морскими силами на Ближнем Востоке [67].

Столь же настороженно отнеслось к французскому предложению и прусское правительство. В газете «Неуе Пруссише Цейтунг» была помещена статья, проникнутая враждебностью к Франции. Автор статьи советовал Англии не уступать Наполеону III и призывал: «не допускать Сирийской экспедиции» [68]. В другой немецкой газете настойчиво проводился тезис о том, что сирийский вопрос должен быть решен не одной Францией, а совместными усилиями европейских держав. «Мы можем,— писал немецкий журналист,— одобрить прямую интервенцию только после того, как Порта проявит свою неспособность при помощи своих средств восстановить порядок в Сирии... и если она не сможет дать гарантий в том, что подобные сцены не повторятся в будущем» [69].

Возвращаясь к тому же вопросу два дня спустя, та же газета писала: «Интервенцию следует рассматривать только как помощь, оказываемую Порте, и она должна окончиться сейчас же, как только эта цель будет достигнута» [70]. Такая враждебность Пруссии по отношению к французской политике объяснялась не только ее политической ориентацией на Вену. Как говорилось выше, прусское правительство связывало усиление активности внешней политики Франции с притязаниями Наполеона III на Рейнскую область.

Во время свидания, состоявшегося в Теплице 25—27 июля 1860 г., австрийского императора с прусским принцем-регентом было принято решение установить более тесный контакт перед лицом французской агрессии [71]. По сведениям французской газеты, немецкие государи выразили желание оказать помощь турецким христианам, но так чтобы не затронуть суверенитет Порты [72]. Русская печать также отмечала, что во

[66] «Correspondence...», pt I, p. 12.

[67] Ibid.

[68] «Neue Preußische Zeitung», 29.VII.1860.

[69] «Journal de Francfort», 24.VII.1860.

[70] Ibid., 26.VII.1860.

[71] См. Э. Нольде, *Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862 гг.*, стр. 190.

[72] «Journal de Francfort», 26.VII.1860.

время Теплицкого свидания державы обязались противодействовать всякому посягательству на целостность Турции [73].

Итак, Австрия и Пруссия проявили враждебность к проекту французского правительства послать войска в Сирию.

Напуганный инициативой Франции, султан 16 июля обратился с письмом к Наполеону III, в котором заверял, что он приложит все усилия для восстановления порядка в Сирии и жестоко накажет виновных [74].

Этими обещаниями, а также посылкой в Сирию с чрезвычайной миссией Фуад-паши султан надеялся предотвратить французскую экспедицию. Перед выездом из Константинополя в Бейрут Фуад-паша просил передать французскому послу, что он «ценой своей жизни» выполнит возложенную на него задачу [75].

Турецкая печать уже с начала июля 1860 г. настойчиво утверждала, что все необходимые меры в Сирии приняты и что борьба между друзами и маронитами полностью прекратилась [76]. Одним словом, турецкое правительство всеми силами пыталось убедить державы в бесцельности посылки европейских войск в Сирию. Правительство султана сознавало, что вмешательство держав будет способствовать падению его авторитета. Антитурецкое движение на Балканах и события в Сирии подрывали власть султана. Выражая настроения своего правительства, турецкий посол в Лондоне сказал Бруннову: «Экспедиция в Сирию — это начало разрушения Турции» [77]. Поэтому Порта сопротивлялась экспедиции до самого последнего момента. Свой протест против вооруженной интервенции в Сирию турецкое правительство высказало даже в ноте на имя послов европейских держав в Константинополе от 26 июля 1860 г., в тот день, когда в Париже уже открылась конференция для обсуждения условий экспедиции [78].

Иную позицию в сирийском вопросе заняла Россия. Царское правительство всецело поддержало проект посылки французских войск в пределы Османской империи. Позиция русского правительства определялась стремлением возобновить попытку сближения с Францией (с чем была связана надежда вернуться к проблеме пересмотра Парижского договора), а также получить возможность вновь проявить ини-

[73] «Московские ведомости», 13.VIII.1860.
[74] См. «Le Moniteur», 20.VII.1860.
[75] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 201.
[76] Сообщения турецкой газеты «Journal de Constinople» были опубликованы «Journal de Francfort», 2, 8 и 20.VII.1860.
[77] Донесение Бруннова Горчакову 25.VII.(6.VIII).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 107, л. 88.
[78] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову 19(31.VII.1860, — там же, д. 42. л. 512.

циативу в вопросе о положении балканских славян. Другими словами, русское правительство хотело воспользоваться экспедицией для решения своих внешнеполитических задач.

Горчаков отдавал себе ясный отчет в истинных целях экспедиции. В письме к Киселеву он обращал внимание на то, что Франция беспокоится не о положении всех христианских подданных султана, а выдвигает на первое место вопрос о христианах Азии. «Не происходит ли это потому, — спрашивал он, — что Малая Азия имеет не один порт для торговли, и потому, что мароните—католики?» [79]. Он подчеркивал, что французское правительство борется за установление своего экономического и политического господства в Сирии. У Горчакова к этому времени сложилось убеждение, что ревизия Парижского трактата не может быть осуществлена путем простой дипломатической договоренности. Франция окажет эффективную поддержку России только в том случае, если она получит хорошую компенсацию. Такой компенсацией в глазах Горчакова и была Сирия. В переговорах с французским послом в Петербурге Монтебелло он дал ясно понять свое отношение к этому вопросу. В частности, русский канцлер сказал послу, что он «будет смотреть без зависти, а с удовольствием и доверием, как в этих краях (Ливане и Сирии) будет развеваться флаг Франции, который он предпочитает всем другим» [80].

Важно отметить, что английский премьер-министр считал договоренность России и Франции на такой основе делом вполне реальным. Пальмерстон, писал Бруннов, считает, что Россия будет поддерживать Францию в Сирии взамен поддержки Францией русских интересов в европейской Турции [81].

Торопясь уведомить Париж о благожелательном отношении царя к французскому предложению, Горчаков в телеграмме от 8 июля (всего два дня спустя после обращения Тувенеля к европейским державам) заявил, что Россия согласна на созыв европейской комиссии и подписание конвенции по сирийскому вопросу.

Однако, писал далее Горчаков, русский император желает, чтобы в данной конвенции была особая статья, которая бы обязывала державы обеспечить безопасность христиан в пределах всей Османской империи, кроме того эта статья должна определить такие же меры в отношении христиан на Балканах (если там начнутся волнения), какие в настоящее время проводятся в отношении Сирии [82].

[79] Письмо Горчакова Киселеву 7.VII.1860, — там же, д. 152, л. 156.
[80] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 206.
[81] Донесение Бруннова Горчакову 1(13).I.1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 88, л. 12.
[82] Телеграмма Горчакова Киселеву 8.VII.1860, — там же, д. 153, л. 192.

Эта статья, по мнению Горчакова, расширяла рамки сирийского вопроса до проблемы положения христианского населения всей Османской империи. 13 июля Киселев сообщил французскому правительству, что он имеет разрешение на подписание конвенции. Русская дипломатия открыто порицала тактику лондонского кабинета, тормозившего решение вопроса об экспедиции. Киселев писал Горчакову: Англия «не желает вмешиваться в события, которые она сама провоцирует, что парализует общие действия кабинетов по принятию необходимых мер для того, чтобы прекратить волнующие сцены, театром которых сейчас является Сирия» [83]. Киселев отмечал, что Англия лишь на словах согласилась с необходимостью европейского вмешательства в дела Сирии, но делает все возможное, чтобы помешать Франции действовать в пользу сирийских христиан. Русский дипломат делал вывод, что ухудшение англо-французских отношений создает благоприятные условия для тесного контакта между Россией и Францией [84].

О стремлении русского правительства к сотрудничеству с Францией свидетельствовала также инструкция, данная контр-адмиралу Ф. Д. Нордману, прибывшему во главе русской военной эскадры в Бейрут в июле 1860 г. Ему предписывалось согласовывать свои действия не только с русским консулом в Бейруте, но и с французским адмиралом, возглавлявшим французские военно-морские силы у берегов Сирии. В случае открытия военных действий Нордману предлагалось присоединиться к французам. Те же указания получил заменивший вскоре Нордмана капитан 1-го ранга Шестаков [85].

Русская правительственная пресса отнеслась к предложению о вмешательстве в сирийские дела весьма сочувственно.

Отражая планы царского правительства, официозный орган «Русский инвалид» говорил о необходимости высадки на берегах Малой Азии экспедиционного корпуса, состоящего из войск европейских стран [86]. Газета призывала европейские державы не ограничиваться обсуждением положения христиан Сирии, а подумать и «о новом устройстве христиан европейской Турции» [87].

Одобряя экспедицию в Сирию, русская печать вместе с тем проявляла известную подозрительность к замыслам французского правительства на Востоке. В этом отношении ха-

[83] Донесение Киселева Горчакову 10(22).VII.1860, — там же, д. 160, л. 196.
[84] Донесение Киселева Горчакову 13(25).VII.1860, — там же, д. 150, л. 517.
[85] Телеграмма Горчакова Киселеву 10.VII.1860, — там же, д. 153, л. 200.
[86] См. «Русский инвалид», 10.VII.1860.
[87] Там же, 11.VIII.1860.

рактерна позиция «Русского вестника», который не раз выступал с заявлениями, что «властолюбие Франции на Востоке должно быть упрощено Европой». Автор статьи считал важным, чтобы Франция в Сирии действовала не от своего имени, а в силу полномочий держав, подписавших Парижский трактат 1856 г. [88]. В этой установке органа русских господствующих классов нашли отражение русско-французские противоречия в восточном вопросе.

В целом позиция России сыграла большую роль в деле созыва конференции послов в Париже для обсуждения сирийской проблемы. Решительная поддержка русского правительства Франции заставила Англию, а вслед за ней Австрию и Пруссию дать свое согласие на созыв этой конференции. Видя, как активно Россия поддерживает Францию, Пальмерстон и Рассел могли допустить возможность, что парижский кабинет обойдется без согласия британского правительства, решится на посылку своих войск в Сирию. В этом случае Англия оказалась бы в невыгодном положении, так как не смогла бы ограничить рамки экспедиции или связать Францию определенными обязательствами. Другим фактором, определившим созыв конференции, явились поступившие в середине июля сообщения о резне христиан в Дамаске. Английское правительство не могло более ссылаться на то, что мир между друзами и маронитами заключен и спокойствие установлено.

Выступая на заседании парламента 23 июля, Рассел сказал: «Пришли новые сведения о кровопролитиях, и мы не можем более противиться отправке войск в Сирию» [89].

Итак, санкция держав на созыв конференции была получена. Французское правительство поспешило уже 22 июля объявить в «Монитере» о том, что державы согласны послать экспедиционный корпус для защиты сирийских христиан. При этом утверждалось, что больше, чем наполовину корпус будет состоять из французских солдат [90].

* * *

Готовясь к открытию конференции, Тувенель надеялся на успех. Он полагал, что английский представитель не получит поддержки большинства ее участников. Основную ставку Тувенель делал на Россию, заинтересованную в сближении с Францией. Зная о большом влиянии Александра II на берлинский кабинет, Тувенель надеялся, что Россия привлечет на франко-русскую сторону также Пруссию [91]. Кроме того,

[88] «Восточный вопрос», стр. 81.
[89] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 160, p. 14.
[90] «Le Moniteur», 22.VII.1860.
[91] F. Charles-Roux, *Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III*, p. 297.

французское правительство рассчитывало воспользоваться крайне тяжелым финансовым положением Порты. Последнее обстоятельство усиливало ее зависимость от европейских и прежде всего от французских банкиров. В 1860 г. турецкая казна была совершенно пуста. 25 июля 1860 г. французский посол Лавалетт писал из Константинополя, что если Франция не окажет султану в ближайшие дни денежной помощи, то он будет вынужден объявить себя государственным банкротом. Французские банкиры немедленно предоставили Турции заем, равный 50 млн. пиастров (20 млн. фр.) [92].

Благоприятным для французской дипломатии было также то обстоятельство, что широкое общественное мнение Европы, сочувствуя пострадавшим христианам, было настроено против Турции и противники вмешательства не могли не считаться с этим.

Конференция для обсуждения сирийского вопроса открылась в Париже 26 июля 1860 г. В ее работе приняли участие представители пяти европейских держав, подписавших договор 1856 г. (Англия, Франция, Россия, Пруссия, Австрия) и представитель Турции. Не была приглашена на конференцию Сардиния, хотя она также являлась участницей конгресса 1856 г. Надо сказать, что для Франции присутствие сардинского делегата на конференции было бы весьма желательным, так как Тувенель мог рассчитывать на его поддержку [93]. Однако Тувенель под нажимом венского кабинета, все еще отказывавшегося признавать Сардинское королевство равноправной державой, вынужден был отклонить просьбу Виктора Эммануила II об участии в Парижской конференции.

Сардинскому королю было отказано под тем предлогом, что Сардиния не участвовала в выработке ливанского регламента 1845 г. [94]. Последовавший протест туринского кабинета был оставлен без внимания.

На конференции Францию представлял министр иностранных дел Тувенель, другие страны представляли послы, аккредитованные в Париже: Англию — Каули, Россию — Киселев, Австрию — Меттерних, Пруссию — Рейсс (временный поверенный в делах), Турцию — Ахмед Вефик.

С открытием Парижской конференции дипломатическая борьба европейских держав вокруг сирийского вопроса еще более обострилась.

Французское правительство продолжало свою политику лавирования между Россией и Англией. Прежде всего Тувенель возобновил переговоры о русско-французском сближении [95]. Конечно, не без его указания французские газеты приняли тон весьма благожелательный в отношении России и заговорили о союзе с ней. Киселев это тотчас заметил и поспешил сообщить в Петербург [96]. В августе 1860 г. в Париже появилась брошюра, которая называлась «Франция и восточный вопрос» [97]. Она была издана Дантю, публиковавшим полуофициальные статьи французского правительства. Брошюра привлекла внимание К. Маркса, который подробно рассмотрел ее в своем международном обозрении.

К. Маркс, анализируя эту брошюру, высказал предположение о возможности создания русско-французского союза. Можно указать и на ряд других появившихся в то время в Париже брошюр, в которых говорилось, что наступил час раздела Османской империи [98].

Разговоры о подобных проектах имели целью заинтересовать Россию туманными обещаниями пересмотра Парижского трактата.

Заигрывая с петербургским кабинетом и вновь внушая ему мысль о возможности заключения франко-русского соглашения, правительство Наполеона III в то же время убеждало Англию в своей верности союзу с ней. Французская дипломатия упорно добивалась согласия Англии на посылку французских войск в Сирию. Незадолго до открытия конференции Нигра писал Кавуру, что в сирийском вопросе, который «очень занимает императора», Наполеон III больше всего «хочет добиться соглашения с Англией» [99]. Между тем английская дипломатия, согласившись на созыв Парижской конференции, пыталась как можно дольше затянуть ход ее работы. Когда (по сообщению русского посла Бруннова) Тувенель прислал свой проект конвенции относительно Сирийской экспедиции в Лондон, Рассел нашел, что Франция слишком торопится. Порте надо дать время, сказал он, чтобы доказать эффективность ее собственных военных усилий [100].

На английский кабинет производила неприятное впечатление та быстрота, с какой во Франции осуществлялась подготовка экспедиции. Бруннов доносил, что Англия сделает все,

---

[92] «Il Carteggio Cavour Nigra...», t. IV, p. 104.
[93] Fleury, *Souvenir de general c-te Fleury*, t. II, p. 215.
[94] «Correspondence...», pt I, p. 49.

[95] См. донесения Киселева Горчакову июль—август 1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, лл. 539, 592.
[96] Донесение Киселева Горчакову 26.VII (7.VIII).1860, — там же, л. 539.
[97] E. Dantu, *La France dans la question d'Orient*.
[98] «Неуе Пруссише цейтунг» сообщала летом 1860 г., что во Франции политические брошюры о восточном вопросе «растут как грибы» и приводила названия некоторых из них: «Абд аль-Кадер — король арабов», «Новая фаза в восточном вопросе» и др. (см. «Neue Preußische Zeitung», 22.VII.1860).
[99] «Il Carteggio Cavour Nigra...», t. IV, p. 113.
[100] Телеграмма Горчакова Киселеву 10.VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 153, л. 197.

чтобы помешать экспедиции или хотя бы отсрочить ее на некоторое время [101].

Английское правительство весьма заботил вопрос о продолжительности экспедиции. Бруннов писал, что Англия не может допустить, чтобы оккупация Сирии была длительной, чтобы в Сирии, так же как и в Риме [102], французские войска стояли свыше десяти лет [103].

Кроме того, лондонский кабинет считал необходимым, чтобы командующий экспедиционным корпусом согласовывал свои действия с Фуад-пашой. Французское правительство возражало против этого пункта и отстаивало право на полную самостоятельность командующего французским корпусом. «Мы не можем, — писал Тувенель в Лондон, — подчинить высадку наших войск предварительному приглашению Фуад-паши. Нам не пристало согласовывать движение наших войск с комиссаром Порты и некоторым образом ставить их под его командование... Наш командующий должен сохранять всю свободу действий, которая вытекает из ответственности, взятой на себя... это связано с честью нашей армии» [104].

Сообщая Тувенелю о специальном совещании английского правительства, посвященном сирийскому вопросу (25 июля), французский посол в Лондоне писал, что Англия соглашалась на отправку европейских войск в Сирию только на трех условиях:

1) европейские войска могут быть введены лишь по просьбе турецкого правительства;

2) будет заключена конвенция, санкционирующая экспедицию;

3) оккупация Сирии не должна продолжаться более шести месяцев.

Усилия французской дипломатии были направлены на то, чтобы ускорить разработку конвенции. Кроме того, она добивалась, чтобы количество войск, посылаемых в Сирию, и срок их пребывания там не были зафиксированы в конвенции. В период подготовки Парижской конференции французские газеты усиленно обсуждали вопрос, будет ли Франция действовать в Сирии одна или туда будут посланы войска и других государств. «Смысл почти всех статей французских газет, что Франция должна действовать одна, отдельно от Европы», — говорилось в обзорной статье журнала «Русский вестник» в августе 1860 г. То же желание, чтобы «Франция

[101] См. Донесение Бруннова Горчакову 12(24).VII.1860, — там же, д. 107, л. 27.

[102] В Риме французские войска находились с 1849 г.

[103] Донесение Бруннова Горчакову 12(24).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 107, л. 27.

[104] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 211.

действовала сама», высказывалось и в Законодательном корпусе [105].

Англия не могла согласиться с такой постановкой вопроса.

Как упоминалось, английское правительство с самого начала решило воздержаться от участия в экспедиции. Оно не хотело посылать свои вооруженные силы против друзов; это грозило потерей доверия у друзских шейхов, которым английское правительство весьма дорожило. Кроме того, лондонскому кабинету было выгодно, чтобы в случае неуспеха экспедиции (а для этого английской дипломатией делалось немало) вся вина пала бы на Францию. Выступая в парламенте, Рассел прямо говорил, что «будет значительно лучше, если одна держава понесет всю ответственность за действия своих войск» [106]. Отказавшись от участия в экспедиции, Англия добивалась, чтобы Франция выступала в Сирии от имени всей Европы. Это должно было ограничивать круг деятельности французского командования.

Австрия также отказалась направить свои войска в Сирию. В этом вопросе ею руководило не только стремление всемерно сузить размеры экспедиции, но и опасение, что австрийские войска будут использованы в интересах Наполеона III. По словам Бруннова, Австрия воздержалась от посылки своих войск на Восток (в отличие от того, как она поступила в 1840 г.), потому что «не была намерена действовать в видах Франции» [107].

Большое значение для Франции имел вопрос о численности экспедиционного корпуса. Газеты сообщали, что французское правительство не ограничится посылкой в Сирию 3—4 тыс. человек, а предполагает туда отправить не менее 20 тыс. солдат [108].

Авторитетная французская газета «Конститюсионель», обсуждая вопрос о Сирийской экспедиции, заявляла, что речь идет о том, чтобы сначала отправить 15 тыс. человек из Тулона, а затем послать войска, расквартированные в Шалонском лагере [109].

Исходя из этих данных можно заключить, что Франция рассчитывала отправить в Сирию не менее 15 тыс. человек. Но и в этом вопросе она столкнулась с серьезным сопротивлением западноевропейских держав.

Обратимся к изложению хода Парижской конференции.

[105] «Восточный вопрос», стр. 97.

[106] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 160, p. 1131.

[107] Донесение Бруннова Горчакову 12(24).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», 1860, д. 107, л. 21.

[108] «Neue Preußische Zeitung», 21.VII.1860.

[109] Цит. по «Neue Preußische Zeitung», 24.VII.1860.

На первом совещании, состоявшемся 26 июля 1860 г., турецкий представитель Ахмед Вефик выступил с предложением отложить конференцию под тем предлогом, что он еще не получил полномочий на участие в ней [110]. Не оказалось у него полномочий и на втором совещании, которое состоялось 28 июля. Благодаря энергичной поддержке турецкого посла лордом Каули заседание пришлось отложить вторично [111]. Турецкий представитель, очевидно, получил от своего правительства директиву затягивать работу конференции. Турция все еще надеялась сама урегулировать друзско-маронитский конфликт.

Русская печать, порицая стремление английской дипломатии оттянуть подписание конвенции по сирийским делам, замечала, что Англия «играет роль, гибельную для спокойствия Европы» [112], и подчеркивала, что «Турция участвовала на парижских совещаниях, опираясь на Англию» [113].

Лишь на третьем совещании, 30 июля, послы приступили к обсуждению статей протокола, проект которого был зачитан Тувенелем [114]. Киселев предложил включить в конвенцию (разработанную им ранее) секретную статью о том, что державы берут на себя обязательство обеспечить положение христиан в пределах всей Османской империи. Текст этой статьи был таков: «Если беспорядки, подобно тем, которые происходят в Сирии, распространятся на другие части Турецкой империи, державы в согласии с Портой договорятся о мерах, соответствующих тем, которые были приняты данной конвенцией» [115]. Киселев настоятельно требовал принятия этой статьи, заявляя, что только при этом условии он сможет поставить под протоколом свою подпись. Предложение Киселева о секретной статье было встречено в штыки английским и турецким представителями. Каули и Ахмед Вефик демонстративно покинули зал, когда русский посол выдвинул статью на обсуждение [116]. Лондон ни в коем случае не хотел допустить вмешательства России в дела балканских славян. Рассказывая о большой нервозности английского министерства иностранных дел в период работы конференции, Бруннов

[110] Донесение Киселева Горчакову 17(29).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 219.

[111] Донесение Киселева Горчакову 19(31).VII.1860, — там же, л. 235.

[112] «Русский инвалид», 3.IX.1860.

[113] «Политическое обозрение», — «Отечественные записки», т. CXXXI, 1860, август, стр. 67.

[114] Донесение Киселева Горчакову 19(31).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 235.

[115] Секретная телеграмма Киселева 16(28).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 636.

[116] См. F. Revertera, *Erinnerungen eines Diplomaten in St.-Peterburg*, Bd I, S. 268.

писал, что Англия стремится «локализовать экспедицию Сирией», чтобы она не стала прецедентом для интервенции европейских армий в Болгарию, Боснию и Герцеговину при первом же конфликте между христианами и турками [117]. Формально свое отрицательное отношение к русскому предложению английский и турецкий дипломаты аргументировали тем, что цель конференции — обсуждение сирийских дел. Принятие же подобной статьи может спровоцировать выступление христиан в других частях империи [118].

Одновременно с усилиями Киселева в Париже склонить державы на принятие секретной статьи русские дипломаты вели переговоры в том же направлении в Вене и Берлине. По свидетельству австрийского дипломата Ревертера, венский кабинет отнесся благосклонно к предложению России. К. Меттерних получил указание дать согласие на включение статьи, *если на нее согласятся другие державы* [119] (курсив наш. — *М. П.*). Прусский посол в Петербурге Бисмарк убеждал своего министра иностранных дел «удовлетворить русские притязания» [120]. Киселев об этом знал и до последнего момента не терял надежды на успех [121].

Однако французская дипломатия не оказала России ожидаемой поддержки. Тувенель обрушился с упреками на русское правительство, которое якобы чинит препятствия принятию согласованных действий держав и тормозит организацию Сирийской экспедиции [122]. Однако, не желая оттолкнуть от себя Россию, Тувенель вместо секретной статьи предложил принять второй протокол, в котором бы предусматривались административные меры в защиту христианского населения Турции [123]. Опасаясь, что в случае дальнейшего сопротивления «Россия останется вне европейских соглашений по восточному вопросу» [124], Киселев предложил Горчакову принять компромиссное предложение французского правительства.

В Петербурге поняли, что «втиснуть восточный вопрос в лимиты Сирии оказалось невозможным», и согласились с точкой зрения Киселева [125]. Теперь Тувенелю оставалось добиться

[117] Донесение Бруннова Горчакову 19(31).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 107, л. 33.

[118] Донесение Киселева Горчакову 21.VII(2.VIII).1860, — там же, д. 150, л. 251.

[119] F. Revertera, *Erinnerungen eines Diplomaten in St.-Peterburg*, Bd I, S. 268.

[120] «Bismarks Briefwechel...», S. 83.

[121] Донесение Киселева Горчакову 21.VII(2.VIII).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 251.

[122] Донесение Киселева Горчакову 20.VII(1.VIII).1860, — там же, л. 533.

[123] Телеграмма Киселева 20.VII(1.VIII).1860, — там же, л. 643.

[124] Телеграмма Киселева 19(31).VII.1860, — там же, л. 641.

[125] Письмо Горчакова Киселеву 22.VII(3.VIII).1860, — там же, л. 312.

главного — получить согласие Англии на подписание конвенции. Для этого Наполеону III необходимо было сгладить остроту англо-французских противоречий, подчеркнуть свою верность союзу с Англией и успокоить ее относительно французских намерений на Востоке. И вот в разгар парижских переговоров Наполеон III совершает маневр. 29 июля он посылает французскому послу в Лондоне Персиньи открытое письмо, в котором уполномочивает последнего «откровенно и просто объясниться с Пальмерстоном», чтобы ликвидировать всякую почву для недоразумений. Наполеон говорил о своем желании «открыть новую эру мира и сохранять наилучшие отношения со всеми своими соседями и особенно с Англией» и утверждал, что Францию несправедливо упрекают в стремлении к расширению границ и усилению вооружений. Он заявлял, что сухопутные и морские силы не достигли угрожающих размеров, как это пытаются доказать некоторые английские государственные деятели. Что касается Сирийской экспедиции, говорилось далее в письме, то она вызывается исключительно интересами человечности и международными обязательствами. В заключение Наполеон III лицемерно писал: «Я очень бы не хотел быть вынужденным предпринимать Сирийскую экспедицию, и во всяком случае не предпринимать ее один; во-первых, потому, что она связана с большими расходами, во-вторых, я опасаюсь, что эта интервенция вновь поставит восточный вопрос на повестку дня» [126].

Цель, которую преследовало французское правительство, публикуя письмо, была достигнута лишь частично. Правда, газета «Монинг пост» писала: «Дружеские слова всегда должны быть услышаны, если они произносятся соседом... В Лондоне получено письмо, которое должно быть радушно принято каждым англичанином» [127]. Но выступления депутатов в парламенте сохраняли антифранцузскую направленность, «искренность письма» Наполеона III подвергалась большому сомнению [128].

С ответом французскому императору анлийский премьер-министр не торопился [129]. Однако Пальмерстон сделал вид, что поверил миролюбивым заверениям Наполеона III. В парламенте 2 августа он заявил, что «мирные отношения, существующие в настоящее время между Англией и Францией, не будут прерваны» [130]. В конечном счете Англия, несмотря на крайнее нежелание допустить вмешательство Франции в дела Османской империи, согласилась на организацию Сирийской экспедиции. В политике Пальмерстона взяла верх установка на сохранение дружественных отношений с Францией, тем более что последняя проявляла готовность к компромиссу. Согласие лондонского кабинета на подписание протокола, по словам Киселева, сразу «повысило в Париже баланс в пользу Англии» [131].

После этого Турции ничего не оставалось, как также дать указание своему послу подписать конвенцию [132]. В результате парижских совещаний 3 августа 1860 г. было подписано два протокола.

Первый документ представлял собой соглашение держав относительно оккупации Сирии европейскими войсками [133]. В его преамбуле говорилось, что султан, «желая остановить быстрыми и действенными мерами кровопролитие в Сирии» и обеспечить мир среди населения его империи, «принял активное к тому содействие» правительств Англии, Франции, Пруссии, Австрии и России. Протокол состоял из шести статей.

В статье I говорилось, что в Сирию для восстановления спокойствия будет направлен экспедиционный корпус, численность которого не должна превышать 12 тыс. человек.

В статье II указывалось, что Франция выставит 6 тыс. солдат. (Это число было значительно меньше того, которое намеревалось послать в Сирию французское правительство).

Статья III обязывала главнокомандующего экспедицией в Сирии войти в сношения с чрезвычайным комиссаром Порты, «дабы согласовать с ним все требуемые обстоятельствами меры и выбрать позиции, которые нужно будет занять для выполнения цели настоящего акта». (Это условие, выдвинутое совместно Англией и Турцией, ставило корпус французских войск под контроль Фуад-паши и оставляло последнему полную свободу действий).

Статья IV обусловливала содержание пятью западноевропейскими державами «достаточных морских сил на сирийском побережье». (Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в отличие от численности войск количество кораблей, посылаемых в Сирию, не было ограничено, так же как не был указан срок их пребывания у сирийских берегов.

---

[126] «Archives diplomatiques...», t. I, p. 98.
[127] Цит. по «The Times», 31.VII.1860.
[128] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 160, pp. 21, 22.
[129] Свое мнение о дальнейшей судьбе англо-французских отношений Пальмерстон изложил в депеше к Каули (для передачи Тувенелю) только 2 ноября 1860 г. Пальмерстон предупреждал французское правительство, что мир может быть сохранен только в том случае, если император откажется от своих агрессивных замыслов как на Западе, так и на Востоке, что Англия не потерпит возрождения европейской гегемонии Франции времен Первой империи (См. A.-E. Ashley, *The life of H.-J. Temple...*, vol. II, p. 197).
[130] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 160, p. 486.
[131] Донесение Киселева Горчакову 20.VII(1.VIII).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 533.
[132] «Recueil des traiés de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 99.
[133] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, pp. 212, 213.

Эта статья была выгодна для Англии, ибо, обладая самым мощным флотом, она могла послать больше судов, чем другие державы, и тем самым оказывать давление на события).

Согласно V статье, продолжительность оккупации Сирии европейскими войсками не должна превышать шести месяцев.

В VI статье Порта обязывалась, «поскольку это будет от нее зависеть», обеспечить продовольствием и снабжением экспедиционный корпус. Такая неопределенная формулировка была принята по настоянию Англии. Английское правительство не желало, чтобы финансирование и снабжение французского корпуса производись за счет Турции. По этому поводу Бруннов писал Горчакову: «Английское правительство чрезвычайно озабочено, чтобы издержки экспедиции не легли на султана, и оно считает, раз инициатива исходит от Франции, Наполеон III должен сам оплачивать все расходы» [134]. Англия не хотела, чтобы французская экспедиция в Сирию еще более усилила финансовую зависимость Турции от парижских банкиров.

В конце протоколов было записано заявление представителя Пруссии о том, что в связи с состоянием военно-морских сил его правительство не может в настоящее время выполнить IV статью настоящего протокола [135].

Во втором протоколе говорилось, что «следует одобрить серьезные административные меры для улучшения судеб христианского населения Оттоманской Порты».

Однако этот документ практического значения не имел. И все же Киселев был удовлетворен тем, что «выступление России в пользу христиан, находящихся под мусульманским господством, снова получило международную санкцию» [136].

Протокол 3 августа относительно европейской оккупации Сирии был месяц спустя оформлен в виде конвенции. Конвенция была подписана 5 сентября 1860 г. всеми участниками парижских совещаний. Никаких существенных изменений в протокол конвенция не вносила, не считая включения VII статьи, в которой говорилось, что конвенция будет ратифицирована и ратификационные грамоты будут разменены в Париже в пятинедельный срок [137].

С выработкой протокола 3 августа 1860 г. закончился первый этап дипломатической борьбы европейских держав по сирийскому вопросу. Французская дипломатия в это время проявила исключительную активность. «Тувенель, — сообщал Киселев, — употребил огромные усилия, чтобы привести всех к соглашению и добиться подписания документов, выработанных в Париже» [138].

Следовательно, на данном этапе Франция одержала известную победу. Помешать отправке французских войск в Сирию Англия не сумела. Надо отметить, что международное положение Франции в 1860 г. было значительно лучше, чем в период египетского кризиса 1840 г. Если в 1840 г. Франция находилась в состоянии дипломатической изоляции, то в 1860 г. она сумела привлечь на свою сторону Россию. Успеху французской дипломатии на Парижской конференции немало способствовала ее тактика лавирования между Англией и Россией.

Однако протокол 3 августа вызвал критику со стороны господствующих классов Франции. Журнал «Ревю де де Монд» — один из вдохновителей Сирийской экспедиции — иронически высказывался относительно той части документа, где формулировалась официальная цель отправки европейских войск. Указывая на слова о том, что целью экспедиции является восстановление авторитета султана и оказание ему помощи в наведении порядка, французский журналист замечал, что «весьма трудно восстановить то, что в действительности никогда не существовало» [139].

Католический журнал «Монд» высказывался еще резче: «Протокол, внушенный эгоистической политикой Пальмерстона, сильно ограничивает свободу наших действий. В этом протоколе все придумано так, чтобы сколько возможно затруднить и сделать бесполезным наше вмешательство» [140].

Следовательно, французская буржуазия полагала, что правительство Наполеона III не сумело достаточно твердо отстоять ее интересы. Главная вина за это, разумеется, возлагалась на Англию.

В Англии результаты Парижской конференции также не вызвали одобрения. Больше того, в палате лордов 6 августа лорд Шефтсбери высказал сомнение в правильности политики английского кабинета, давшего свое согласие на экспедицию. Говоря об активности французской политики на Востоке в последние годы, он заявил, что «все то влияние Англии, которое было установлено Стрэдфордом-Рэдклиффом в Оттоманской империи, может быть в настоящий момент утрачено» [141].

---

[134] Донесение Бруннова Горчакову 12(24).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 107, л. 27.

[135] Речь шла о невозможности послать флот к берегам Сирии.

[136] Донесение Киселева Горчакову 23.VII(4.VIII).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 275.

[137] См. «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 21, также ср. Ф. Мартенс, *Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*, т. XV, стр. 383—386.

[138] Телеграмма Киселева 19(31).VII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 641.

[139] X. Raymond, *La Syrie et la question d'Orient*, p. 416.

[140] Цит. по «Московские ведомости», 7.X.1860.

[141] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 160, p. 290.

Как уже говорилось, некоторая часть депутатов парламента порицала Пальмерстона и Рассела за их решение воздержаться от участия в Сирийской экспедиции.

Недовольство и в Англии и во Франции результатами Парижской конференции указывало на то, что протокол 3 августа являлся компромиссом, не удовлетворившим в конечном итоге ни одну из сторон.

И все-таки Англии удалось связать французское военное командование в Сирии весьма обременительными условиями. Анализируя итоги Парижской конференции, «Отечественные записки» писали, что Англия «одержала верх», ограничив число солдат и срок их пребывания в Сирии шестью месяцами... ибо 6 тыс. солдат недостаточно, чтобы «утвердить за Францией первенствующее влияние на мусульманском Востоке». Если эти условия останутся в силе, говорилось дальше в этой статье, то французская экспедиция будет иметь «только временное влияние на положение дел в Сирии» [142].

Ограничения, навязанные Франции западноевропейскими державами под нажимом Англии, повлекли за собой крах надежд на длительную оккупацию Сирии. На что же рассчитывало французское командование, начиная экспедицию при таких не совсем благоприятных обстоятельствах? Нельзя согласиться с мнением профранцузски настроенного ливанского историка М. Жуплена, который писал, что Франция приняла тяжелые английские условия и приступила к экспедиции, «стремясь только к помощи христианам» [143]. Правительство Наполеона III несомненно надеялось на то, что количество войск и срок оккупации в дальнейшем можно будет увеличить. Уже в ходе работ конференции французские газеты подняли кампанию за увеличение экспедиционного корпуса.

В иностранной печати высказывались сомнения относительно того, что французское командование подчинит свои действия указаниям Фуад-паши. «Трудно поверить тому,— писал один немецкий журналист, — что французские генералы будут согласовывать свои действия с турецким комиссаром. Англия осложнила Наполеону III Сирийскую экспедицию, но есть все основания полагать, что эти трудности будут преодолены» [144]. Одобрявший экспедицию «Русский инвалид» писал: «Будущие события распорядятся, может быть, этими пунктами (протокола 3 августа.— *М. П.*) гораздо лучше, нежели сами, написавшие их». При этом высказывалось пожелание, чтобы Франция этих пунктов не придерживалась [145].

[142] «Политическое обозрение», — «Отечественные записки», t. CXXXI, 1860, август, стр. 67, 68.
[143] M. Jouplain, *La question du Liban*, p. 408.
[144] «Neue Preußische Zeitung», 7.VIII.1860.
[145] «Русский инвалид», 30.VII.1860.

Именно так и рассчитывало поступить французское правительство.

В заключение скажем, как повлияла Парижская конференция на дальнейшую историю франко-русских отношений. Ход конференции и ее неудачный результат для России были болезненно восприняты в Петербурге. Во время парижских переговоров обнаружилось, что обещания Франции поддержать русские интересы на Востоке не были искренними. При обсуждении секретной статьи, предложенной Горчаковым, представитель Франции оказался не на стороне России.

Русскому правительству не удалось реализовать свой план — выступить в защиту турецких христиан, чему оно придавало такое большое значение.

Сильным ударом для русской дипломатии было послание французского императора в Лондон. После его опубликования Киселев с огорчением писал в Петербург: «Если раньше говорили о намечающемся франко-русском союзе, то теперь, после такого дружественного письма Наполеона III к Пальмерстону, никто не верит в возможность существования секретных статей о сотрудничестве» [146].

Горчаков также считал, что письмо французского императора можно рассматривать как отрицательный ответ на русское предложение о союзе [147].

Переговоры о франко-русском сближении, возобновленные в июле Тувенелем, так же как и в весенние месяцы (март-апрель) 1860 г., кончились ничем.

Надежды Горчакова и Киселева на расторжение англо-французского союза оказались тщетными. Правительство Наполеона III, решив не допускать восстановление русских позиций на Востоке, продолжало, таким образом, служить оплотом Парижского договора.

Провал попыток франко-русского соглашения был большим ударом для Горчакова. Прусский посол в Петербурге Бисмарк писал в Берлин, что Горчаков находится в подавленном состоянии. Бисмарк связывал это с тем, что русский министр «не встретил понимания в Париже» [148].

И все же Горчаков в то время еще не вполне отказался от мысли достигнуть сближения с Францией.

Франко-русским переговорам по восточному вопросу предстояло пройти еще одну, последнюю стадию.

[146] Донесение Киселева Горчакову 20.VII(1.VIII).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 225.
[147] Депеша Горчакова Киселеву 29.VII.1860, — там же, д. 153, л. 118.
[148] «Bismarks Briefwechel...», S. 76.

ГЛАВА V

ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИЗАТОРЫ В СИРИИ. ПРОДЛЕНИЕ СРОКА ЭКСПЕДИЦИИ

Высадка экспедиционного корпуса в Бейруте. Карательный поход против друзов. Борьба Франции за продление срока оккупации Сирии. Парижская конференция держав 1861 г.

Военная подготовка Сирийской экспедиции началась во Франции еще до открытия Парижской конференции, которая должна была выработать условия конвенции. 19 июля 1860 г. в Сен-Клу на заседании совета министров была утверждена кандидатура командующего экспедицией. Им был назначен бригадный генерал маркиз Бофор д'Опуль [1]. Генерал Бофор получил указание все свои действия согласовывать с турецким комиссаром Фуад-пашой. Вместе с тем командующему предоставлялась полная свобода действий в отношении всего того, что касалось, как говорилось в инструкции, «чести и безопасности экспедиционного корпуса» [2].

Англичане проявили большую заинтересованность в выяснении полномочий командующего экспедиционным корпусом. Каули даже просил Тувенеля направить копию инструкции в Лондон [3].

Одновременно с назначением Бофор д'Опуля начальником его штаба был утвержден полковник Осмон, который немедленно отплыл в Бейрут.

21 июля французское военное министерство приняло решение направить в Сирию 5-й и 13-й полки, расположенные в

[1] Бофор д'Опуль (в 1860 г. ему было 56 лет) имел немалый военный стаж: в 30-х годах еще в чине капитана генерального штаба он находился на службе в Египте и в качестве адъютанта Сулейман-паши провел с ним всю кампанию против турок, закончившуюся передачей Сирии под управление египетского паши Мухаммеда Али. Затем он служил в колониальных войсках в Алжире и участвовал в итальянской войне 1859 г.

[2] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 215.

[3] «Correspondence...», pt I, p. 39.

Шалонском лагере. К ним должен был присоединиться 16-й батальон стрелков, расквартированный в Тулузе [4].

Поскольку эти мероприятия нельзя было скрыть от Англии, Тувенель 21 июля сам информировал лондонский кабинет о том, что французское военное министерство в ожидании созыва Парижской конференции приводит войска в состояние готовности. Тувенель заявил о желании французского императора отправить экспедиционный корпус в Сирию до подписания конвенции [5].

Однако, опасаясь дипломатических осложнений, французское правительство не решилось на отправку войск. Только после того как 3 августа был подписан протокол, часть корпуса была посажена на корабли в Марселе и Тулоне, которые 6 августа взяли курс на Бейрут.

7 августа из Шалонского лагеря с большой торжественностью была отправлена и остальная часть войск. На смотре войск присутствовал сам Наполеон III, который в своей речи лицемерно заявил: «Вы отправляетесь в Сирию не для завоеваний, а для того чтобы поддержать султана против деспотизма и варварства его подданных... Помните, что вас осеняет французское знамя, уважаемое всей Европой, а позади вас — могущественная держава» [6].

Генерал Бофор в своем обращении к солдатам также заявил, что они отправляются «оказать помощь войскам султана» [7]. Французские газеты тотчас же опубликовали речи Наполеона III и Бофора. Тут же сообщалось о прощальной аудиенции Бофор д'Опуля у императора и особо подчеркивались якобы сказанные Наполеоном III слова о том, что он «будет крайне раздосадован, если экспедиционные войска не вернутся через три месяца во Францию» [8].

Все это говорило о намерении французского правительства успокоить подозрительность Англии и нейтрализовать ее возможные попытки помешать началу экспедиции.

8 августа на военном корабле «Америк» Бофор д'Опуль вместе со своим штабом отплыл из Марселя. Согласно сообщению, опубликованному органом военного министерства «Монитер де л'Арме», экспедиционный корпус состоял из двух полков и двух батальонов пехоты, трех эскадронов кавалерии, трех горных батарей и роты инженерных войск [9].

[4] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861,* p. 10.

[5] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 205.

[6] Донесение Киселева Горчакову 26.VII.(7.VIII).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 150, л. 297.

[7] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861,* p. 17.

[8] «Correspondence...», pt I, p. 39.

[9] Номер этой газеты был послан Киселевым в Петербург в качестве дополнения к его донесению 7 августа 1860 г. (см. АВПР, ф. «Канцелярия», д. 105, л. 297).

Значительную часть корпуса составляли арабы, набранные во французской колонии — Алжире. Использование народа одной покоренной страны для завоевания другой широко применялось правительствами капиталистических стран.

Одновременно с отправкой сухопутных войск к сирийским берегам была послана военно-морская эскадра. В нее входили двухпалубные корабли «Донавер» (под флагом контр-адмирала Жеенна) и «Редутабль» и три корвета — «Зенобия», «Сентинель» и «Эклерер». Контр-адмирал Жеенн, назначенный ее командующим, получил приказ по прибытии в Бейрут установить связь с французским консулом и в случае надобности высадить на берег экипажи судов [10].

Так началась Сирийская экспедиция. 16 августа судно «Америк» бросило якорь восточнее Бейрута. В тот же день первые военные части высадились на земле Леванта [11].

Ко времени прибытия французских войск в Сирию на бейрутском рейде уже стояли европейские и турецкие суда. Английская эскадра состояла из трехпалубного корабля «Мальборн», кораблей «Реноун», «Мельпомена», «Дорис» и одной канонерской лодки. Помимо эскадры, курсировавшей у берегов Сирии, Англия сосредоточила часть своего флота у острова Корфу. Английские корабли стояли там все время, пока экспедиционные войска Франции находились в Сирии.

Русская эскадра состояла из фрегатов «Генерал-Адмирал», «Громобой» и «Олег», пришедших в Средиземное море из Кронштадта. «Генерал-Адмирал» был флагманским кораблем командующего эскадрой капитана 1-го ранга (впоследствии адмирала) И. А. Шестакова. В его распоряжение поступил также фрегат «Илья Муромец» и винтовая шхуна «Туапсе», которая пришла из Константинополя, имея на борту русского представителя в международную комиссию М. Новикова. Несколько позже русская эскадра была пополнена двумя корветами «Сокол» и «Ястреб» [12].

Кроме упомянутых судов в бейрутском порту стояли австрийские фрегат «Радецкий» и корвет «Дандоло», сардинские корабли — «Виктор Эммануил» и «Мальфатано». Турецкий флот был представлен двумя двухпалубными кораблями «Фетия» и «Шанди» [13].

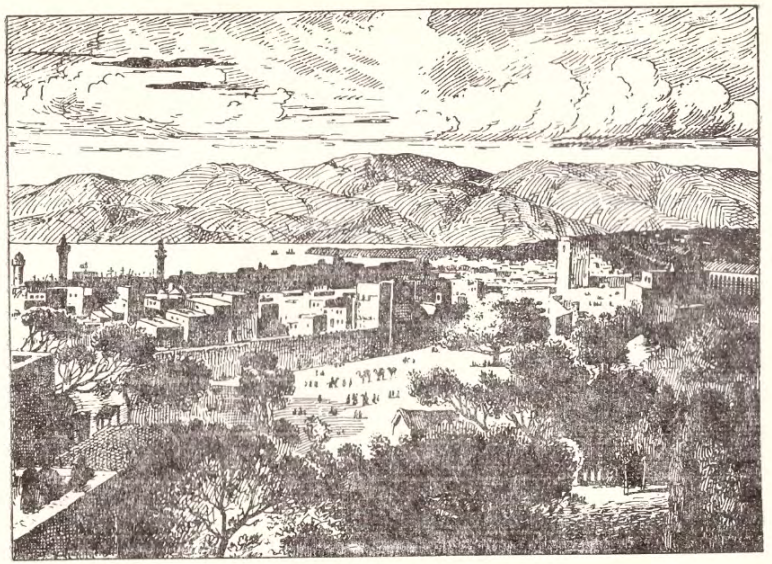
Эти крупные военно-морские силы должны были препятствовать новым попыткам нападения на христиан и помешать

[10] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 197.

[11] «Correspondence...», pt I, p. 82.

[12] Извлечение из отчета за 1860 г. директора инспекторского департамента морского министерства, — ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 5191, лл. 77—79.

[13] Отчет капитана 1-го ранга Шестакова 28.VIII.1860, — там же, ф. 410, оп. 2, д. 2832, лл. 17, 18.

Вид Бейрута, 1860 г.

какой-либо одной из соперничающих на Востоке европейских стран установить свое господство в Сирии.

Французский корпус расположился лагерем в двух километрах от Бейрута, в лесу, вблизи шоссейной дороги, ведущей в Дамаск.

К прибытию французских войск местное население отнеслось по-разному. Мусульманское население и турецкие солдаты встретили французов враждебно. Макеев, русский вице-консул в Дамаске, писал, что известия о возможном занятии европейскими войсками Сирии вызвали тревогу у населения Дамаска. Он указывал, что турецкие власти опасаются нового выступления мусульман, которые враждебно относятся к мерам, принятым европейскими державами [14].

О волнении, охватившем мусульманское население Бейрута в связи с появлением там французских войск, сообщал и русский консул Бегер [15]. После высадки французских войск на улицах Дамаска разбрасывались угрожающие письма к христианам. В одном из них говорилось: «Скажите вашим со-

[14] Донесение Макеева Бегеру 21.VIII.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1303, л. 106.

[15] Донесение Бегера Лобанову 26.VIII (6.IX).1860, — там же, л. 114.

бакам-французам, что они не спасут вас, ибо мы имеем сабли, которые рубят головы, копья, которые пронзают сердца, порох и свинец, которые сокрушают кости. Мы справимся и с ними и со всеми вами» [16]. Аббат Жобэн писал, что высадку первых французских отрядов большие группы друзов наблюдали с мрачным видом, посылая по их адресу брань и угрозы [17].

Опасаясь со стороны турецких войск и населения враждебных выступлений против интервентов, чрезвычайный комиссар Порты Фуад-паша опубликовал специальную прокламацию. В ней говорилось о прибытии европейского «вспомогательного корпуса» как об акте, выполненном с согласия султана, который принял помощь франко-английских войск «в знак доверия своим союзникам». Фуад-паша напоминал, что войска присланы державами, которые в прошлом оказали Турции большую помощь, и призывал сирийцев гостеприимно принять их [18]. Упоминание об участии в экспедиции Англии действительности не соответствовало.

Благодаря принятым мерам высадка французских войск прошла в спокойной обстановке. Лишь мусульманские солдаты отказались перевозить на берег снаряжение французской армии.

В дальнейшем турки и друзы неоднократно демонстрировали свою ненависть по отношению к оккупантам и говорили, что французы пришли в Сирию только для того, чтобы обобрать всех дочиста [19]. В период французской экспедиции между интервентами и мусульманами нередко происходили столкновения. Нападения на французских офицеров производились в Бейруте, Дейр эль-Камаре и других местах. Несмотря на наказания и аресты виновных, нападения не прекращались [20]. Главнокомандующий английской эскадрой был вынужден издать приказ, запрещавший своим офицерам посещать деревни вблизи Бейрута [21].

Что касается маронитов, то к французам они отнеслись иначе.

Вскоре после прибытия генерала Бофора в Бейрут к нему явилась делегация знатных маронитов, среди которых были шейхи из семейств Шихабов и Хазин [22]. Представители этих домов, игравших в прошлом крупную политическую роль, издавна были настроены профранцузски.

[16] «Московские ведомости», 13.IX.1860.
[17] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861,* p. 126.
[18] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 101.
[19] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861,* p. 250.
[20] Ibid.
[21] «Le Journal de Francfort», 10.IX.1860.
[22] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861,* p. 42.

По свидетельству Э. Луэ, казначея экспедиции, французов встретили доброжелательно и более широкие слои христиан-бейрутинцев. Присутствуя при высадке войск, они предлагали свою помощь, чтобы перевезти на берег оружие и багаж [23].

Французские корреспонденты в Сирии много писали о «братских отношениях» между французскими солдатами и местным христианским населением [24]. При оценке этих фактов надо помнить, что в Бейруте проживала состоятельная маронитская верхушка, которая всегда была оплотом французского влияния в Ливане, а в период междоусобной борьбы видела во французской армии свою защитницу. Бедняки города и особенно беженцы из разоренных друзами районов надеялись получить от европейцев материальную помощь. Едва французский корпус расположился лагерем, как его стали осаждать толпы беженцев. Солдаты в ряде случаев снабжали их едой и одеждой.

* * *

Французское командование стремилось быстрее двинуть войска во внутренние районы страны. Это должно было оправдать в глазах мировой общественности необходимость экспедиции, официальной целью которой было положить конец «беспорядкам» и покарать друзов — главных виновников кровопролития.

Уже в конце августа Бофор д'Опуль собирался отдать приказ о выступлении. Однако корпус не был еще полностью укомплектован [25]. Кроме того, Бофор д'Опулю необходимо было согласовать с Фуад-пашой дату выступления. «Французские войска ждут с нетерпением движения, — писал в начале сентября Шестаков в Петербург, — но так как всякое их движение зависит если не от согласия Фуад-паши, то от содействия его, поход ежедневно откладывается» [26]. Генерал Бофор пытался связаться с Фуад-пашой, который находился в это время в Дамаске.

Бофор д'Опуль дважды обращался к Фуад-паше с письмами и, не получив ответа, направил в Дамаск 29 августа своего офицера с сообщением о прибытии французского корпуса. Но офицер не был принят Фуад-пашой. Предложение же Бо-

[23] Ibid., p. 31.
[24] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861,* p. 224.
[25] Только в середине сентября из Алжира прибыли лошади для кавалерийских частей и эскадрон африканских стрелков. С некоторым опозданием в Бейрут прибыл генерал Дюкро, назначенный командующим пехотными частями корпуса (см. «La vie militaire...», t. I, p. 395).
[26] Донесение Шестакова 7.IX.1860, — ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2838, л. 25.

фор д'Опуля о встрече в Дамаске было комиссаром Порты отклонено [27].

Фуад-паша приехал в Бейрут только 10 сентября. 13 сентября у французского консула Бентиволио состоялся парадный обед, на который кроме Фуад-паши и генерала Бофора были приглашены командующий турецкими войсками генерал Исмаил-паша [28], новый правитель Бейрута Ахмед-паша и другие чины турецкой и французской армий. На этом приеме план совместных военных действий против друзов еще не обсуждался [29].

Фуад-паша после своего возвращения в Бейрут готовил судебный процесс над участниками междоусобных столкновений. В связи с этим вопрос о выступлении против друзов отодвигался на второй план.

К моменту прибытия в Сирию генерала Бофор д'Опуля междоусобная борьба в основном прекратилась. Отдельные столкновения, возникавшие между друзами и маронитами, пресекались турецкими властями. Вооруженные отряды друзов уходили из Ливана. По некоторым сведениям, можно предполагать, что первоначально друзы готовились к борьбе с оккупантами. Английские агенты рекомендовали друзам избегать столкновений с французскими войсками. Открытие военных действий между французами и друзами для Англии было нежелательно. Это укрепило бы влияние Франции среди маронитского населения, дало бы основания французскому командованию ставить вопрос о продлении оккупации. Советы англичан были рассчитаны на то, чтобы выбить почву из-под ног командующего экспедицией, помешать Франции добиться военного успеха в Сирии.

Получив заверения от англичан, что пребывание французских войск ограничено коротким сроком, друзы бежали в Хауран, решив отсидеться там до их ухода. Некоторые друзские шейхи прятали свое имущество и награбленную добычу у протестантских миссионеров [30].

Положение, создавшееся в Ливане, срывало планы командования экспедиционного корпуса. Крайне раздражали французское офицерство также действия Фуад-паши, направленные на то, чтобы подольше отсрочить момент выступления войск из Бейрута. «Теперь становится все более и более яс-

[27] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 25.VIII(6.IX).1860,—АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 114.

[28] Исмаил-паша (генерал Кмети) — венгерский генерал на турецкой службе; отличился во время Крымской войны при взятии Карса. В Турции он считался опытным военачальником.

[29] E. Louet, *Expédition de Syrie*, p. 59.

[30] Донесение Новикова Горчакову 16(26).IX.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 46.

ным, — писал казначей экспедиции Луэ, — план Фуад-паши: оставить в бездействии небольшой французский экспедиционный корпус в Сирии или занимать его незначительными делами. В армии эту турецкую тенденцию называют „заговором усыпителей“» [31]. Располагая значительными военными силами, чрезвычайный комиссар Порты захватил инициативу в свои руки. По сведениям современника событий — арабского автора Искандера Абкариуса, турецкое правительство направило в Сирию армию в 16 тыс. человек [32]. Следовательно, турецкая армия более чем вдвое превосходила экспедиционный корпус.

Фуад-паша расположил свои войска в ряде пунктов Горного Ливана и прежде всего в таких пострадавших от междоусобицы селениях, как Хасбайа и Рашайа. Специальные отряды были выделены для охраны европейских предприятий, главным образом французских прядилен [33]. По словам Шестакова, комиссар султана приложил для укрепления турецкой власти в Сирии большие усилия, явно не желая вмешательства французов [34]. Вскоре вся европейская печать заговорила о том, что французские войска уже месяц находятся в Сирии без всяких действий. В сентябре 1860 г. «Отечественные записки» писали: «Французы, занявшие Бейрут, не знают пока, что им делать. Они пришли слишком поздно или слишком рано: это покажут дальнейшие события» [35].

Участвовавшее в экспедиции высшее офицерство начало высказывать недовольство ее ходом и осуждать поведение генерала Бофора. Так, генерал Дюкро упрекал его в слабости, нерешительности, называл его «игрушкой в руках Фуад-паши». Дюкро считал, что командующий мало уделяет внимания военной стороне экспедиции и излишне увлечен политическими интригами. «Здесь очень жалуются, — писал 18 сентября Дюкро, — на генерала, который поглощен политикой и мало занимается войсками» [36]. Действительно, генерал Бофор отнюдь не намерен был ограничиваться военной деятельностью, а стремился принимать активное участие в решении политических проблем. Он вступал в переговоры с различны-

[31] E. Louet, *Expédition de Syrie*, p. 90.

[32] I. Abkarius, *The Lebanon in turmoil*, p. 144. По английским данным, возможно несколько преувеличенным, ибо Англии было важно доказать, что у Порты вполне достаточно войск, чтобы поддерживать спокойствие в стране, Фуад-паша имел 20—25 тыс. солдат («Correspondence...», pt I, p. 323).

[33] «Journal de Francfort», 20, 22.IX.1860.

[34] Донесение Шестакова 28.VIII.1860, — ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2838, л. 19.

[35] «Политическое обозрение», — «Отечественные записки», т. CXXXII, 1860, сентябрь, стр. 66.

[36] «La vie militaire...», t. I, pp. 430, 436.

ми представителями маронитской аристократии. В августе генерал встретился с Юсуфом Карамом, который приехал в Бейрут из своего владения в Ихдене [37]. В руководящих кругах Парижа Карам рассматривался как одна из кандидатур на пост правителя Ливанского эмирата.

Наконец в 20-х числах сентября между генералом Бофором и Фуад-пашой начались переговоры относительно плана военных действий. Фуад-паша первоначально предложил направить французскую армию в Кесруан — северный район, населенный исключительно маронитами и не бывший ареной междоусобной борьбы. Это должно было отвлечь внимание французов от центра разыгравшихся событий и помешать им преследовать друзов [38]. Сам же Фуад-паша предполагал переправить турецкие войска морским путем к Сайде, чтобы, как он говорил, укрепиться там и помешать друзам бежать. Но французское командование этот план отвергло. Генерал Бофор считал, что ему нечего делать в Кесруане и что французские войска должны действовать против друзов совместно с турецкими. Он выразил намерение направиться в районы, где жило друзское население совместно с христианским в направлении Дейр эль-Камара, Бейт ад-Дина и Мухтары. Генерал заявил, что цель движения французского отряда будет состоять в том, чтобы французские войска содействовали возвращению христиан в их прежние жилища. В разговоре с русским комиссаром Новиковым Бофор д'Опуль откровенно сказал, что он стремится изгнать друзов из смешанных районов и провести между друзами и маронитами «новую демаркационную линию» [39]. Это был бы шаг к созданию в Горном Ливане области, населенной маронитами, которые бы стали оплотом французского влияния. В результате переговоров двух командующих было решено, что французские и турецкие войска направятся совместно в Центральный и Южный Ливан, чтобы отрезать друзским отрядам путь отступления в Хауран, захватить и разоружить их. При этом Бофор настаивал на походе французских войск в цитадель мусульманства Сирии — Дамаск. Но турецкое правительство категорически возражало, и в этом вопросе нашло поддержку лондонского кабинета. В своих инструкциях послу в Париже Каули министр иностранных дел Рассел писал: «Желательно, чтобы французский отряд не занимал Дамаска». В том же письме он давала указания довести до сведения Тувенеля его точку зрения [40].

[37] «Journal de Francfort», 7.IX.1860.
[38] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie*, p. 154.
[39] Донесение Новикова Горчакову 8(20).IX.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 42.
[40] «Correspondence...», pt I, p. 58.

Вопрос о Дамаске так и остался открытым.

Военные действия против друзов должны были развиваться по следующему плану. Одна часть турецких войск двигается из Сайды в смешанные районы, другая их часть, расположенная в окрестностях Дамаска, действует в Антиливане. Французские войска выступают из Бейрута в Центральный Ливан и встречаются с турецкими частями в местечке Бейт ад-Дин. Предполагалось, что войска займут ряд пунктов в Горном Ливане, окружат деревни и проведут аресты среди друзов, с тем чтобы захватить наиболее видных организаторов антимаронитского движения [41].

Осуществление этого плана началось довольно быстро. 22 сентября турецкие войска (4 тыс. человек) отплыли в Сайду. Через два дня во главе с Фуад-пашой они выступили из Сайды в Горный Ливан. Не встретив сопротивления друзов, войска Фуад-паши прибыли в Джиззин, а оттуда 26 сентября двинулись дальше по восточному склону Ливана. Часть войск во главе с Исмаил-пашой была отправлена в Мухтару, где был учрежден штаб турецкой армии на время военной экспедиции. Одновременно несколько турецких батальонов вышли из Дамаска и начали продвигаться к Антиливану.

25 сентября французский отряд (2,5 тыс. человек) во главе с генералом Бофором, выйдя из Бейрута, двинулся к Дейр эль-Камару. Вместе с ним из Бейрута выступил другой отряд (около тысячи человек) под командой полковника Аррико. Он имел приказ идти по дамасской дороге с тем, чтобы захватить высоты, имеющие стратегическое значение. Французские кавалерийские части получили предписание направиться к селению Коб-Ильясу, чтобы действовать в долине Бекаа. Вместе с французами из Бейрута вышла большая толпа маронитов. Они стремились вернуться в свои жилища [42].

Известие о том, что французские войска начали поход в глубь страны, вызвало большое волнение среди друзов, которые целыми семьями покидали деревни, направляясь в Хауран. Паника охватила и мусульманское население, опасавшееся репрессий [43]. При приближении французских войск к населенным пунктам друзы покидали свои дома и скрывались. «Французы встречают только детей, стариков и инвалидов» [44],— писал Луэ, сопровождавший отряд в его походе по Ливану. Продвижение французов вплоть до Дейр эль-Камара проходило беспрепятственно. Это обстоятельство не нра-

[41] Донесение Новикова Горчакову 16(28).IX.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 396.
[42] «Le Moniteur», 6.X.1860.
[43] Донесение Бегера Лобанову-Ростовскому 26.VII(7.IX).1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 112.
[44] E. Louet, *Expédition de Syrie*, p. 130.

вилось командованию экспедиции, предпочитавшему вооруженные столкновения, которые можно было бы представить как блестящие победы французского оружия и использовать для укрепления своего военного положения в Сирии. «Враг бежал, — писал офицер, участник похода, — и этот простой факт должен нас очень беспокоить» [45].

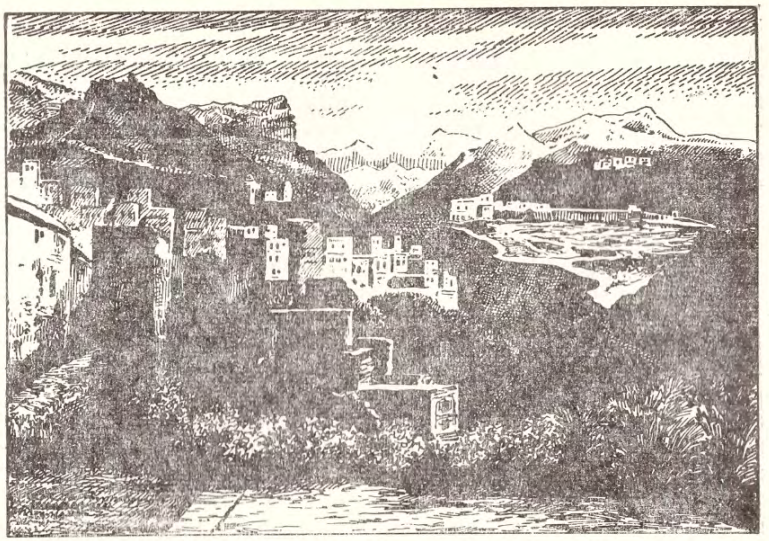
Вечером 26 сентября французский отряд подошел к Дейр эль-Камару, особенно пострадавшему от междоусобной борьбы. Перед солдатами, вступившими в город, открылась страшная картина. Дома были в развалинах. Трупы, лежавшие на улицах и в церквах, никто не убирал, хотя со времени разгрома города прошло около двух месяцев. Утром колонна выступила к Бейт ад-Дину, который когда-то был резиденцией знаменитого эмира Бешира. Большой дворец эмира был теперь пуст. Затем французы спустились в долину Бекаа и в начале октября разбили лагерь в Коб-Ильясе. Сюда же несколькими днями раньше подошел кавалерийский отряд. Бофор д'Опуль решил занять Коб-Ильяс, усматривая в нем хорошую военную позицию, которая господствовала над Бекаа и дорогой Бейрут — Дамаск.

Отсутствие противника продолжало серьезно волновать французского командующего. Он подозревал, что это было связано с тактикой турок. Генерал встретился с Фуад-пашой и попросил у него объяснений. Фуад-паша заявил, что друзы прошли незамеченными мимо турецких военных постов в долине Бекаа и достигли Джебель-Шейха, чтобы укрыться в Хауране [46]. Так оно в действительности и было.

Подобно отряду Фуад-паши, действовал и турецкий отряд, расположившийся в Антиливане, вблизи Хасбайи и Рашайи. Его командование время от времени делало вид, что войска предпринимают походы против друзов. Однако, по свидетельству служащего английского консульства в Дамаске, майора Фразера, турецкие войска не захватили ни одного пленного [47]. Почти все современники событий отмечали полное бездействие турецких войск в преследовании друзских отрядов. Одна лишь газета «Таймс» писала о том, что Фуад-паша «принимает деятельные меры, чтобы предупредить отступление друзов в горы» [48]. Итак, Фуад-паша не только не выполнил свою часть плана, разработанного совместно с командующим французских войск, но и пытался сорвать его.

Более пристально, чем за друзами, наблюдали турки за французскими военными частями. Турецкие солдаты всегда

[45] «Le Nord», 21.X.1860.
[46] «Московские ведомости», 21.X.1860.
[47] «Correspondence...», pt I, p. 187.
[48] «The Times». 1.IX.1860.

Дейр эль-Камар и дворец Бейт ад-Дин, 1860 г.

располагались невдалеке от французского лагеря. «После вступления наших войск в Дейр эль-Камар, — писала газета „Монд", — туда вошли и турецкие войска! Они стремятся поддерживать престиж султана и мешают населению проявлять симпатии к французам» [49]. То же наблюдалось и в других местах. «Фуад-паша только ищет способа, как бы помешать действиям французской армии», — писал корреспондент из Бейрута [50]. Стремясь вызвать симпатии к французам, командование корпуса приказало солдатам помогать маронитам в восстановлении разрушенных домов и хозяйства. Ремонт и постройку жилищ и мастерских финансировало французское правительство. Некоторой части феллахов была роздана грена [51], купленная на французские деньги [52]. Последнее было сделано в интересах владельцев лионских предприятий.

Бонапартистская печать между тем громко превозносила благотворительную деятельность французов. Как и в период подготовки экспедиции, говорилось много слов о ее «человеколюбивых целях» и о том, что пребывание французской ар-

[49] Цит. по: Jobin, *Syrie en 1860 et 1861*, p. 240.
[50] Ibid., p. 237.
[51] Яйца бабочки тутового шелкопряда.
[52] См. M. Emerit, *La crise syrienne et l'éxpansion économique française en 1860*, p. 226.

мии в Сирии — гарантия против новых беспорядков. Однако французское правительство было недовольно ходом экспедиции. Газета «Монитер» прямо ставила вопрос об активизации деятельности экспедиционного корпуса [53]. Генерал Бофор главную причину своей неудачи видел в поведении Фуад-паши. Поняв, что от последнего он ничего не добьется, генерал обратился с письмом в международную комиссию, указывая на полное бездействие турецких войск [54]. Комиссия на своем заседании (9 октября) обсуждала этот вопрос. 10 октября прибыв в Бейрут, генерал Бофор д'Опуль беседовал с французским, русским и прусским комиссарами [55]. Но все это ни к чему не привело. Последнее слово оставалось за Фуад-пашой, а давать ему какие-либо указания относительно военных мер члены комиссии не имели полномочий.

Жалобу на нелояльное поведение Фуад-паши генерал Бофор направил и в Париж. В связи с этим французское правительство сделало специальное представление в Константинополе. В ответ на официальный запрос везира Али-паши по поводу действий турецких войск в Сирии Фуад-паша писал, что он придерживается «пунктов Парижской конвенции». Факт своего содействия друзам комиссар султана полностью отвергал, указывая на то, что он уже арестовал более 1,5 тыс. человек, виновных в избиении христиан. В письме он доказывал правильность руководства действиями турецкого корпуса в Сирии [56].

Все обвинения, выдвинутые генералом Бофором, были Портой отвергнуты и тактика Фуад-паши осталась прежней. В это время французы получили сведения, что большой друзский отряд находится в Абае во дворце шейха из семейства Абу Накид. Когда солдаты прибыли во дворец, оказалось, что предупрежденные турками друзы успели скрыться [57].

16 октября генерал Бофор приехал в турецкую ставку Мухтару, где он рассчитывал снова встретиться с Фуад-пашой. Но его там не оказалось. В это время Фуад-паша срочно отправился в Дамаск в связи с поступившими оттуда тревожными известиями: обстановка в городе накалялась.

Поползли слухи о подготовке нового погрома. В связи с этим бегство христиан из города, начавшееся после июльской резни, усилилось. Весьма обеспокоенный этим, английский комиссар Дафферин требовал от своего агента в Дамаске принять срочные меры, чтобы приостановить поток эмиграции. «Сделайте все, что можете, — писал он, — чтобы положить ко-

[53] «Le Moniteur», 10.X.1860.
[54] M. Jouplain, *La question du Liban,* p. 421.
[55] E. Louet, *Expédition de Syrie,* pp. 126, 130.
[56] «Archives diplomatiques...», t. II, p. 106.
[57] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861,* p. 130.

Дамаск. Мадрасе Адимийа

нец абсурдной панике, которая царит в Дамаске среди христиан, и убеждайте их оставаться в их родном городе» [58]. Беспокойство Дафферина объяснялось тем, что паника могла явиться для французского командования предлогом для ввода своих войск в Дамаск.

[58] Цит. по: Saint-Marc Girardin, *Les voyageurs en Orient,* p. 975.

Действительно, как только французский командующий получил сообщение из Дамаска, он принял решение немедленно направиться туда с отрядом конницы. Узнав об этом, Фуад-паша заверил Бофор д'Опуля, что он сам скоро будет в Бейруте. Поняв, что комиссар султана категорически возражает против занятия французскими войсками Дамаска, Бофор д'Опуль не решился на оккупацию города.

На этом закончился военный поход французского корпуса в 1860 г. Он продолжался около месяца, в течение которого не произошло ни одного столкновения. Выполнить главную задачу похода — разбить вооруженные отряды друзов и отрезать их отступление на Хауран — не удалось. Правда, у Бофор д'Опуля была мысль двинуться в Хауран, но он должен был отказаться от нее как от нереальной. По этому поводу русский посланник в Константинополе Лобанов-Ростовский писал: «Генерал Бофор хотел бы совершить экспедицию в Хауран, чтобы настигнуть там друзов, но 6 тыс. человек, которыми он располагает, из которых $^1/_{10}$ больны, не достаточны для этого»[59]. Для расширения масштабов экспедиции у командующего не хватало войск.

Итак, действия экспедиционного корпуса в Сирии никаких результатов в военном отношении не дали. Французский историк, знаток восточного вопроса Э. Дрио, дает следующую оценку военному походу по Ливану: «Когда французы высадились в Бейруте, им более нечего было делать... Их пригласили сопутствовать турецким войскам в их марше по Горному Ливану, чтобы констатировать полный порядок и чтобы захватить кого-либо из оставшихся виновных»[60]. Возвратившись из безрезультатного похода по Ливану, французские войска в начале ноября расположились на зимние квартиры в Бейруте. Небольшие гарнизоны были оставлены в Бейт ад-Дине и Коб-Ильясе. В течение зимы экспедиционный корпус бездействовал. Французские офицеры совершали экскурсии по Ливану для ознакомления с памятниками старины.

Военно-морские силы европейских держав, находившиеся у сирийских берегов, с осени 1860 г. начали постепенно покидать Бейрут. Пребывание на бейрутском рейде в зимнее время было небезопасно. Французские корабли «Редутабль», «Донавер» и «Сентинель» отправились в итальянские и греческие порты, русские ушли в Александрию, английские — на Мальту. В Бейруте осталось несколько мелких судов. Но

[59] Донесение Лобанова Горчакову 11(23).XI.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 42, л. 772. Условия пребывания в Сирии для французских солдат оказались довольно тяжелыми. Они сильно страдали от жары, достигавшей 50°; в армии начались желудочные заболевания (см. «La vie militaire...», t. I, p. 422).

[60] E. Driault, *La question d'Orient*, p. 196.

периодически в течение зимы французские и особенно английские суда появлялись у берегов Сирии[61].

Во время французской оккупации беспорядок и произвол, царившие в турецкой административной системе, усилились. Между французским командованием и турецкими властями неоднократно возникали раздоры. Турецкие правительственные и военные чиновники, проявляя враждебность к французам, чинили им всевозможные препятствия[62].

По словам Новикова, «двойственность власти» приводила к разногласиям и анархии, которая «обращалась против самих же христиан»[63]. Вмешательство иностранцев во внутреннюю жизнь сирийцев не только не ослабило друзско-маронитскую вражду, но и привело к возобновлению конфликтов.

Что же помешало французскому командованию выполнить возложенную на него миссию? Сами участники экспедиции винили во всем генерала Бофор д'Опуля[64]. Мы не берем на себя задачу оценивать военные способности генерала. Однако нужно иметь в виду, что обстановка, в которой пришлось действовать французским захватчикам, была для них крайне неблагоприятной. Когда войска прибыли в Бейрут, друзско-маронитские столкновения пошли на спад. Для открытия военных действий повода фактически не было. Карательную функцию экспедиция также не могла выполнить, так как вооруженным отрядам друзов удалось отступить в глубь страны. Бофор не располагал достаточными вооруженными силами, чтобы оккупировать всю страну, а на увеличение корпуса пока не приходилось рассчитывать: англичане зорко следили за соблюдением Парижской конвенции. В период французской интервенции Сирия была наводнена английскими агентами, которым удалось проникнуть даже в почти неприступный для европейцев Хауран[65]. С особой энергией действовал комиссар Дафферин, который при помощи подкупа и интриг пытался помешать распространению французского влияния в Сирии[66]. Известную роль в неудаче экспедиции сыграло турецкое правительство, которое направило в Сирию большое количество войск, чтобы парализовать действия оккупантов.

[61] Донесение Шестакова 31.XI.1860, — ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2838, л. 79.

[62] Например, в одном из своих писем в Париж генерал Дюкро с возмущением писал о том, что французам было запрещено организовать свою полицию в Бейруте (см. «La vie militaire...», t. I, p. 430).

[63] Доклад Новикова 15(27).IX.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 395.

[64] «La vie militaire...», t. I, p. 430.

[65] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861*, p. 252.

[66] «La vie militaire...», t. I, p. 426.

* * *

Задолго до официального срока окончания экспедиции (5 марта 1861 г.) парижский кабинет начал готовить почву, чтобы получить согласие держав на продление оккупации Сирии. Свое намерение Франция обосновывала тем, что отзыв войск явится сигналом для возобновления междоусобной борьбы.

Как говорилось выше, несмотря на пребывание французов в Ливане, друзско-маронитские столкновения кое-где еще имели место. По донесениям русского консула Бегера, положение в Сирии оставалось весьма опасным [67]. В октябре, как отмечалось, снова начали поступать тревожные сведения из Дамаска. Правда, вскоре выяснилось, что слухи о возможности повторения там христианского погрома усиленно распространялись французским консулом в Дамаске. Русский консул Макеев доносил, что и сами христиане часто с умыслом сеяли ложные слухи насчет неприязненных действий мусульман, чтобы получить пособие от турецких властей на переселение в Бейрут [68].

Французские агенты в Сирии тщательно собирали материал о всех случаях проявления враждебности к христианам со стороны друзов и турок. Так, в декабре 1860 г. стало известно о новом заговоре в Баальбеке против христиан. Генерал Бофор д'Опуль поставил об этом в известность Фуад-пашу. Последний отдал приказ об аресте 17 человек, среди которых был муфтий Баальбека [69].

В январе 1861 г. французы сообщили о таких фактах, как нападение вооруженного отряда друзов на крестьян вблизи Хасбайи, ограбление каравана христиан, шедшего с грузом из Багдада в Дамаск, и др. [70]. Много писал о новых нападениях друзов на маронитов в своих письмах в Париж член католической конгрегации Сайды иезуит Руссо. «Несмотря на большое количество турецких войск, оккупирующих горы, — писал он в октябре 1860 г., — друзы продолжают чинить насилие над христианами, которые возвращаются к своим разрушенным очагам». Руссо утверждал, что уход французских войск из Сирии будет «несчастием для христиан», и призывал сделать французскую оккупацию Сирии «постоянной» [71].

[67] Донесение Бегера Лобанову 8(20).X.1860, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1308, л. 123.

[68] Донесение Макеева Бегеру 9(21).X.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 194.

[69] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861,* p. 291.

[70] Ibid., pp. 299, 300.

[71] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861,* pp. 227, 228.

Активную кампанию за продление срока экспедиции проводил орган католической церкви «Ами де ла релижион». Он утверждал, что отбытие французских войск из Бейрута «явится сигналом к уничтожению христиан Востока» [72].

Журналист Б. Пужуля писал, что для установления порядка в Сирии недостаточно шести месяцев. Все труды французского правительства, утверждал он, пропадут даром, если войска покинут страну [73].

В декабре 1860 г. в Париже было дано большое театральное представление под названием «Сирийская резня» [74]. По-видимому, пьеса была написана по заказу Наполеона III. Известно, что одним из ее авторов был личный секретарь императора. Присутствие на представлении Наполеона III со всем двором не оставляло сомнений в политическом значении этого события. В пьесе было сказано много слов о человеколюбивой роли Франции, о благородстве ее миссии в Сирии и о крайнем упадке Турции. По мнению «Русской речи», которая дала подробный отчет о спектакле, его главная цель состояла в том, чтобы воздействовать на умы народных масс, не читающих газет [75].

Парижский кабинет начал предпринимать шаги для выяснения возможности продлить срок экспедиции. Как и в период подготовки экспедиции, так и теперь французская дипломатия прежде всего стремилась получить содействие России. Уже в сентябре 1860 г. Тувенель в беседах с Киселевым возобновил обсуждение восточного вопроса. Напомним, как сложились франко-русские отношения после Парижской конференции.

Не получив поддержки от французского правительства в вопросе пересмотра Парижского договора 1856 г., Горчаков попытался привлечь на свою сторону Пруссию и Австрию.

В беседе с Бисмарком, состоявшейся 7 сентября 1860 г., Горчаков осудил тактику Тувенеля и упрекнул его в том, что последний «ищет выгоды в системе балансирования между Россией и Англией». Горчаков заявил также, что он сделает все зависящее, чтобы освободить Россию от «позорных цепей Парижского мира». Бисмарк вынес заключение, что Наполеон III уклонился от обязательств, которые он давал России [76].

Что же заставило Горчакова так откровенно разговаривать с Бисмарком? Может быть, он хотел узнать, не встретит ли в Берлине русская дипломатия больше понимания, чем в

[72] Цит. по «Neue Preußische Zeitung», 23.II.1861.

[73] См. B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie,* pp. 200, 468.

[74] См. «Русский инвалид», 3.I.1861.

[75] «Русская речь», 12.I.1861.

[76] L. Raschdau, *Die politischen Berichte des Fürsten Bismark,* Bd I, S. 158.

Париже? Есть все основания полагать, что это предположение соответствовало действительности. В сентябре 1860 г. Бисмарк писал Шлейницу: «Восток является областью, где для России может проявиться практическая ценность интимных связей обоих родственных дворов» (т. е. русского и прусского. — *М. П.*) [77]. Одновременно Россия делает шаги в сторону сближения с Австрией.

В Петербурге была тепло встречена австрийская военная делегация. Русский двор торжественно отметил день рождения Франца Иосифа. Более того, был организован ряд антифранцузских демонстраций.

Русская дипломатия начала проявлять большую заинтересованность в упрочении союзнических отношений между Австрией и Пруссией. Начиная с июля 1860 г. Горчаков стал настоятельно рекомендовать Пруссии добиваться соглашения с Австрией [78]. Одновременно советы ближе привлечь к себе Пруссию давались в Петербурге и австрийскому послу Тун у [79]. В сентябре 1860 г. европейской дипломатии стало известно, что русский император дал согласие Францу Иосифу встретиться с ним в Варшаве и что на этой встрече будет присутствовать принц-регент Пруссии. Варшавское свидание трех монархов нашло некоторое освещение в исторической литературе [80]. Нас оно интересует лишь в той степени, в какой оно оставило след на истории отношений Франции и России.

Несмотря на заявления Горчакова, сделанные послам в Петербурге, что в Варшаве будет стоять вопрос об установлении взаимопонимания, а не о создании коалиции (как утверждали некоторые западноевропейские газеты), слухи о предстоящем свидании сильно взволновали французское правительство [81].

Охлаждение отношений с Россией нарушало все расчеты Тувенеля, который стоял перед нелегкой задачей добиться согласия Европы на продолжение срока Сирийской экспедиции. И тут ему на помощь снова пришел восточный вопрос.

25 сентября французский посол в Петербурге Монтебелло передал Горчакову меморандум об основах соглашения между Францией и Россией [82]. Первая его часть была посвящена итальянскому вопросу, вторая — касалась Востока. Однако и в этом документе Франция упорно обходила вопрос о пересмотре Парижского трактата. Правда, во время свидания Александра II с Монтебелло этот вопрос, вероятно, обсуждался. Меморандум Александр II должен был во время свидания показать Францу Иосифу. Отныне тема о Востоке опять заняла центральное место в переговорах Тувенеля с Киселевым. Тувенель заявил последнему, что в случае волнений в европейской части Турции Франция не будет возражать против интервенции держав. Россия и Австрия, говорил он, должны обеспечить «безопасность Герцеговины, Боснии и Болгарии» [83]. Иначе говоря, Франция обещала России поддержать ее предложение о предоставлении права вмешательства России в дела христианского населения Балканского полуострова, которого она так упорно добивалась. Кроме того, французское правительство давало туманные обещания относительно заключения франко-русского соглашения, в основе которого будет «заложена идея ревизии договора 1856 г.» [84].

Новые французские авансы делались для того, чтобы гарантировать Вторую империю от австро-русского сближения, которое лишало Тувенеля сильнейшего козыря в его игре.

Из записок Киселева видно, что накануне его отъезда на встречу трех монархов в Варшаву [85] с ним беседовал не только Тувенель, но и занимавший тогда пост председателя Законодательного корпуса Ш. Морни, государственный министр А. Фульд и сам Наполеон III [86].

Варшавское свидание (22—26 октября 1860 г.) не дало России ожидаемых результатов. Попытка Горчакова заручиться поддержкой Австрии и Пруссии в вопросе пересмотра Парижского договора успеха не имела. Прусский министр Шлейниц телеграфировал в Париж Гольцу, что вопрос о Черноморских проливах в Варшаве «подробно не затрагивался» [87]. В частной беседе Франц Иосиф намекнул русским дипломатам, что Австрия дала бы согласие на отмену ограничительных условий Парижского мира в случае содействия

---

[77] «Bismarks Briefwechsel...», S. 65.

[78] L. Raschdau, *Die politischen Berichte des Fürsten Bismark,* Bd I, S. 167.

[79] F. Revertera, *Erinnerungen eines Diplomaten...,* Bd I, S. 267.

[80] См. В. Г. Ревуненков, *Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия,* стр. 75; Б. Э. Нольде, *Петербургская миссия Бисмарка,* стр. 203; F. Charles-Roux, *Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III,* p. 304.

[81] Варшавское свидание вызвало также глубокую тревогу лондонского кабинета. В случае сближения России с немецкими державами Англии грозила изоляция. Английский посол в Вене Лофтус, в частности, всячески старался узнать, как далеко зашли переговоры между Австрией и Россией (см. K. Rheindorf, *Die Schwarze Meer (Pontus)-Frage,* S. 134).

[82] Текст французского меморандума опубликован Ф. Шарль-Ру (см. F. Charles-Roux, *Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III,* p. 299).

[83] Донесение Киселева Горчакову 14(26).X.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 151, л. 37.

[84] Там же, л. 32.

[85] Киселев был приглашен присутствовать на Варшавском свидании вместе с послом в Австрии Балабиным и послом в Пруссии Будбергом.

[86] А. П. Заблоцкий-Десятовский, *Граф П. Д. Киселев и его время,* т. III, стр. 196.

[87] K. Rheindorf, *Die Schwarze Meer (Pontus)-Frage,* S. 34.

России австрийцам в Италии [88]. Но Александр II, не желая порывать с Францией, отклонил предложение Франца Иосифа.

Русского императора не оставляла надежда добиться согласия держав на официальное признание за Россией роли покровительницы христиан Балканского полуострова.

Горчаков в депеше Киселеву 2 ноября 1860 г. предлагал последнему вступить в переговоры с Тувенелем о созыве конференции для обсуждения вопроса о положении христиан европейской части Турции. Одновременно Горчаков уполномочивал посла заверить Тувенеля, что Россия готова согласиться на любое предложение Франции по сирийскому вопросу (о количестве войск, которое она хотела бы дополнительно отправить, и сроке оккупации Сирии) [89]. Когда в декабре 1860 г. Тувенель запросил русское правительство, как оно относится к продлению срока экспедиции, Киселев поспешил ответить, что Россия считает возможным оставить французские войска в Сирии даже в том случае, если против этого будет возражать Англия [90]. Таким образом, благожелательная позиция царского правительства была обеспечена.

В это время (конец 1860 г.— начало 1861 г.) Киселев сохранял еще некоторую надежду на возможность достижения соглашения с Францией. Ему казалось, что соперничество Англии и Франции на Средиземном море, проявившееся так отчетливо в период подготовки Сирийской экспедиции, и упорная борьба Англии против восточной политики Наполеона III приведут в конечном итоге к ликвидации англо-французского союза. Иллюзии Киселева поддерживались весьма интимными беседами, которые продолжали вести с ним представители французской правящей верхушки. Так, в феврале 1861 г. Киселев доносил Горчакову о важном разговоре, состоявшемся у него с принцем Жеромом Наполеоном, в котором были затронуты вопросы внешней политики: итальянский, польский, восточный. Собеседник Киселева сказал, что он хорошо понимает, как тяжел для России договор 1856 г., и заметил, что от «тягостных трактатов освобождаются, как только к тому представится случай». О Турции принц говорил как о смертельно больном человеке, утверждая, что единственно кто правильно судил о восточном вопросе был император Николай I [91]. Такой дружелюбно-доверительный тон, казалось, говорил о многом. Но дальше разговоров французское правительство не пошло. Вопросы, затронутые в меморандуме Тувенеля и других документах, развития не получили.

[88] Б. Э. Нольде, *Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862 гг.*, стр. 203.

[89] Депеша Горчакова Киселеву 2.XI.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 153, л. 273.

[90] Донесение Киселева Горчакову 2(14).XII.1860, — там же, д. 151, л. 211.

[91] Донесение Киселева Горчакову 6(18).II.1861, — там же, д. 123, л. 45.

Ведя переговоры с Киселевым, Тувенель одновременно осторожно выяснял настроения английского правительства. Правящую верхушку Англии чрезвычайно волновал вопрос о том, что Франция сможет отказаться вывести свои войска из Сирии в срок, установленный конвенцией. Уже через месяц после высадки французских войск в Бейруте министр иностранных дел Рассел дал указание Каули запросить французское правительство, сколько времени его войска будут находиться в Сирии [92]. Уклончивый ответ Тувенеля лишь усилил беспокойство лондонского кабинета.

Получив информацию из Парижа о том, что Тувенель обсуждает с дипломатами вопрос «о новых преступлениях друзов», Рассел в депеше 7 ноября дал указание Каули решительно высказаться против нарушения установленного срока оккупации. Рассел заявлял, что задача, стоявшая перед европейскими державами в момент посылки войск в Сирию, в большей своей части выполнена, следовательно, и держать там дальше войска нелепо. Тут же английский министр высказывал опасение, что затянувшаяся оккупация Сирии может стать прецедентом для оккупации Болгарии, Боснии и других провинций, что, по его мнению, откроет путь для раздела Османской империи [93]. Правительство Пальмерстона опасалось возможности заключения франко-русского соглашения, что означало бы для России получить свободу действий на Балканах.

Английская печать снова начала полемику по сирийскому вопросу. Вслед за правительством она утверждала, что в Сирии давно уже установлен порядок, и высказывалась враждебно относительно продления срока ее оккупации. Ярко выраженную антифранцузскую направленность имели статьи газеты «Монинг Пост». В них ставился вопрос о бесцельности французской экспедиции вообще (ибо, по словам английских журналистов, турецкой армии было вполне достаточно для поддержания порядка в Сирии) и говорилось, что в настоящее время именно французские войска — единственное препятствие для установления там полного спокойствия. Тон этой газеты настолько задевал парижский кабинет, что Тувенель предложил послу в Лондоне объясниться с Расселом по поводу ее статей [94].

Как только Рассел узнал намерение французского правительства возбудить вопрос о продлении установленного срока,

[92] «Correspondence...», pt I, p. 129.

[93] Ibid., p. 186.

[94] См. «Le secret de l'émpereur», p. 328.

он пригласил к себе турецкого посла Мусуруса и долго беседовал с ним. Английский министр изложил послу свое отрицательное отношение к дальнейшей оккупации Сирии и предложил турецкому правительству высказаться со всей определенностью по этому вопросу [95]. Ответ Порты не задержался. В депеше 28 ноября глава турецкого правительства Али-паша сообщал Расселу, что Порта никогда не рассматривала европейскую интервенцию как необходимую и полезную меру, но что ее еще можно было оправдать, когда в Сирии «царил мятеж». Теперь же, говорилось далее в депеше, «интервенция с каждым днем все более теряет характер помощи блистательной Порте... и становится препятствием к установлению окончательного порядка в Горном Ливане». Выражая английскому правительству благодарность за занятую им позицию, Али-паша высказал убеждение, что эта позиция явится гарантией того, что европейская оккупация Сирии не будет продолжена [96]. Этот ответ удовлетворил Лондон, однако англичане посчитали необходимым применить еще финансовый нажим на Турцию. Деньги, полученные от французских банкиров [97], оказались недостаточны для того, чтобы поправить катастрофическое положение турецкой казны. Специальные агенты были посланы в Англию, чтобы вести переговоры о займе. По сведениям русского корреспондента в Лондоне, английские правящие круги дали понять Порте, что заем может быть предоставлен только после того, как она опубликует декларацию с требованием отзыва французских войск из Сирии [98].

Вместе с тем, понимая, что новые волнения в Сирии будут использованы Францией в ее захватнических целях, английское правительство через своего посла в Константинополе Бульвера настоятельно потребовало, чтобы Турция приняла действенные меры против возможности повторения антихристианских выступлений. Не могла не беспокоить Рассела фраза французского посла, сказанная им в беседе с министром о том, что поскольку Англия настаивает на эвакуации войск, она «понесет всю ответственность, если возобновятся убийства и погромы христиан» [99].

Цитируя эти слова в депеше к Бульверу, Рассел заявлял, что в случае отзыва войск из Сирии и новых беспорядков европейская оккупация не только повторится, но и примет еще большие размеры. Тогда, писал он, «правительство султана не должно ожидать того, чтобы Англия снова смогла поддержать доверие к образу действий турецкого правительства». Рассел требовал, чтобы посол довел до сведения везира, что дружба и поддержка Англии зависят от энергии, которую Порта в настоящее время должна проявить [100]. Следовательно, «дружественные чувства» Англии к Турции не исключали тактику нажима и запугивания.

[95] «Correspondence...», pt I, p. 249.
[96] Ibid.
[97] «Le Nord», 19.XI.1860.
[98] См. «Русский инвалид», 19.X.1860.
[99] «Correspondence...», pt I, p. 283.

Так вновь между Францией, с одной стороны, Англией и Турцией — с другой, возобновилась острая дипломатическая борьба по вопросу оккупации Сирии.

Несмотря на возражения английского правительства, французская дипломатия в течение декабря 1860 г. — февраля 1861 г. продолжала настаивать на продлении срока Сирийской экспедиции и вела борьбу за созыв новой конференции для обсуждения этого вопроса. При этом Тувенель кривил душой, утверждая, что Наполеон III якобы желает отозвать свои войска из Сирии, но не решается это сделать ввиду возможности возобновления кровопролития. «Наше намерение не состоит в том, — писал Тувенель в своей депеше в Лондон 17 декабря 1860 г., — чтобы оставаться в Бейруте свыше установленного времени. Император желает возвращения своих войск, но престиж европейских держав на Востоке будет подорван, если эвакуация произойдет раньше, чем будут установлены гарантии против новых убийств» [101].

Склоняя лондонский кабинет согласиться на продолжение французской оккупации Сирии, Тувенель запугивал его тем, что в случае нового обострения междоусобной войны в дело вмешается Россия и поставит вопрос значительно шире одной сирийской проблемы. «Как лорд Пальмерстон не понимает, — писал Тувенель в Лондон, — что в интересах Порты установить материальные гарантии, которые даются христианам благодаря нашему присутствию, что... если убийства возобновятся вновь, это уже не будет сирийский вопрос, и вот этого-то мы и хотели бы полностью избежать» [102]. Этот документ изобличает двойственную тактику бонапартистской дипломатии. Обещая России поддерживать ее предложение о рассмотрении положения христианского населения европейской Турции, Тувенель в то же время заверял Англию, что французское правительство не желает выходить за пределы сирийского вопроса. Английское правительство не могло доверять словам Тувенеля, так как имело уже немало доказательств истинного характера наполеоновской политики.

Между тем французское правительство старалось всячески афишировать свое дружеское отношение к Англии. В декабре 1860 г. Наполеон III подписал декрет, который, по словам

[100] Ibid.
[101] «Le secret de l'empereur», p. 328.
[102] Ibid., p. 392.

русского посла Бруннова, произвел в Лондоне сенсацию и был воспринят англичанами как «мера, предпринятая с целью скрепить англо-французские отношения»[103]. Императорский декрет освобождал английских подданных от необходимости брать паспорта для поездки во Францию.

Действительно, эта мера вызвала в Англии всеобщее одобрение. «Принятие этого декрета, — писал „Таймс", — является прекрасным показателем доброй воли императора Наполеона по отношению к английскому народу. Трудно дать лучшее доказательство его желания наладить дружественные связи между англичанами и французами». Газета замечала, что декрет создает хорошие условия для проведения в жизнь торгового договора с Францией, который был подписан в начале текущего года[104].

Но обещания и заигрывания бонапартистского правительства не смогли поколебать твердой позиции английской дипломатии в отношении Сирийской экспедиции. В Лондоне стремились как можно скорее покончить с сирийским вопросом, так как для английской дипломатии он был связан возможно с весьма неприятными последствиями. Английское правительство, как и прежде, серьезно опасалось усиления активности русской политики на Востоке и сближения России с Францией. Этому была посвящена речь бывшего помощника государственного секретаря министерства иностранных дел Финджеральда, выступившего в палате общин 6 февраля 1861 г.[105]. При обсуждении того же вопроса 8 февраля депутаты единодушно требовали от правительства принять решительные меры против французской оккупации Сирии[106].

Затронутая в парламенте тема о возможности заключения франко-русского соглашения возникла потому, что английским правящим кругам стало, очевидно, кое-что известно о содержании переговоров Тувенеля с Киселевым. Кроме того, слухи о якобы наметившемся франко-русском союзе нашли некоторое отражение на страницах русской печати. Например, «Северная пчела», сообщая об отрицательном отношении Англии к продолжению срока французской оккупации Сирии, утверждала, что французский народ все более и более порицает «рассудочный брак» с Англией и склоняется к сближению с Россией. «Ожесточение Англии по поводу сирийского вопроса только поощрило мнение обратиться совершенно в сторону России», — писал автор вышеприведенной статьи[107].

[103] Донесение Бруннова Горчакову 6(18).XII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 106, л. 262.
[104] «The Times», 18.XII.1860.
[105] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 161, p. 126.
[106] Ibid., p. 192.
[107] «Северная пчела», 27.II.1861.

Намеки на подготовку франко-русского союза можно было найти и в других русских газетах.

В конце 1860 г. в берлинской газете появилась статья, в которой как нельзя лучше нашли отражение причины, заставлявшие Англию активно бороться против дальнейшего пребывания в Сирии французских войск. Анализируя французскую политику в Сирии, автор статьи заявлял, что правительство Наполеона III реализует не новые, а старые планы, которые разрабатывались еще во времена Людовика XIV, а затем осуществлялись в период египетской экспедиции 1798 г. Наполеона Бонапарта. Автор цитировал брошюру известного бонапартистского генерала тех лет Бертрана[108], утверждавшего, что если Франции удастся захватить Египет и Сирию, являющиеся превосходным трамплином для прыжка в глубь Азии, то она «раньше или позже будет хозяйкой Индии». Немецкий журналист подчеркивал, что Франция в последние годы укрепила свои позиции, в частности, в Риме, на Мадагаскаре и в Китае, а теперь ее войска находятся в Ливане. Это, утверждал он, не могло не беспокоить Англию: создавалась угроза ее колониальному господству[109].

Попытка официально поставить вопрос о необходимости продления срока оккупации Сирии была вначале сделана на заседании международной комиссии в Бейруте 17 декабря 1860 г. французским представителем Бекларом. Английский и австрийский члены комиссии выступили против продолжения французской оккупации, считая, что для этого нет никаких оснований. Особенно резко выступил лорд Дафферин. Французские войска, говорил он, лишь «дезорганизуют страну и подрывают авторитет султана». Но русский и прусский комиссары отнеслись к предложению Беклара сочувственно. Новиков сразу согласился с необходимостью оставить французские войска в Сирии, а прусский дипломат заявил, что войска не могут быть отозваны, пока не будет обеспечена безопасность христианского населения[110].

Комиссия не приняла никаких решений, так как турецкий представитель Фуад-паша на заседание не явился. Однако это не остановило французское правительство от дальнейших шагов в том же направлении.

18 января 1861 г. Тувенель обратился к державам с циркулярной нотой, в которой говорилось, что цель, поставленная при посылке войск в Турцию, не достигнута и что международная комиссия свою работу еще не закончила. Выра-

[108] См. A. Bertrand, *Companie d'Egypte et de Syrie 1798.*
[109] «Neue Preußische Zeitung», 29.XII.1860.
[110] Донесение Новикова Горчакову 10(22).XII.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 17, л. 32.

жая опасение, что в случае ухода войск в Ливане вспыхнут новые волнения, Тувенель предлагал созвать конференцию для рассмотрения вопроса о продлении срока оккупации Сирии [111].

Первым согласилось на созыв новой конференции русское правительство. Позиция России относительно срока французской экспедиции была отражена в двух официальных документах — депеше Горчакова 13 января послу в Константинополе и его же депеше 20 января послу в Париже. В них Горчаков заявлял, что установившееся спокойствие в Сирии есть результат действий французских войск и, поскольку отзыв их оттуда может привести к новым беспорядкам, он считает необходимым продлить срок оккупации. Одновременно Горчаков высказался о возможности увеличения количества французских войск в Сирии или присоединения к ним войск других держав. Обе эти депеши были опубликованы в русских газетах. Русская правительственная пресса с большим сочувствием обсуждала вопрос о продолжении Сирийской экспедиции. «Московские ведомости» писали о «несвоевременности и опасностях отбытия французских войск в настоящую минуту». Они заявляли, что Россия будет стоять за продление экспедиции, «пока она будет признана необходимой», так как она «питает полное доверие к намерениям французского правительства» [112].

Английское правительство проявило большую энергию, пытаясь создать против Франции оппозиционный блок.

В начале Рассел даже обратился к России, пытаясь воздействовать на нее в соответствующем духе и убедить в необходимости прекращения оккупации Сирии [113]. Не встретив понимания в Петербурге, он адресовался в Вену и Берлин. В своей депеше в Вену от 16 января Рассел уполномочивал английского посла обратить «пристальное внимание» австрийского правительства на вопрос о дальнейшей оккупации Сирии. Он сообщал о требовании Порты своевременно прекратить оккупацию Сирии и давал понять, что дальнейшее пребывание там французских войск может привести к опасным политическим последствиям. Рассел обращался за содействием к австрийскому правительству поддержать требование Порты — положить предел иностранной оккупации; он напоминал, что оставлять иностранные войска в Сирии без согласия султана — это военный акт, не соответствующий обязательству держав гарантировать независимость Турции [114]. Те

[111] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, pp. 217, 218.
[112] «Московские ведомости», 14.II.1861.
[113] Донесение Бруннова Горчакову 1(13).I.1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 88, л. 9.
[114] «Correspondence...», pt I, p. 322.

же соображения высказывал Рассел и прусскому министру Шлейницу.

Однако правительственные круги Австрии и Пруссии не разделяли установку Англии отклонить французское предложение обсудить еще раз вопрос о сроке сирийской экспедиции. Австрия, являясь официальной покровительницей католиков европейских провинций Турции, опасалась, что ее престиж на Востоке будет поколеблен в случае нового антихристианского движения в Сирии. Поэтому в вопросе отзыва французских войск она проявляла некоторое колебание. Английский посол в Вене долго убеждал Рехберга согласиться с позицией Англии. В результате он добился только одного — заявления австрийского правительства о том, что дальнейшее пребывание французских войск в Сирии невозможно без санкции европейских держав, подписавших Парижский протокол [115].

Пруссия также выказывала беспокойство в отношении возможности повторения кровопролития. Шлейниц заявил, что нахождение французских войск в Сирии является желательным до тех пор, пока международная комиссия не разработает новый политический статут Ливана. Он считал, что вопрос о продолжении срока экспедиции должен быть решен на месте, т. е. на заседаниях комиссии, работавшей в Бейруте [116].

Таким образом, не только Россия, но и Пруссия поддержали мнение Франции о том, что французские войска должны быть отозваны из Сирии не раньше, чем будет принято ее новое политическое устройство.

Дипломатическое давление Англии на европейские правительства успеха не имело. Державы явно склонялись на предложение Франции обсудить еще раз сирийский вопрос.

Английская дипломатия вынуждена была отступить. В депеше Каули от 24 января 1861 г. Рассел заявил, что правительство Великобритании согласно «путем конференции или другим способом запросить султана, готова ли Порта взять на себя ответственность по вопросу установления спокойствия в Сирии» [117]. Но, давая в такой косвенной форме согласие на конференцию, английский министр категорически высказывался против того, чтобы вопрос об интервенции французских войск был связан с ходом работы международной комиссии. Он говорил, что в этом случае оккупация затянулась бы на неопределенный срок, ибо трудно установить момент, когда комиссары закончат свою работу. Рассел рассчитывал, что Али-паша откажется принять участие в конференции и,

[115] Ibid., p. 328.
[116] Ibid., pp. 328, 345.
[117] Ibid., p. 329.

таким образом, она будет сорвана. Если бы в Сирии вновь возобновилась междоусобная война, вся ответственность за это пала бы на правительство султана.

29 января Порта через своего посла Мусуруса запросила Рассела, какого он мнения относительно конференции и в случае ее созыва может ли турецкое правительство рассчитывать на поддержку Англии [118]. Ответ на этот запрос был дан в тот же день в меморандуме английского министра. В нем говорилось, что английское правительство воздерживается от какого-либо совета Порте относительно созыва конференции. Если же конференция состоится, то Англия пошлет своего представителя при условии присутствия там уполномоченного султана. Вместе с тем в меморандуме указывалось, что, если Порта не даст своего согласия на конференцию, она должна объявить союзным державам, что «султан имеет все возможности предотвратить возобновление беспорядков» [119]. В таком же духе обсуждал этот вопрос в Константинополе Бульвер с Али-пашой. Бульвер говорил, что не следует настаивать на отзыве французских войск, если Порта считает, что их присутствие необходимо для поддержания спокойствия. Но на этом надо настаивать, если Порта сама располагает силами для поддержания порядка [120].

Следовательно, Англия в критический момент оставляла Турцию одну. Порта же не решалась взять на себя обязательство относительно сохранения спокойствия в Сирии. В начале февраля турецкий посол в Лондоне заявил, что правительство султана не будет препятствовать созыву конференции, «если это является желанием европейских держав». Для Англии это было не лучшим решением вопроса, но Рассел вынужден был дать указание Каули принять участие в конференции [121].

Вырвав наконец у Англии и Турции согласие на созыв конференции, Тувенель объявил, что она открывается 19 февраля 1861 г.

Настаивая на созыве второй конференции, французское правительство преследовало цель добиться того, чего ему не удалось достигнуть на первом этапе дипломатической борьбы, — не устанавливать сроки военной оккупации Сирии. Эта идея всецело поддерживалась буржуазными кругами. В начале 1861 г. орган крупной буржуазии «Журналь де Деба» поместил статью (она была опубликована московской центральной газетой), где говорилось, что шестимесячный

[118] Ibid., p. 349.
[119] Ibid., p. 350.
[120] Ibid., p. 381.
[121] Ibid., p. 368.

срок, определенный Англией, является препятствием для успешного выполнения задачи, возложенной на Францию. Здесь же выдвигалось требование продлить «европейское вмешательство» до того момента, пока это будет необходимо [122]. Иначе говоря, речь шла о бессрочной оккупации Сирии.

Вполне возможно, что бонапартистская дипломатия рассчитывала не только на возобновление межрелигиозных столкновений в Сирии, но и на «беспорядки» в других частях Османской империи.

В 60-х годах усилилась освободительная борьба против турецкого господства славянских народов. Турецкие власти очень неспокойно чувствовали себя в Болгарии, где повсеместно возникали тайные революционные комитеты. В 1861 г. вспыхнуло восстание в Герцеговине, которое активно поддерживалось черногорцами. Создавалось впечатление, что Османская империя стоит на пороге больших внутренних потрясений.

Именно такого мнения придерживался французский посол в Константинополе Лавалетт. Об этом можно составить представление, читая его письма, адресованные сотруднику военного ведомства Франции Бенедетти. Последний показывал эти письма посланнику Кавура в Париже Вимеркати. «Самое большее через двадцать дней восточный вопрос станет как никогда актуальным», — писал Лавалетт в сентябре 1860 г. Он считал, что дела для Франции «складываются чудесно, и если все хорошенько организовать, она окажется хозяйкой положения» [123]. Некоторое время спустя Лавалетт высказывался еще более определенно: «Турция в состоянии полной агонии, никакая сила не может предотвратить ее падение. Решение восточного вопроса неминуемо» [124]. Лавалетт был неодинок в предположениях, что Османская империя находится на краю гибели. Известный французский писатель П. Мериме, который благодаря близости к императорскому двору был в курсе политических веяний, в октябре 1860 г. писал о том же своему другу Паницци, хранителю Британского музея: «Воскресить Турцию или заставить ее жить в течение длительного времени невозможно, поэтому безрассудно ссориться из-за лекарств, которые ей следует давать; наоборот, нужно договориться о способе, каким следовало бы ее похоронить» [125].

Правящие круги Франции, постоянно получая информацию подобного рода, пытались всеми средствами продлить окку-

[122] «Московские ведомости», 22.II.1861.
[123] Цит. по: «La questione romana...», t. I, p. 37.
[124] Ibid., t. II, p. 51.
[125] P. Mérimée, *Lettres à M. Panizzi*, p. 115.

пацию Сирии и ожидать благоприятного момента, чтобы аннексировать ее.

Английское правительство отдавало себе полный отчет в намерениях Франции и решительно против них боролось. «Англия опасается, — писал Бруннов из Лондона, — что Наполеон III имеет заднюю мысль — найти предлог установить военную оккупацию в Сирии, подобно той, которая проводится в Риме свыше десяти лет. Это приведет к тому, что Франция превратит Ливан в свою колонию, учредит на побережье свою морскую стоянку и позициям Англии на Востоке будет причинен ущерб» [126].

Каули как представитель Англии на второй Парижской конференции получил 9 февраля инструкцию возражать против продления срока экспедиции. Одновременно Рассел дал указание Каули установить тесный контакт с турецким послом в Париже.

Англичане советовали Порте твердо отстаивать свое требование о выводе французских войск из Сирии. Поддерживая везира Али-пашу в его сопротивлении Франции, английский посол официально заявил, что Англия готова 1 мая 1861 г. направить к Сирийскому побережью новую военную эскадру, которая останется там до конца года [127].

Расстановка сил, сложившаяся еще до начала конференции, была такова: Англия и Турция выступали единым фронтом; Франция опиралась на поддержку России; Австрия и Пруссия колебались и первоначально не могли решить, к какой группировке им примкнуть.

* * *

Вторая Парижская конференция открылась в намеченный день — 19 февраля 1861 г. Ее участниками были министр иностранных дел Франции Тувенель и послы пяти держав [128]. Первым взял слово французский министр. Явно преувеличивая, он заявил, что установившееся в Сирии спокойствие непрочно, что как только войска будут отозваны, там возобновятся грабежи и убийства. Тувенель заметил также, что руководители антихристианского движения еще не наказаны, убытки пострадавшим не возмещены. Грозя неизбежной катастрофой, Тувенель настаивал на продлении срока оккупации до тех пор, пока международной комиссией не будет

[126] Донесение Бруннова Горчакову 23.II(7.III).1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 88, л. 128.

[127] «Correspondence...», pt I, p. 386.

[128] Каули представлял Англию, Киселев — Россию, Меттерних — Австрию, Пурталес — Пруссию, Ахмед Вефик — Турцию.

разработана новая система управления Ливаном [129]. Таким образом, предлагая продлить оккупацию Сирии, Тувенель не фиксировал точно срока эвакуации войск, что и соответствовало его целям. После этого выступления развернулась бурная дискуссия. Турецкий посол Ахмед Вефик заявил, что международная комиссия не разработала до сих пор нового статута Ливана не по вине Порты, что вопрос был затянут представителями самих европейских держав. Утверждая, что турецких войск вполне достаточно для охраны порядка в стране, посол требовал, чтобы эвакуация французских войск была осуществлена в установленный срок.

Французское предложение было поддержано Киселевым [130].

Ободренный этим Тувенель вновь взял слово и зачитал депешу французского консула из Дамаска, в которой последний, ссылаясь на слова самих турецких офицеров, утверждал, что турецких войск в Сирии недостаточно для поддержания порядка и для осуществления похода против друзов, бежавших в Хауран. Тувенель объявил, что Франция снимет с себя всякую ответственность в сирийском вопросе, если войска будут отозваны.

Каули требовал эвакуации французских войск как «единственно правильной меры». Для защиты же христианского населения он предложил послать английскую эскадру. Но Тувенель и Киселев возражали против этого и пытались доказать, что одни военно-морские силы не смогут защитить сирийских христиан, проживающих вдали от побережья. Тогда австрийский посол, который до этого времени молчал, спросил, когда все же может быть послана английская эскадра. И когда Каули назвал дату — 1 мая, Р. Меттерних предложил продолжить французскую оккупацию до этого срока, т. е. на два месяца. Компромиссное предложение Р. Меттерниха было поддержано не только Пруссией, но и Россией. В конце концов Тувенель должен был согласиться на продление оккупации на два месяца. Однако он тут же потребовал, чтобы Франции было предоставлено право по истечении этого срока вновь собрать совещание послов для обсуждения вопроса об оккупации. Против этого решительно выступили Каули и Ахмед Вефик. На этом первое заседание конференции закончилось.

Итак, вопрос о продлении французской оккупации Сирии остался нерешенным. Естественно, Тувенель не был удовлетворен результатом конференции. Недовольны были также и

[129] «Correspondence...», pt I, p. 408.

[130] Донесение Киселева Горчакову 13(25).II.1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 121, л. 69.

англичане. Каули сказал Киселеву, что ему «чрезвычайно трудно сообщить своему правительству о том, что срок эвакуации продлен до 1 мая» [131]. Следовательно найденный компромисс не устраивал обе стороны.

Французское правительство не спешило возобновлять заседания конференции. Оно решило предварительно договориться с Англией и Турцией.

Желая заручиться поддержкой своей буржуазии и вместе с тем получить лишний рычаг давления на Англию, правительство Наполеона III поставило вопрос о продолжении оккупации Сирии на обсуждение в Законодательном корпусе. Депутаты одобрили политику правительства и с большой враждебностью отзывались о позиции Пальмерстона — Рассела. На заседании 12 марта оратор заявил, что лондонский кабинет настаивает на эвакуации французских войск потому, что надеется на новые убийства и погромы, которые приведут к уничтожению маронитского населения Сирии, а вместе с тем и к уничтожению влияния Франции [132]. 18 марта Законодательный корпус принял абсолютным большинством голосов адрес правительству, в котором говорилось о необходимости продления пребывания французских войск в Сирии [133].

В начале марта новый французский посол в Лондоне Флао [134] изложил Расселу последнее решение своего правительства: вывести из Сирии войска к 5 июня.

Французской дипломатии удалось получить согласие на этот срок не только России, Пруссии и Австрии, но даже Турции.

Учитывая это, Рассел был вынужден уступить и принять предложение Тувенеля. Правда, английское правительство сделало весьма существенную оговорку. Протокол будет подписан только в том случае, если в нем будет зафиксирован окончательный срок эвакуации французских войск. Информируя Петербург о позиции английского правительства, Брунов сообщал, что его решение о продолжении срока экспедиции на три месяца было принято «не без трудностей и не без выражения недовольства со стороны общественного мнения» [135].

Второе заседание конференции состоялось в Париже 15 марта 1861 г. Проект конвенции, предложенный Тувенелем, был утвержден без дальнейшего обсуждения. Он состоял из

[131] Донесение Киселева Горчакову 15(27).II.1861, — там же, л. 85.
[132] «Le Moniteur», 15.III.1861.
[133] Ibid., 20.III.1861.
[134] Флао был назначен послом в Лондон в ноябре 1860 г. в связи с тем, что Персиньи был отозван в Париж, получив пост министра внутренних дел.
[135] АВПР, ф. «Канцелярия», д. 88, л. 153.

трех статей. Статья 1 устанавливала, что предельным сроком оккупации Сирии является 5 июня текущего года, после чего должна последовать эвакуация войск.

В статье 2 говорилось, что постановления, содержащиеся в статье 2 конвенции от 5 сентября 1860 г., которые еще не были выполнены, останутся в силе в течение времени между числом подписания настоящего акта и 5-м июня текущего года [136].

В статье 3 указывалось, что конвенция будет ратифицирована в Париже в пятинедельный срок.

19 марта 1861 г. конвенция о продолжении срока европейской оккупации Сирии была подписана всеми участниками конференции. 18 мая 1861 г. она была ратифицирована [137].

Так закончился второй этап дипломатической борьбы вокруг Сирийской экспедиции. Если первая конференция, решавшая вопрос о посылке экспедиционного корпуса в Сирию, продолжалась всего неделю, то для принятия решения второй конференции потребовался месяц. Разногласия в «европейском концерте», проявившиеся при обсуждении вопроса о сроке Сирийской экспедиции, свидетельствовали об обострении международных противоречий на Ближнем Востоке.

Добиться согласия держав на бессрочную оккупацию Сирии Франции так и не удалось. Постановление конференции о продлении оккупации на три месяца ее удовлетворить также не могло. Французское правительство, вынужденное подписать протокол, надеялось все же извлечь для себя выгоды из предоставленной ему отсрочки. К началу июня комиссия по выработке нового устройства Ливана должна была окончить свою работу. Пребывание французских войск, по расчетам Тувенеля, могло оказать влияние на выбор правителя Ливана, способного обеспечить интересы Франции. Кроме того, французское правительство надеялось после 5 июля вновь поставить вопрос о продлении оккупации.

Некоторому успеху, достигнутому Францией на второй Парижской конференции, Тувенель был обязан дипломатической поддержке России. Но после окончания конференции он не собирался возобновлять разговор ни о положении балканских христиан, ни о пересмотре Парижского трактата. Брунов, который всегда недоверчиво относился к идее франко-русского союза, писал в личном письме Горчакову: «Наполеон сразу делает ставки на двух лошадей (т. е. и на Англию, и на Россию. — *М. П.*)... Действительно ли он сделал ставку

[136] Речь шла о том, что державы, если это будет необходимо, могут увеличить состав экспедиционного корпуса до 12 тыс. человек.
[137] «Archives diplomatiques...», t. II, p. 321; см. также Ф. Ф. Мартенс, *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами*, т. XV, стр. 386—388.

на нас или это ложная лошадь, которая остановится на половине пути? Я не верю в чистоту намерений императора Наполеона». Характерна пометка Горчакова на полях этого письма. «И я тоже не верю больше!» [138]. Если эти слова обнаружили известные сомнения русского канцлера в искренность намерений французского правительства, то спустя месяц он высказывался уже вполне определенно. «Император Наполеон долгое время вел игру, — писал он Бруннову, — эксплуатируя в своих личных выгодах интимность связей либо с нами, либо с Англией... Это удобная игра, но она в конце концов предоставляет нам невыгодную роль» [139].

Короче говоря, бонапартистское правительство проводило ту же тактику, что и во время подготовки Сирийской экспедиции летом 1860 г. Оно не скупилось на заманчивые предложения России и запугивало франко-русским союзом Англию. Как только ему удавалось достигнуть с последней соглашения, оно поворачивалось к России спиной. Царское правительство окончательно убедилось, что ошиблось, рассчитывая на дипломатическую поддержку Франции. И если Горчаков считал нужным высказываться за оставление французских войск в пределах Турции, то в других вопросах сирийской политики русское правительство больше не помогало Франции. Это отчетливо обнаружилось во время разработки проекта политического статута Ливана.

Нам уже известно, что на Варшавском свидании появились симптомы охлаждения между Россией и Францией. Новым источником осложнений в отношениях между этими странами с начала 1861 г. стал польский вопрос.

[138] Бруннов Горчакову 23.II(7.III).1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 88, л. 410.

[139] Горчаков Бруннову 29.V.1861, — там же, д. 90, л. 435.

ГЛАВА VI

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ПРОЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ЛИВАНА. ЭВАКУАЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК ИЗ СИРИИ

Международная комиссия в Бейруте. Вопрос о наказании виновных и возмещении убытков пострадавшим. Разработка проекта политического устройства Ливана. Органический статут 9 июня 1861 г. Эвакуация французских войск. Причины неудачи Сирийской экспедиции

Предложение о создании международной комиссии по сирийскому вопросу, которая могла бы на месте расследовать причины кровавых событий, Тувенель выдвинул 6 июля 1860 г. в циркулярном письме к французским представителям в Англии, Австрии, Пруссии и России. Подобное же предложение было сделано им и Турции [1].

Турецкое правительство соглашалось на созыв комиссии в Бейруте на следующих условиях: полномочия комиссии должны быть ограничены обсуждением административного устройства Ливана, принятого в 1845 г., и касаться только Горного Ливана; поскольку современная форма правления Ливана была в свое время одобрена великими державами, то предстоящие изменения должны быть утверждены этими державами [2].

Несмотря на то что эти условия ограничивали деятельность французской дипломатии, Тувенель был вынужден их принять.

Вопрос о создании комиссии, не вызвав серьезных возражений, был скоро решен путем дипломатической переписки.

Английское правительство назначило своим комиссаром лицо, формально не принадлежащее к дипломатическому корпусу. Это был человек из круга придворной аристократии, член палаты лордов — Дафферин. Но он оказался весьма способным дипломатом. К тому же Дафферин бывал в Сирии и, по словам одного русского журналиста, был «хорошо про-

[1] «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 194.

[2] См. «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 94.

никнут естественною англичанам враждой к французам»[3]. В работе комиссии он сыграл ведущую роль. В противоположность английскому французский комиссар Беклар (он занимал пост консула в Александрии) был лишен всякого дипломатического дарования и, по отзывам современников, не обладал нужными качествами, чтобы справиться с возложенной на него задачей[4].

Австрия выбрала комиссаром своего генерального консула в Бейруте Векбеккера. Он был известен как ярый туркофил. «Австрийский консул, — писал один участник Сирийской экспедиции, — думает как турки, говорит как турки и одобряет все то, что делают турки»[5].

Россия и Пруссия назначили комиссарами советников своих посольств в Константинополе, первая — М. Новикова, вторая — Рефусса.

Турецким представителем в международной комиссии и ее председателем был чрезвычайный комиссар султана в Сирии, министр иностранных дел Фуад-паша.

К середине сентября 1860 г. комиссары собрались в Бейруте, но первое заседание комиссии состоялось только 5 октября.

В задачи комиссии входило: выявить виновных в убийствах и погромах и установить им меру наказания; обеспечить возмещение убытков потерпевшим; разработать проект нового политического устройства Ливана.

Поскольку от результатов работы комиссии в значительной степени зависело, чье влияние будет в дальнейшем преобладать в Сирии, по всем обсуждаемым вопросам развернулась ожесточенная борьба, являвшаяся отражением соперничества держав на Ближнем Востоке.

К наказанию виновных, как уже известно, Фуад-паша приступил еще до начала работы комиссии[6]. Турецкие власти спешили осудить наиболее видных участников погрома в Дамаске до того, как европейские комиссары соберутся в Бейруте. Когда члены комиссии явились на место действия, приговоры суда были уже приведены в исполнение.

Теперь речь могла идти только о привлечении к ответственности за участие в антихристианском движении в Ливане.

Вернувшись из Дамаска в Бейрут, Фуад-паша опубликовал 14 сентября прокламацию, в которой друзским шейхам и эмирам приказывалось немедленно явиться и дать показания по поводу их участия в событиях. Прокламация грозила

[3] «Политическое обозрение», — «Время», № 5, стр. 3.

[4] См. C. Rochmonteix, *Le Liban et l'expédition française en Syrie,* p. 67; Н. Берг, *Очерк последних сирийских событий,* стр. 20.

[5] E. Louet, *Expédition de Syrie,* p. 43.

[6] См. гл. III.

строгим наказанием и заочным осуждением тех, кто не выполнит этого распоряжения. Здесь же говорилось о мерах, принятых правительством для обеспечения порядка в друзской каймакамии. Беженцам предлагалось возвращаться домой[7].

Одиннадцать друзских шейхов явились с повинной и были арестованы. В их числе находились бывший друзский каймакам Мухаммед Арслан, Саид Джумблат[8], Юсуф Абд аль-Малик, Хусейн Тальхук. Большинству главных участников сирийской кровавой драмы удалось бежать в Хауран. Среди них были: Исмаил Атраш (руководивший штурмом Хасбайи и Рашайи), известный своей жестокостью Хатар аль-Амад, Юсуф Абу Накид и многие другие. По заявлению, сделанному на следствии бывшим правителем Бейрута Хуршид-пашой, все друзские шейхи в большей или меньшей степени приняли участие в ливанских событиях[9].

В конце сентября были заключены в тюрьму Хуршид-паша и несколько турецких офицеров, а в декабре власти арестовали еще около 800 человек.

Фуад-паша учредил два чрезвычайных трибунала — один в Бейруте, другой—в Мухтаре, центре друзской каймакамии. Председателем бейрутского трибунала был сам Фуад-паша. Он определял виновность и устанавливал наказания.

После того как международная комиссия выдвинула требование о праве участия в работе трибунала европейских комиссаров, они получили разрешение присутствовать на судебных заседаниях поочередно[10].

Решением трибунала Хуршид-паша и его ближайшие помощники Тахир-паша (бывший командующий войсками в Дамаске) и полковник Нури-бей были осуждены к пожизненному заключению (менее крупные турецкие чиновники были приговорены к тюремному заключению на различные сроки). Когда Беклар и некоторые другие члены комиссии стали требовать казни Хуршид-паши, Фуад-паша распорядился перевезти его в Константинополь.

Довольно снисходительно отнесся суд и к друзским феодалам, руководителям резни. Правда, 11 друзских шейхов были приговорены к смертной казни. Однако после решения суда среди членов комиссии развернулись дебаты. Комиссар Дафферин, которого называли «адвокатом друзов», с большой энергией боролся за спасение шейхов и прежде всего Саида

[7] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 104.

[8] По словам современников, Саид Джумблат не бежал, потому что надеялся на защиту английского консула.

[9] Доклад Новикова 5(17).XI.1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 372.

[10] Донесение Новикова Горчакову 12(24).X.1860, — там же, л. 212.

Джумблата. Английский посол в Константинополе Бульвер угрожал разрывом дипломатических отношений, если приговор в отношении Джумблата будет приведен в исполнение [11]. Французские дипломатические представители (как в Бейруте, так и в Константинополе) настаивал на его казни.

Воспользовавшись острыми разногласиями среди членов комиссии по этому вопросу, Фуад-паша направил решение суда на утверждение султану. Внезапная болезнь и смерть Джумблата в тюрьме развязали руки турецкому правительству. Приговор остался в силе, поместья богатого шейха были конфискованы в пользу турецкой казны [12].

Из остальных друзов, привлеченных к следствию, 245 человек были осуждены к тюремному заключению или высылке на различные сроки [13]. Через год, однако, турецкое правительство уже объявило, что они смогут вернуться на родину после отбытия пятилетнего срока ссылки [14].

Рассчитывая в дальнейшем использовать друзов в своих целях, Порта не собиралась их строго наказывать. Такая политика находила поддержку лондонского кабинета, делавшего все возможное, чтобы спасти друзов или смягчить им меру наказания.

За исключением английского комиссара Дафферина, другие члены комиссии существенного влияния на решение трибунала не оказали. Их участие в судебной процедуре свелось к подаче советов, которые турецкие чиновники могли в расчет и не принимать. При обсуждении второй задачи — обеспечения возмещения убытков пострадавшим — разгорелся новый спор. Утверждая, что «зачинщиками беспорядков» были не друзы, а мароните, Дафферин считал, что друзы платить ничего не должны, и предлагал их амнистировать [15].

Покровительствуя друзам, англичане не только стремились снять с них ответственность за происшедшие события, но и оградить их от материального ущерба. Это вызывало резкие возражения французского комиссара. Он требовал, чтобы на друзов была наложена контрибуция в пользу пострадавших, и предлагал немедленно собрать с друзов налог натурой — одеждой, дровами, продовольствием и т. д. Новиков и другие члены комиссии присоединились к этому требованию.

По решению комиссии турецкое правительство должно было потребовать от друзских вождей, бежавших в Хауран, компенсацию за причиненный ущерб маронитам [16]. Однако,

[11] Донесение Лобанова Горчакову 18(30).IV.1861, — там же, л. 415.
[12] «Souvenir de Syrie...», p. 277.
[13] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 285.
[14] «Annuaire de deux Mondes 1860», Paris, 1861, t. XI, p. 546.
[15] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 154.
[16] E. Louet, *Expédition de Syrie*, p. 309.

благодаря тактике Фуад-паши, поддержанного Дафферином, вопрос о возмещениях продвигался крайне медленно. В мае 1861 г. была установлена только процедура определения убытков. Комиссия решила вычислять суммы убытков, собрав предварительно с потерпевших жителей листы со сведениями о понесенных ими потерях [17]. Это требовало, естественно, много времени. Пока комиссары спорили, кто и сколько должен платить, «христиане умирали от голода» [18] (резонно замечал казначей французской экспедиции Луэ).

Окончательный подсчет материальных потерь в Ливане был подведен только через год.

В мае 1862 г. комиссия установила, что общие потери исчисляются в 25,5 млн. пиастров (1 380 тыс. руб.) Из них ущерб, понесенный христианами, составлял 23 930 тыс. пиастров (1296 тыс. руб.), друзами—1 млн. пиастров (54 тыс. руб.), мутуалиями — 500 тыс. пиастров (26 тыс. руб.), мусульманами — 70 тыс. пиастров (4 тыс. руб.) [19].

Однако практического значения выявление ущерба не имело. Бумаги с подсчетом комиссии были отосланы в Константинополь и забыты.

Та же судьба постигла и вопрос о возмещении ущерба жителей Дамаска. Чтобы на месте ознакомиться с размерами бедствий и положением потерпевших, в декабре 1860 г. комиссия посетила Дамаск. Она установила сумму ущерба в 150 млн. пиастров. Но по настоянию Фуад-паши комиссия в конце концов зафиксировала ущерб на сумму 75 млн. пиастров (4 млн. руб.) [20].

Но кто же должен был выплачивать эти миллионы? Фуад-паша несколько раз заявлял, что правительство возместит населению его потери. Между тем совершенно справедливо «Русский вестник» в конце 1860 г. писал, что турецкое правительство, испытывая финансовый кризис, не способно покрыть и десятой доли убытков, понесенных христианами [21]. В итоге среди христиан Ливана было распределено лишь 2 500 тыс. пиастров [22]. На этом дело и ограничилось.

Таким образом, международная комиссия в вопросе возмещения ущерба реальной помощи пострадавшему во время междоусобицы населению оказать не смогла.

Зато большой размах приняла благотворительность различных буржуазных организаций. С ее помощью европей-

[17] «Correspondence...», pt II, p. 89.
[18] E. Louet, *Expédition de Syrie*, p. 367.
[19] Протокол заседания международной комиссии 28.V.1862, — АВПР. ф. «Посольство в Константинополе», д. 1310, л. 138.
[20] «Annuaire des deux Mondes 1860», 1861, t. XI, p. 548.
[21] «Турция и Сирия», стр. 89.
[22] A. Ismail, *Histoire du Liban...*, p. 372.

ские правительства пытались укрепить и расширить свое влияние в Сирии. В организацию по распределению пособий входили официальные представители европейских держав в Турции. Так, во главе французского комитета помощи стоял консул в Бейруте Бентиволио, во главе англо-американского — английский консул Мур, комиссар Дафферин и консул США Джонсон, во главе русского — консул Бегер.

Самые большие средства в Сирию поступили из Франции. По подписке, организованной в Париже католическим духовенством, было собрано около 3 млн. фр. (800 тыс. руб.) [23]. Англо-американский комитет выдал пособия 30 тыс. семей христиан-протестантов. К 1 января 1861 г. эта организация выплатила пострадавшим свыше 16 тыс. ф. ст. (130 тыс. руб.) [24]. В этой кампании приняло участие и царское правительство. Русский комитет, существовавший в Бейруте около двух лет, распределил среди православных 1 млн. 213 тыс. пиастров (54 тыс. руб.) [25]. Средства этого комитета образовались из взносов официальных учреждений и частных лиц. Деньги для оказания помощи арабскому населению были собраны также в Пруссии, Греции, Бельгии и других странах.

Но все эти пожертвования не могли возместить тех колоссальных потерь, к которым привела междоусобная борьба. Положение значительной части сирийского населения оставалось очень тяжелым. На заседании европейской комиссии 17 января 1861 г. отмечалось, что жители пострадавших городов и деревень испытывают крайнюю нужду. От голода и лишений умерло больше людей, чем погибло в результате друзско-маронитских столкновений [26].

Буржуазная благотворительность лишь прикрывала неблаговидные дела англо-французской дипломатии и по существу унижала достоинство сирийцев [27].

* * *

Занимаясь делами, связанными с наказанием и ущербом, международная комиссия не забывала основной задачи —

[23] «Annuaire des deux Mondes 1860», 1861, t. XI, p. 548.

[24] «The Times», 18.V.1861.

[25] Донесение Бегера Лобанову 18.X.1862, — АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1310, л. 231.

[26] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 203.

[27] В этой связи нельзя не вспомнить страстное выступление в 1875 г. болгарского политического трибуна и революционера Христо Ботева по поводу деятельности английского комитета в Константинополе для оказания помощи голодающему населению Анатолии. Ботев писал, что благотворительность «лишь затыкает рот голодному, усыпляет страдающего, приучает недовольного к рабству и терпению». Связывая освобождение народов от турецкого ига с великими социальными сдвигами, Ботев призывал бороться против нужды и голода революционными методами (Х. Ботев, *Публицистика*, М., 1952, стр. 264).

разработки проекта нового политического устройства Ливана. План, который отстаивала французская дипломатия, был прост — вернуть стране политическое положение, существовавшее до 40-х годов. Французское правительство стремилось во что бы то ни стало добиться ликвидации соглашений 1842 и 1845 гг., которые подрывали позиции Франции в Ливане [28]. «По мнению французского комиссара, — писал Новиков Горчакову, — лучшее решение вопроса об устройстве Сирии это возвращение к тому порядку, который был до 1842 г., по которому весь Горный Ливан образовывал единую территорию, управляемую местным христианином. Он отдает предпочтение семейству Шихабов» [29].

Французские агрессоры хотели обеспечить маронитам все ключевые позиции в Ливане; друзов же предполагалось выселить за его пределы [30]. Такое решение вопроса обеспечило бы Франции в Ливане политическое преобладание. Вместе с тем правительство Наполеона III лелеяло идею отделения от Турции не только Горного Ливана, но и всей Сирии и образования зависимого от Франции арабского государства.

Подготовка общественного мнения к этому велась бонапартистской печатью с самого начала сирийских событий. Влиятельный журнал «Ревю де де Монд» опубликовал статью Кс. Раймонда «Сирия и восточный вопрос», в которой доказывалась необходимость отделения Сирии от Турции. Турки — иностранцы в Сирии, писал Раймонд, они не владеют там земельной собственностью и живут, как и прочие иностранцы, всего в трех-четырех городах. Султан не может больше управлять Сирией, которая является для него источником слабости и поводом к политическим скандалам. Европа не должна повторить ошибку, сделанную 20 лет назад, отобрав Сирию у египетского вице-короля и отдав ее в виде подарка султану. «После 20-летнего периода беспорядков и анархии в Сирии не в праве ли мы сказать, — вопрошал автор, — что Европа в 1840 г. не обеспечила условий для нормальной жизни Сирии?» [31]. Другой политический обозреватель предлагал учредить в Сирии правительство во главе с каким-либо европейским монархом. Он писал, что если Франция и Англия не доверяли друг другу, то они должны обра-

[28] См. Инструкцию Тувенеля Беклару 16.VIII.1860, — «Affaires étrangères...», t. I, 1860, p. 216.

[29] Донесение Новикова Горчакову 27.XII(8.I).1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 17, л. 114.

[30] Донесение Новикова Горчакову 21.IX(14.X).1860, — там же, д. 37, л. 82.

[31] X. Raymond, *La Syrie et la question d'Orient*, p. 633.

титься к нейтральному государству — Бельгии, Греции и т. д.[32].

Руководящие круги Франции в первые месяцы Сирийской экспедиции питали твердую уверенность в том, что им удастся закрепиться во всей Сирии, и обсуждали вопрос о марионеточном правительстве для своей будущей колонии. В этом нас убеждает переписка военного министра Франции с генералом Бофор д'Опулем, опубликованная французским исследователем М Эмери. В письме от 22 сентября 1860 г. военный министр развивал план образования правительства Сирии и указывал, что вполне подходящим главой будущего правительства он считает бывшего алжирского эмира Абд аль-Кадера. В следующем письме (30 ноября) министр опять назвал Абд аль-Кадера «могущественным представителем» Франции на арабском Востоке. Генерал Бофор д'Опуль разделял мнение своего начальства. Излагая свои соображения о «переустройстве Сирии», он заявлял, что дело надо начать с того, чтобы заменить турецкие власти в Дамасском пашалыке властью Абд аль-Кадера[33].

В свете этой переписки награждение Наполеоном III бывшего алжирского эмира еще в августе 1860 г. орденом Почетного легиона представляется актом политического значения[34].

Казначей экспедиции Луэ утверждал, что мароните были вполне подготовлены к тому, чтобы отделиться от Турции и при помощи Франции образовать независимое государство. В своих воспоминаниях Луэ высказывал сожаление, что этого не произошло, когда Сирия была оккупирована французскими войсками[35]. Замыслы экспансионистов в то время шли еще дальше. В письме генералу Дюкро французский посол в Константинополе Лавалетт рисовал картину «Арабской империи», созданной французами из различных княжеств Аравийского полуострова, простирающейся от Суэца до Тигра и Евфрата, с политической столицей в Багдаде и духовным центром в Мекке[36]. Но сопротивление Англии, ее господство на море делали французские мечты о создании «Арабской империи» совершенно нереальными.

Когда бонапартистское правительство увидело, что Сирийская экспедиция проходит для него неблагоприятно, оно поняло, что об установлении господства в Сирии нечего и думать и будет хорошо, если удастся утвердить свои позиции в

[32] См. «Московские ведомости», 21.VIII.1860.
[33] M. Emerit, *La crise syrienne et l'éxpansion économique française en 1860*, pp. 218, 219, 221.
[34] «La vie militaire...», t. I, p. 395.
[35] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861*, p. 402.
[36] M Emerit, *La crise syrienne et l'éxpansion économique française en 1869*, p. 221.

одном Ливане. Говоря о французских планах создания независимого от Порты маронитского государства, нельзя не указать на то, что подобные же проекты обсуждались в среде сирийских христиан. Большой интерес в этом отношении представляет арабская брошюра «Сирийский вопрос в понимании сирийца», которая была опубликована в Афинах в 1861 г. Обращает на себя внимание эпиграф, предпосланный тексту: «Надо, чтобы мы защитили себя сами, — в этом наше спасение»[37].

Сирийцев, писал автор, не устраивает ни власть турок, ни власть египтян, ни даже правительство во главе с Абд аль-Кадером. Он бросает упрек руководителям тех великих держав, которые поддерживают принцип неделимости Османской империи. Автор высказывал твердое убеждение, что «в настоящее время администрация Горного Ливана должна быть передана в руки христиан, а оккупация европейскими войсками продолжена на 15—20 лет»[38]. За это время сирийцы, по его словам, создадут собственную армию (30 тыс. человек) и подготовят в Париже и других европейских городах кадры своих гражданских и военных чиновников, которые будут руководить независимым сирийским государством. В заключение автор высказывал надежду, что Франция не отзовет своих войск, «не обеспечив жизнь и честь христианского населения Сирии»[39]. Нетрудно заметить профранцузские настроения автора. Однако приведенный документ важен как один из первых проектов создания независимой Сирии, вышедший из-под пера сирийца.

Возвращаясь к работе международной комиссии, надо сказать, что даже умеренный (в глазах французских дипломатов) проект реорганизации Ливана совершенно не устраивал Англию. В противовес ему Дафферин выдвинул свой план, которым предусматривалось превратить Сирию в вице-королевство. Ливан должен был войти в него в виде отдельного пашалыка. На пост общего правителя Сирии Дафферин выдвигал Фуад-пашу, мотивируя тем, что он пользуется большим авторитетом у европейских держав и как главнокомандующий войсками в Сирии обладает там реальной властью[40].

«Таймс» также высказывался за создание вице-королевства в Сирии, но ее правителем советовали выбрать какого-либо принца, из европейских царствующих домов (Сардинского или Неаполитанского)[41]. «Дейли Ньюс» предлагала предо-

[37] «La question de Syrie...», p. 1.
[38] Ibid., p. 14.
[39] Ibid., p. 15.
[40] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 162, p. 1873.
[41] «The Times», 22.VIII.1860.

ставить правителю Сирии те же права, какими пользовался вице-король Египта, обязав его лишь выплачивать Порте определенную сумму налогов [42].

Что же заставляло некоторых англичан выдвигать план, который ослаблял связи Сирии с Константинополем и централизовал власть в Сирии, план, против которого так решительно боролся сам Пальмерстон в 40-х годах? Основная цель такого проекта состояла в том, чтобы помешать усилению влияния Франции в Ливане, где преобладали ее сторонники — мароните. Назначение мусульманского или другого проанглийского правителя явилось бы надежным оплотом против французской политики в Сирии. Но все же этот план показался Расселу слишком опасным. В своем инструктивном письме к послу в Константинополе министр писал, что «Сирия не должна быть поставлена в положение провинции, которая в своих отношениях с султаном отличалась бы от других провинций Турецкой империи». Если Сирия получит административную свободу, замечал далее Рассел, то это послужит примером для других провинций, в результате чего может начаться всеобщее возмущение против власти султана [43]. Английское правительство, как всегда, оберегало «целостность» Турецкой империи. К тому же в Форин Оффис отдавали себе отчет в том, что идея создания вице-королевства в Сирии вызовет серьезные возражения со стороны Порты. Действительно, Али-паша в депеше (9 января 1861 г.) к турецкому послу в Лондоне Мусурусу твердо писал, что проект, «предусматривающий создать отдельное государство в Сирии, не может быть принят» [44].

Турецкий представитель в международной комиссии вообще отказался от обсуждения вопроса о политической реорганизации Сирии, заявив, что компетенция комиссии ограничена лишь пересмотром ливанского статута [45].

Турция надеялась, что в результате принятия нового статута ей удастся установить в Ливане свое непосредственное правление.

Но этот план не устраивал даже английское правительство. В связи с тем что первый проект Дафферина не был одобрен, он выступал с новым планом, в основу которого был положен принцип деления Ливана на отдельные провинции (каймакамии). Но в отличие от режима 1842 г., согласно которому Ливан делился на две каймакамии (друзскую и маронитскую), он предлагал учредить третью каймакамию для

[42] Цит. по: «Московские ведомости», 1.X.1860.
[43] «Correspondence...», pt II, p. 10.
[44] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 343.
[45] «Archives diplomatiques...», t. I, p. 270.

православного населения [46]. Усилив православный элемент за счет ослабления влияния маронитской аристократической верхушки, Дафферин рассчитывал не допустить перевеса маронитов над друзами. Идея создания особой провинции для православных жителей Ливана была связана еще с одним важным политическим расчетом: привлечь на свою сторону Россию и разрушить франко-русское сотрудничество, установившееся с самого начала сирийских событий. Из дипломатических депеш, которые Новиков посылал из Бейрута, ясно видно, что Дафферин хотел получить его поддержку против Франции [47]. В это время английской дипломатией предпринимались определенные шаги для сближения с Россией. 14 ноября 1860 г. английский посол в Турции Бульвер вручил русскому посланнику Лобанову-Ростовскому ноту, в которой говорилось о предложении английского правительства сотрудничать с Россией в деле улучшения положения христианского населения европейских провинций Турции. Английская дипломатия знала, что постановка этого вопроса должна заинтересовать Россию, которая несколько месяцев назад так настойчиво стремилась включить пункт о положении балканских христиан в протокол 3 августа 1860 г. И если раньше англичане выступали против этого пункта, то теперь они выражали готовность пойти навстречу желаниям русского правительства. Получив донесение от Лобанова-Ростовского о предложении английского правительства созвать европейскую конференцию, чтобы обсудить вопрос о реформах для балканских христиан, Горчаков ответил, что русское правительство готово принять в ней участие [48]. Обмен мнениями относительно совместных действий России и Англии на Востоке имел место и в Петербурге.

1 апреля 1861 г. Горчаков в личном письме Бруннову сообщал о беседе с английским послом Ф. Нейпиром, который высказал пожелание о «тесном сближении» Англии с Россией. «Начнемте с этого, — сказал английский дипломат, — потом мы можем пойти дальше» [49]. Правда, в Петербурге не питали большого доверия к английским государственным деятелям. В письме к Бруннову от 29 апреля Горчаков замечал, что было бы наивно верить в добрые чувства лондонского кабинета к России. Однако вместе с тем он указывал, что русское правительство заинтересовано в сближении с Англией и что

[46] «Correspondence...», pt II, p. 2.
[47] Донесение Новикова Горчакову 22.IX(4.X).1860, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 82.
[48] Депеша Горчакова Лобанову 17.XII.1860, — там же, д. 44, л. 117.
[49] Личное письмо Горчакова Бруннову 1.IV.1861, — там же, д. 90, л. 417.

«в настоящее время к этому есть определенные предпосылки»[50].

Все это свидетельствовало об изменении соотношения сил в международной комиссии. Россия перестала оказывать безоговорочную поддержку Франции и устанавливала контакты с противником ее сирийской политики — Англией. Изменение русского курса было следствием неуспеха русско-французских переговоров о союзе, которые, как известно читателю, велись с начала 1860 г. Помимо того, при разработке политического режима Ливана у русского правительства были свои цели, шедшие вразрез с планами французской дипломатии. И скоро обнаружилось, что русское правительство не намерено в угоду Франции отказаться от борьбы за их осуществление.

Направляясь в Бейрут, Новиков получил инструкцию выступить в пользу предоставления прав православным жителям Ливана[51].

В связи с тем что второй английский проект соответствовал интересам русского правительства, Горчаков дал указание его поддерживать[52]. Французский представитель выступил против создания православной каймакамии. Лобанов-Ростовский сообщал, что французский комиссар относится даже более терпимо к учреждению каймакамии для друзов, чем для православных[53]. В этом не было ничего удивительного, ибо учреждение отдельной административной единицы для населения, принадлежавшего к православной церкви, ослабило бы позиции маронитской церкви в Ливане.

Таким образом, на первом этапе работы комиссии борьба развернулась вокруг двух проектов устройства Ливана. Один из них—французский, в основу которого был положен принцип создания единой области во главе с христианским, местным правителем. Другой — англо-русский — предусматривал деление Ливана на три каймакамии. Последний проект поддерживало большинство членов комиссии. Руководители внешней политики Франции применяли все средства дипломатического нажима, чтобы добиться осуществления своего проекта. Русский посол в Париже Киселев писал Горчакову, что министр иностранных дел горько жаловался на «расхождение мнений у французского и русского комиссаров в Бейруте». По словам Тувенеля, известие об этом просто «ошеломило»

[50] Личное письмо Горчакова Бруннову 29.IV.1860, — там же, л. 435.
[51] Донесение Лобанова Горчакову 30.VIII(11.IX).1860, — там же, д. 42, л. 658.
[52] Депеша Горчакова Лобанову 2.XII.1860, — там же, д. 44, л. 107.
[53] Донесение Лобанова Горчакову 21.III(2.IV).1861, — там же, д. 35, л. 315.

его[54]. 16 февраля 1861 г. Тувенель через посла в Петербурге Монтебелло обратился к Горчакову, призывая его отказаться от системы трех каймакамий. Он убеждал канцлера, что лучший способ создать хорошее управление в Ливане — возврат к единой христианской власти в этой стране[55].

Тувенель обратился также к правительствам Англии, Австрии и Пруссии, настойчиво доказывая целесообразность и правильность французского проекта[56]. Однако все усилия французского правительства наталкивались на упорное сопротивление Англии, категорически высказывавшейся против единого местного правителя.

20 марта 1861 г. комиссия окончательно отвергла выдвинутое Францией предложение и утвердила проект статута для Горного Ливана. Основные положения этого проекта сводились к следующему: страна делится на три каймакамии (маронитскую, друзскую и православную). Каждую каймакамию возглавляет местный правитель, выбираемый населением и утверждаемый Портой. В каймакамиях учреждаются местные полицейские корпуса (из расчета пять полицейских на тысячу жителей). Провозглашается равенство всех перед законом и уничтожение феодальных привилегий[57].

Французский комиссар Беклар также подписал этот документ, но представил комиссии записку с особым мнением. Он осуждал принятую большинством политическую систему для Ливана, считал ее глубоко порочной. Он высказывался против друзской каймакамии на том основании, что на ее территории проживает много христиан, и против создания православной каймакамии, так как в ней наряду с греками-ортодоксами проживают греки-униаты и мароните. Беклар продолжал настаивать на принятии политического устройства, основанного на принципе единой христианской власти, принципе, который, по его утверждению, соответствует интересам огромного большинства ливанского населения[58].

Записка Беклара означала, что французская дипломатия решила не сдавать своих позиций. Действительно, французский министр иностранных дел удвоил свои усилия. Он обратился с двумя циркулярными письмами (2 и 4 апреля 1861 г.) к правительствам Англии, России, Австрии и Пруссии. В этих письмах Тувенель пространно излагал точку зрения французской дипломатии относительно политической системы, необходимой для Ливана. Он выдвигал прежние аргументы в пользу

[54] Донесение Киселева Горчакову 24.IV(6.V).1861, — там же, д. 121, л. 314.
[55] «Affaires étrangères...», t. II, 1861, p. 41.
[56] Ibid., p. 43.
[57] См. «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 360.
[58] «Correspondence...», pt II, p. 22.

единой христианской власти, стремился доказать практическую невозможность деления Ливана на три каймакамии и запугивал возникновением новых друзско-маронитских столкновений в случае реализации проекта, принятого комиссией.

Новым в циркуляре от 4 апреля по сравнению с прежней позицией французского правительства был отказ от кандидатуры Шихаба, «хотя (как выразился Тувенель. — *М. П.*) она и является очень подходящей» [59].

Дипломатический натиск Франции оказал, видимо, определенное воздействие на державы. Было принято во внимание и то, что единое управление должно было способствовать скорейшему восстановлению мира в стране. Комиссия вынесла наконец решение в пользу единой власти.

Разумеется, речь шла о правителе-христианине. На этот счет комиссары имели твердые инструкции, запрещавшие им признать в качестве правителя мусульманина [60]. Но разногласия не прекратились. Теперь стороны никак не могли прийти к соглашению, кого же следует назначить правителем Ливана.

Заявление Тувенеля в циркуляре 4 апреля о том, что Франция не будет настаивать на Шихабе, было простой дипломатической уверткой. Французское правительство не собиралось выполнять своего обещания и продолжало бороться за то, чтобы правителем был Меджид Шихаб, внук и прямой наследник эмира Бешира II. В пользу этого кандидата развернул кипучую деятельность командующий французским экспедиционным корпусом генерал Бофор д'Опуль. Свободный от своих обязанностей командующего (никаких военных действий французы не вели), генерал с головой окунулся в политические интриги. Он разъезжал по стране, произносил речи, руководил петиционной кампанией. Большую помощь французам в сборе подписей в пользу эмира Меджида оказывал и маронитский епископ Тобиа.

В конце апреля 1860 г. в Бейруте появилась петиция с 400 подписями, обращенная к европейским правительствам и Турции. Содержание петиции свидетельствовало о том, что она является делом рук французов. Петиционеры требовали создать правительство, которое «обеспечит спокойствие на Ливане», залог чему они видели в возвращении к старому порядку, т. е. к созданию единого христианского правительства во главе с Шихабом. Ему они обещали повиноваться как представителю султана [61].

Аналогичные петиции, число подписей под которыми дохо-

[59] «Affaires étrangères...», t. II, 1861, p. 49.
[60] «Recueil des traités de la Porte Ottomane...», t. VI, p. 380.
[61] E. Louet, *Expédition de Syrie,* p. 353.

дило до 20 тыс., вскоре стали появляться в различных районах Ливана. Эти петиции раздражали турецкое правительство. 16 мая 1861 г. в Бейруте было опубликовано распоряжение Фуад-паши, запрещавшее петиционную кампанию под угрозой расстрела составителей петиций и тюремного заключения тех, кто их подписывает [62].

Кроме Шихаба у французов на пост ливанского правителя была еще одна кандидатура, которую интенсивно поддерживали миссионерские организации. Они выступали за выходца из феодальной маронитской семьи — Юсуфа Карама. Воспитанный иезуитами, Юсуф Карам казался католическим деятелям, которые подвизались в Сирии, надежным проводником их воли. Орган французских католиков «Ами де ла релижион» всячески пропагандировал этого «молодого и преданного сторонника католической веры» [63]. Сочувственно относились к Юсуфу Караму и некоторые офицеры французского экспедиционного корпуса. Например, генерал Дюкро в своих письмах из Бейрута уделял много места этому маронитскому лидеру, указывая на его образованность, энергию и, главное, преданность Франции [64]. Но большим влиянием среди маронитских шейхов Юсуф Карам не пользовался. Зная это, Фуад-паша удовлетворил требование маронитских кругов и еще в ноябре 1860 г. назначил Карама временным каймакамом маронитов. Но Карама вызвал недовольство феодальной знати и вскоре был смещен. После отставки Юсуфа Карама его кандидатура на пост правителя стала нежелательной даже для его приверженцев [65].

В конце концов Франция остановилась на кандидатуре Шихаба.

Но против Меджида Шихаба решительно возражала Англия. Рассел давал твердые указания Бульверу добиваться того, чтобы во главе Ливана стоял христианин, не являющийся местным уроженцем [66]. В беседе в Брунновым Рассел заявил, что он категорически выступает против избрания правителя из среды маронитов потому, что маронит будет покровительствовать лишь представителям латинской церкви и пренебрегать интересами других религиозных общин. Кроме того, назначение одного из членов семейства Шихабов, находящегося

[62] Ibid., p. 377.
[63] Цит. по: M. Emerit, *La crise syrienne et l'éxpansion économique française en 1860,* p. 229.
[64] «La vie militaire...», t. I, p. 434.
[65] Но Карам не отказался от притязаний на власть. В 1861 г. он начал интриговать против первого губернатора Ливана. Дело кончилось тем, что по распоряжению турецкого правительства Карам был выслан из пределов Ливана. Умер он в Италии в 1889 г.
[66] «Correspondence...», pt II, p. 33.

под покровительством Франции, усилит влияние последней в Сирии. Настаивая на христианском, но не местном правителе, Рассел конфиденциально выдвинул кандидатуру Вогоридеса, сына бывшего князя острова Самоса. Этот молодой человек временно выполнял дипломатические функции в Лондоне и, как полагал Бруннов, был связан с английскими политическими кругами [67]. Чтобы подорвать пропаганду французов в пользу Шихаба в Ливане, англичане, подобно своим противникам, прибегали к практике сбора петиций. Одна из таких петиций была направлена Дафферином в Лондон. Петиционеры высказывались против назначения Шихаба правителем Ливана и заявляли, что друзы ему подчиняться не будут. Под этой бумагой стояло 49 подписей, в их числе фигурировали фамилии известных друзских шейхов [68].

В бейрутской комиссии Дафферин требовал, чтобы в проекте регламента было оговорено, что ливанским губернатором будет «христианин, но не местный житель» [69].

Не одобряла предложение о местном правителе и русская дипломатия. Царское правительство не хотело, чтобы монопольное положение в Ливане заняла маронитская церковь. Кроме того, Лобанов и Новиков считали, что эмир Шихаб недостаточно влиятелен и может «сохранить власть только опираясь на постоянную оккупацию» [70]. Австрийский и прусский комиссары также высказались против местного правителя.

Эта неблагоприятная для французов расстановка сил в комиссии по основному спорному вопросу нашла отражение в новом проекте статута, принятом комиссией 1 мая 1861 г. Он состоял из 16 статей. В 1-й статье проекта было записано, что во главе Ливана должен стоять один христианский правитель, назначаемый турецким правительством, не из местного населения. При правителе создается центральный совет из 12 членов, по два представителя от каждой религиозной общины. Учреждалось шесть административных округов. Глава каждого округа должен был принадлежать к религии, которой придерживалось большинство жителей данного округа. В округах учреждались советы из 3—6 человек — представителей различных слоев населения. Как и в первом проекте, полицейский корпус должен был набираться из местного населения [71].

---

[67] Донесение Бруннова Горчакову 16(28).V.1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 88, л. 331.

[68] «Correspondence...», pt II, p. 8.

[69] Донесение Новикова Горчакову 27.XII.(8.I).1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 17, л. 114.

[70] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову 25.IV(7.V).1861, — там же, д. 35, л. 422.

[71] «Correspondence...», pt II, p. 75.

Итак, новый проект не мог удовлетворить Тувенеля. Правда, он был доволен уже тем, что комиссия пришла к решению о назначении одного правителя. Дискуссию о правителе французская дипломатия решила продолжить в Константинополе, где предстояло утвердить проект ливанского статута на заседании послов пяти держав и получить официальную санкцию султана Абдул Меджида.

В Константинополе состоялось несколько подготовительных собраний и три официальных заседания послов (Англию представлял Бульвер, Францию — Лавалетт, Россию — Лобанов-Ростовский, Австрию — Прокеш-Остен, Пруссию — Гольц, Турцию — Али-паша). Направлять ход этих переговоров стремился английский посол. Сменивший Стрэтфорд-Рэдклиффа Генри Бульвер, так же как и его предшественник, имел большое влияние на султана [72]. Но дипломатические приемы Бульвера были иными. Там, где Рэдклифф, замечает английский исследователь Г. Темперли, применял силу, Бульвер действовал более тонко и искусно. «Он большой интриган», — писал о Бульвере Пальмерстон, знавший его близко [73].

Английскому послу предстояло употребить все свое искусство, чтобы помешать французской дипломатии одержать победу в вопросе о будущем правителе Ливана. По этому поводу Бульвер имел ряд бесед с Лобановым-Ростовским, желая заручиться его поддержкой [74]. Одновременно с Лобановым-Ростовским вел переговоры и Лавалетт, который пытался установить, будет ли Петербург поддерживать французскую точку зрения. Русский посол отвечал коротко, что Россия не будет «упускать из вида своих интересов». Он разделял мнение Бульвера, что назначение Шихаба ливанским правителем приведет к тому, что Франция вытеснит все другие державы из Сирии [75].

Первое неофициальное совещание послов состоялось 22 мая во французском посольстве, и сразу же начались острые дебаты о правителе. Бульвер и Лобанов-Ростовский выступили против избрания на пост губернатора ливанца. Прусский посол не высказал своего мнения, так как не получил еще соответствующих инструкций из Берлина. Лавалетта поддержал только австрийский посол. В это время Тувенель обратился в петербургский кабинет с настоятельной просьбой поддержать в Константинополе Лавалетта. После некоторых колебаний Горчаков счел возможным дать указание Лобанову-Ростовскому выступить в пользу французского предложе-

---

[72] Г. Бульвер занял пост английского посла в Турции в 1858 г.

[73] H. Temperley, *British policy...*, p. 161.

[74] Донесение Лобанова-Ростовского Горчакову 9(21).V.1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 35, л. 476.

[75] Там же.

ния. Окрыленный благоприятным результатом своего демарша, Тувенель написал Лавелетту, что он может «отступить от пункта „местный правитель“ только в самом крайнем случае» [76].

31 мая в резиденции великого везира состоялось официальное собрание представителей пяти европейских держав. Али-паша заявил, что Порта будет обсуждать только проект от 1 мая. Вслед за тем Али-паша и Бульвер выступили с декларацией, направленной против местного правителя. Лавелетт с жаром отстаивал свою позицию. Лобанов-Ростовский, Прокеш-Остен и Гольц заявили, что против избрания ливанца губернатором их правительства не возражают. Шестичасовые прения, проходившие в чрезвычайно напряженной обстановке, закончились неожиданным образом. По предложению прусского посла был принят пункт, в котором слова о «неместной власти» вообще исключались из проекта статута. Лавалетт был вынужден согласиться с этим, понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Формулировка Гольца позволяла отступить, сохраняя видимость того, что французская дипломатия не потерпела полного поражения.

Таким образом, пункт о том, что правитель Ливана должен быть обязательно его уроженцем, был теперь окончательно отвергнут. В секретной телеграмме Горчакову Лобанов-Ростовский указывал, что такой результат дала «непоколебимая оппозиция Англии», с которой французский кабинет боялся довести отношения до полного разрыва [77].

После того как предложение Гольца было принято, открылась дискуссия по вопросу об условиях отзыва правителя Ливана. Английский посол требовал, чтобы он был сменяем как простое должностное лицо; прусский — чтобы он отзывался только в том случае, если будет осужден; французский посол настаивал, чтобы правитель назначался на три года и в течение этого срока не мог быть сменяем без согласия европейских держав. Послы разошлись, не приняв по этому вопросу, никакого решения.

На втором официальном заседании (6 июня) в центре обсуждения стоял вопрос, поднятый Али-пашой, о праве турецкого правительства вводить свои войска в Ливан, так же как это делалось в отношении других провинций Османской империи.

Английский посол активно поддержал это требование под предлогом обеспечения в стране спокойствия. Открывая дорогу для турецких войск в Ливан, английская дипломатия

[76] «Affaires étrangères...», t. II, 1861, p. 53.

[77] Секретная телеграмма 19(31).V.1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 37, л. 51.

хотела предотвратить возможность возбуждения вопроса о новой европейской интервенции. По существу это облегчило бы Порте борьбу с освободительным движением в Ливане.

Однако тут англо-турецкую дипломатию постигла неудача. Пункт о вводе турецких войск в Ливан был отвергнут большинством [78].

На третьем заключительном заседании (9 июня), прежде чем подписать уже почти готовые документы, послы обсуждали вопрос о границах образуемой автономной области. Турция и Англия стремились к тому, чтобы ее размеры были возможно меньше. По предложению председателя собрания Али-паши, поддержанного Дафферином, было решено, что в пределы Горного Ливана не войдут населенные христианами пункты Рашайа и Хасбайа, долина Бекаа и г. Баальбек, а также расположенная вблизи Захлы деревня Муаллака [79].

Из сферы действия статута исключались Бейрут и Триполи как важные порты, имеющие общесирийское значение, и большой политический и торговый центр Ливана — Сайда, который должен был остаться административным центром Сайдского пашалыка.

В тот же день послы пяти европейских держав и турецкий везир подписали протокол, в котором говорилось, что проект статута Ливана, выработанный международной комиссией и подписанный 1 мая 1861 г., будет преобразован в окончательный статут и обнародован в форме фирмана турецкого султана. В протоколе указывалось, что губернатором Ливана должен быть христианин, назначаемый Портой и непосредственно ей подчиняющийся. Он будет иметь титул мушира [80], его резиденцией утверждался Дейр эль-Камар. Устанавливался трехгодичный срок полномочий губернатора. Отзыв губернатора производится не иначе, как по судебному решению [81].

Одновременно с протоколом был подписан так называемый Органический статут (Reglement organique), состоявший из 17 статей [82].

Рассмотрим его содержание. Статья 1-я, вызвавшая наиболее острые разногласия, была сформулирована так: «Во главе администрации Ливана будет поставлен христианский губернатор, назначаемый высокой Портой и непосредственно ей подчиненный». Далее шло перечисление функций губернатора. Они сводились к поддержке порядка и общественного

[78] «Annuaire des deux Mondes 1861», 1862, t. XI, p. 551.

[79] Ibid., p. 552.

[80] Это означало, что права губернатора Горного Ливана будут равнозначны правам пашей Сайдского и Дамасского пашалыков.

[81] Впоследствии срок полномочий губернатора был продлен до пяти лет. Фактически губернаторы назначались на срок до десяти лет.

[82] «Affaires étrangères...», t. II, 1861, pp. 63—69.

спокойствия, сбору налогов, назначению административных агентов, созыву центрального меджлиса (Совета).

В статье 2-й говорилось об учреждении центрального меджлиса, в составе 12 членов, по два представителя от каждой религиозной группы (марониты, друзы, православные мусульмане, мутуали, униаты). На центральный меджлис возлагались обязанности распределять налоги, контролировать доходы и расходы и высказывать свое мнение по всем вопросам, которые будут поставлены перед ним губернатором.

Статья 3-я устанавливала деление Горного Ливана на шесть административных округов: Кура; Кесруан, северная часть Ливана, исключая Куру до р. Нахр эль-Кальб; Захла и прилегающая к ней территория; Метен, включая христианскую Сахаль-Бейрут, Солима и Ката; Шуф — территория, расположенная на юг от дороги на Дамаск, до Джиззина, включая Джурд; Джиззин вместе с Туфахом»[83].

Перечень этих округов дает возможность установить пределы вновь образованной автономной области. Усилия англо-турецкой дипломатии, направленные к тому, чтобы сузить ее рамки, не остались тщетными. Из поля действия нового статута исключались земли Южного и Восточного Ливана, а также значительная часть побережья. Статут распространялся на Горный Ливан, включая небольшой отрезок береговой полосы в районе Джунии[84].

Во главе каждого округа должен был стоять «административный агент» (каймакам), отражающий интересы земельных собственников данного округа и назначаемый губернатором из лиц, принадлежащих к господствующему в данном округе вероисповеданию. В статье говорилось, что каймакам отражает интересы земельных собственников данного округа.

Следовательно, Куру должен был возглавить православный, Кесруан, Метен и Джиззин — маронит, Шуф — друз, Захлу — грек-униат.

По статье 4-й в каждом округе учреждается местный меджлис в составе трех-шести членов, представляющих различные религиозные группы населения. Здесь так же подчеркивалось, что местные меджлисы обеспечивают интересы земельных собственников данного округа.

Упоминание об интересах земельных собственников в статьях 3-й и 4-й статута свидетельствовало о том, что его составители меньше всего думали об основной массе населения — феллахах и делали ставку на местных землевладельцев.

[83] Автономная область Горный Ливан имела 145 *км* в длину и 45 *км* в среднем в ширину, общей площадью около 6500 *кв. км*. В ней насчитывалось 930 населенных пунктов, проживало около 400 тыс. человек(V. Cuinet, *Syrie, Liban et Palestine,* pp. 203, 210).

[84] «Affaires étrangères...», t. II, 1861, p. 63.

Статья 6-я провозглашала равенство перед законом и отмену всех феодальных привилегий, в том числе тех, которые принадлежали мукатааджиям. Цель данной статьи сводилась к ограничению феодального произвола и должна быть расценена как завоевание массового крестьянского движения 60-х годов. Речь шла главным образом об упразднении судебно-административных прав местных феодалов. Вместе с тем было бы неверно считать (как это делают некоторые представители французской и ливанской историографии), что статут уничтожил феодальный режим в целом[85]. В 1861 г. в Ливане было отменено лишь условное феодальное землевладение, но безусловное феодальное землевладение полностью сохранялось.

Целый ряд статей статута (7, 9, 10, 12) отводился судопроизводству. В каждом округе учреждался судебный меджлис в составе от трех до шести членов, представляющих различные слои населения. Кроме того, создавался высший судебный меджлис, из 12 членов, по два человека от каждой религиозной группы. К ним присоединялись представители протестантского и иудейского культов в тех случаях, когда член этих общин участвовал в процессе. Торговые дела подлежали компетенции особого коммерческого суда в Бейруте. Вводился институт мировых судей. Последние назначались правителем из среды шейхов.

Статья 15-я касалась вопроса организации полиции. В обычное время для поддержания порядка и исполнения законов в распоряжении губернатора должен быть полицейский отряд, комплектуемый путем вольного найма из расчета по семи полицейских на тысячу жителей. В случае особой надобности губернатор может просить у военных властей Сирии помощи регулярных турецких войск. Эти войска обязаны немедленно покинуть область, как только правитель объявит, что цель, ради которой они были призваны, достигнута.

В статье 16-й говорилось, что Порта сохраняет право получения с Горного Ливана 3500 кошельков налога[86]. Эта сумма может быть увеличена Портой, если обстоятельства этого потребуют, до 7 тыс. кошельков.

Следовательно, в султанскую казну налоги должны были поступать в прежних размерах. Более того, турецкому правительству предоставлялось право увеличить их сумму вдвое.

Таковы были основы нового политического устройства Горного Ливана. Спустя три года, 6 сентября 1864 г., в Константинополе представителями пяти европейских держав (Анг-

[85] См. A. Ismail, *Histoire du Liban...,* t. IV, p. 379; R. Ristelhueber, *Les traditions françaises au Liban,* p. 33 и др.

[86] К о ш е л е к — денежная единица, ходившая в Турции; равнялась 500 пиастрам (от 135 до 165 фр.) по курсу середины XIX в.

лия, Франция, Россия, Австрия, Пруссия) и Турции был подписан еще один договор по ливанскому вопросу. Новым в договоре 1864 г. было учреждение 7-го административного округа (Батрун), а также введение некоторых дополнительных пунктов относительно состава центрального меджлиса и организации судов[87]. Эта политическая система сохранялась в Ливане вплоть до первой мировой войны.

После того как протокол 1861 г. был подписан, члены международной комиссии вернулись в Бейрут, чтобы проследить за учреждением нового ливанского правительства и закончить с нерешенным в то время еще вопросом о возмещении убытков пострадавшим. Одновременно с комиссией в Бейрут прибыл утвержденный Портой первый правитель Ливана Дауд-паша. Армянин по национальности и католик по религиозной принадлежности, Дауд-паша занимал до своего нового назначения довольно крупный пост в турецкой администрации. Он был генеральным директором почт, а ранее (в 50-х годах XIX в.) турецким поверенным в делах в Берлине. Он выполнял также различные дипломатические миссии в Париже и Лондоне. Кандидатура Дауд-паши возражений со стороны держав не встретила.

В июле 1861 г. он был облечен полномочиями и приступил к своим новым обязанностям[88].

Сирийская комиссия продолжала еще некоторое время существовать, но заметной роли более не играла.

Какое же значение имел Органический статут и какая из соперничающих держав получила больше выгод от нового политического устройства Ливана?

По сравнению с политической системой 1845 г. статут 1861 г. имел некоторые преимущества. Он предоставлял автономию Горному Ливану — области, где христианское население составляло большинство.

Деление Ливана на маронитскую и друзскую каймакамии, создававшее почву для постоянных междоусобных столкновений, теперь ликвидировалось. Губернатор-христианин, хотя и являлся ставленником Порты, должен был считаться с интересами местного населения. Его политическое значение было больше того, какое имели прежние каймакамы — наместники турецких пашей. Турецкому правительству не удалось, таким образом, привести в исполнение свой замысел — поставить Ливан под свое непосредственное управление.

Прогрессивной стороной статута также было, как уже говорилось, ограничение феодального произвола.

[87] Договор 6 сентября 1864 г. опубликован П. Альбеном (P. Albin, *Les grandes traités politiques*, p. 252).

[88] Дауд-паша был губернатором Ливана с 1861 по 1868 г.

Вместе с тем Органический статут не мог полностью удовлетворить нужды ливанского населения. Получив некоторое самоуправление, Ливан, как и раньше, оставался под турецким ярмом, на него распространялись реакционные турецкие законы. Не были также затронуты позиции европейского капитала в Ливане. Более того, статут официально закреплял вмешательство держав во внутреннюю жизнь страны.

Основы феодального режима в Ливане не подверглись существенным изменениям. Крупная феодальная земельная собственность оставалась господствующей формой землевладения.

Ни освобождения от гнета налогов, ни земли неимущие феллахи не получили. Их уделом оставалось бесправие, нищета и тяжелый труд, обогащавший ливанских феодалов и европейских капиталистов. Как только прекратились межрелигиозные столкновения, крупные землевладельцы, пользуясь поддержкой французских войск, стали добиваться восстановления своих «прав». Крестьянское восстание в Кесруане было подавлено. Изгнанные народом маронитские шейхи вернулись в Кесруан и вновь вступили во владение своими поместьями[89].

Дискуссию, развернувшуюся по вопросу разработки статута (апрель—май 1861 г.) можно рассматривать как третий этап дипломатической борьбы, связанной с Сирийской экспедицией. Если на первой и второй Парижских конференциях французской дипломатии удалось добиться частичных успехов, то на третьем этапе Франция оказалась в проигрыше. Задача бонапартистской дипломатии сводилась к тому, чтобы поставить во главе Горного Ливана аристократическое семейство Шихабов. По выражению Лобанова-Ростовского сирийский вопрос для Франции заключался в двух словах — «реставрация Шихабов»[90]. Поскольку этот план провалился, статут 1861 г. не принес Франции никакой выгоды. Весьма показательным было сообщение правительственного органа «Монитер» о принятии Ливанского статута. Газета воздержалась от оценки этого важного документа, при разработке которого французской дипломатией было приложено столько усилий. Она ограничивалась сообщением, что султан одобрил новую организацию Горного Ливана и назначил его правителя[91]. Следовательно, путь для установления монопольного политического влияния Франции в Ливане и Сирии был еще закрыт.

В вопросе политического устройства Ливана несомненную победу одержала английская дипломатия. Действуя гибко,

[89] C. Rochmonteix, *Le Liban et l'éxpedition française en Syrie*, p. 163.

[90] Депеша Лобанова-Ростовского Горчакову 30.V(11.VI).1861, — АВПР, ф. «Главный архив, V-А$_2$», д. 104, л. 9.

[91] «Le Moniteur», 22.VI.1861.

решительно отстаивая свои позиции и пытаясь внести раскол в блок своих противников (попытки установить контакты с Россией), Англия не допустила главной для себя опасности — увидеть Ливан под «опекой» Франции. Сохранение Ливана в пределах Османской империи соответствовало целям традиционной политики Англии.

Что касается России, то Органический статут предоставлял ей некоторые преимущества. Учреждение отдельного православного округа — Куры открывало возможности для усиления влияния русской церкви и укрепления престижа царского правительства в Ливане. Русская печать в целом одобряла новое устройство Ливана, видя в нем прежде всего ослабление турецкой власти над христианским населением. «Эта превосходная комбинация, — писало «Время», — тем только неудобна для Турции, что исламизм сильно страдает... Но для христиан это прекрасно, и теперь остается устроить точно такой же порядок в европейских христианских областях Турции и устроить немедленно» [92].

Решение ливанского вопроса вполне удовлетворяло и Австрию. Несмотря на то что австрийцы под нажимом парижского кабинета и оказали некоторую поддержку французской дипломатии в Константинополе, утверждение в Ливане французских ставленников — Шихабов было опасно для Габсбургской монархии. В случае выделения Ливана из Османской империи (что было целью французского правительства) мог бы создаться прецедент для отпадения других турецких провинций, в частности стран Балканского полуострова. Австрийский император противился освобождению славян от турок, не желая иметь опасный пример для своих славянских подданных.

* * *

В то время как в Константинополе совершалась церемония подписания Органического статута, в Бейруте происходила эвакуация французских войск.

Решение об эвакуации было принято французским правительством не без колебаний и внутриполитической борьбы.

Совершив осенью 1860 г. бесплодный в военном отношении поход по Ливану, войска в полном бездействии стояли в окрестностях Бейрута. И все же Наполеону III выводить войска из Сирии явно не хотелось. В марте 1861 г. Э. Тувенель пытался получить согласие держав на продление экспедиции до «установления порядка» в стране, другими словами, на бессрочную оккупацию. Не достигнув этого, сразу же после

[92] «Политическое обозрение», — «Время», № 6, стр. 78.

окончания второй Парижской конференции Тувенель начал, по выражению Киселева, «заниматься изысканием способов, которые позволили бы ему продлить срок и после 5 июня» [93].

Активная кампания за продление срока оккупации была развернута агентами французского правительства и в самой Сирии. Было важно представить дело так, что инициатива продолжения экспедиции якобы исходит от сирийского населения.

30 марта 1861 г. на имя представителей пяти европейских держав, участников только что закрывшейся второй Парижской конференции, была направлена петиция, составленная европейскими промышленниками и торговцами, проживавшими в Сирии. Петиционеры просили державы продлить оккупацию «вплоть до полной реорганизации страны». Посылая в Константинополь Бульверу копию этой петиции, Дафферин утверждал, что ее подписали только французские и греческие коммерсанты, и просил не придавать ей большого значения [94].

Некоторое время спустя была составлена еще одна петиция, адресованная членам международной комиссии. Ее подписали французские, английские, австрийские и другие представители торговых кругов в Сирии. Свое ходатайство о продлении военной оккупации они аргументировали заботой об общественном спокойствии, столь необходимом для нормальных торговых операций. Дафферин, считавший и эту петицию «делом рук французов», был вне себя от того, что в числе ее подписавших были и англичане. Последние, получив суровый выговор от английского комиссара, обратились к нему с письмом, объясняя мотивы своего поступка напряженным положением в стране и серьезными опасениями за свои материальные интересы [95].

В агитационной кампании за продолжение французской экспедиции активное участие принял генерал Бофор д'Опуль. В пасхальные дни (март 1861 г.) он дал указание провести для местных жителей массовые богослужения, во время которых маронитские священники слова молитвы чередовали с обращением к французскому императору не уводить войска из Сирии [96]. В апреле 1861 г. генерал совершил инспекционную поездку по Ливану и Антиливану с явно политическими целями. Бофор д'Опуль усиленно заигрывал с друзами: останавливался в их домах на ночлег, беседовал с шейхами и т. д. По словам Луэ, все это предназначалось для того, чтобы

[93] Донесение Киселева Горчакову 13(25).III.1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 123, л. 72.

[94] «Correspondence...», pt II, p. 28.

[95] Ibid., p. 39.

[96] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861,* p. 328.

убедить общественное мнение Европы в способности французского правительства достигнуть взаимопонимания с друзьями и установить спокойствие в стране, если бы державы согласились продлить военную оккупацию Сирии на двух- или трехлетний срок[97]. Одним словом, французы всячески старались доказать необходимость продления срока экспедиции.

В начале мая 1861 г. Тувенель пригласил к себе английского посла и сказал ему, что он «опасается катастрофы в том случае, если войска будут выведены из Сирии». Министр сослался на последние сообщения о кровавых инцидентах и на то, что комиссия еще не закончила свою работу. Не забыл упомянуть он также и о петициях маронитов и европейских коммерсантов.

Этот разговор Каули решительно пресек. Как обычно в подобных случаях, он отвечал, что Порта сама в состоянии поддержать порядок и что пребывание иностранных войск в Сирии только этому препятствует[98]. Позиция английского правительства была непреклонна — эвакуация должна завершиться в назначенный срок. После этого Тувенель беседовал с Киселевым. Ему нужно было выяснить, не проявит ли Россия инициативу в постановке перед европейской дипломатией вопроса о продлении Сирийской экспедиции. «Если бы все державы заявили, — сказал Тувенель русскому послу, — что они предлагают нам продолжить оккупацию, то вопрос о конфликте (с Англией. — *М. П.*) был бы снят». Но Киселев дал понять, что русское правительство ничем не может помочь Франции[99]. Так неуспешно закончились новые дипломатические шаги Тувенеля в целях продления срока экспедиции.

Между тем настойчивое желание Франции затянуть оккупацию Сирии вызвало энергичный протест Англии.

При обсуждении сирийских дел в парламенте (10 мая 1861 г.) требование эвакуации французских войск было основным мотивом всех выступлений. В палате лордов Стрэтфорд-Рэдклифф предложил резолюцию, в которой высказывалось резкое порицание французской политики в Сирии и говорилось, что палата выступает против продления срока экспедиции, каким бы коротким он ни был[100]. Внимание палаты общин к тому же вопросу привлек Фергюссон. Отвечая последнему, Рассел заявил, что английское правительство имеет все основания рассчитывать на добрую волю императора и ожидает от него выполнения взятых на себя обязательств[101].

[97] Ibid., p. 343.
[98] «Correspondence...», pt II, p. 41.
[99] Донесение Киселева Горчакову 24.IV(6.V).1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 121, л. 313.
[100] «Hansard...», 3-rd ser., vol. 162, p. 1824.

Парламентская дискуссия должна была воздействовать на правительство Наполеона III, убедить его в том, что Англия не позволит французским войскам дольше оставаться в Сирии.

Опасаясь, что в случае новых инцидентов в Сирии Франция получит предлог для задержки там своих войск, английское правительство дало адмиралтейству строгие указания принять все меры к тому, чтобы этого не случилось. На командующего английскими военно-морскими силами у берегов Сирии адмирала Монди была возложена обязанность усилить состав экипажей и обеспечить в случае необходимости высадку матросов, чтобы «оказать покровительство христианам». В Англии была снаряжена новая эскадра, которая получила приказ немедленно идти к сирийским берегам и курсировать там до конца лета[102]. Английское военное министерство довело число войск на Мальте до 8 тыс. В европейской печати запестрели сообщения о том, что англичане готовятся занять какой-нибудь прибрежный пункт Сирии. Чаще всего называли Акру — порт-крепость, расположенную между Суэцом и Бейрутом. «Считают достоверным, — писали „Московские ведомости", — что турецкое правительство соглашалось на занятие этой крепости войсками адмирала Монди в случае, если бы французы продлили пребывание своих войск в Сирии»[103].

Все эти военные мероприятия и поднятая вокруг них прессой шумиха имели цель запугать Францию возможностью военного конфликта. Таким образом, в борьбе против французской колониальной экспансии на Ближнем Востоке, английское правительство применяло все средства давления, как дипломатические, так и военные.

Убедившись, что в сирийском вопросе Англия не пойдет ни на какие уступки, французское правительство приняло решение прекратить оккупацию Сирии.

3 мая 1861 г. Тувенель направил Лавалетту депешу, где сообщалось о намерении французского императора отозвать свои войска из Сирии. Лицемерно заявляя, что этот шаг предпринят во имя «святости трактатов», он возлагал на турецкое правительство всю ответственность за дальнейшее положение дел в Сирии. В депеше говорилось, что в случае возобновления волнений Франция будет действовать одна, «вне всяких условий» и в силу своей «традиционной политики окажет помощь ливанским христианам против их преследо-

[101] Ibid., p. 1880.
[102] «Correspondence...», pt II, p. 32.
[103] «Московские ведомости», 31.V.1861.

вателей»[104]. Это письмо (вскоре опубликованное) предназначалось не только для посла, но и для французского буржуазного общества. Франции надо было отступить без унижения. Правительство Наполеона III хотело создать впечатление, что оно действует не под давлением извне, а по собственному побуждению. Отзыв войска из Сирии вызвал острое недовольство среди агрессивной части французской буржуазии. Аристократические круги также негодовали, считая, что наносится удар международному престижу Франции. В эти дни в Париже был учрежден комитет, куда вошли: глашатай экспедиции журналист Сен-Марк Жирарден, авторы книг о сирийских событиях 1860 г. Ф. Ленорман и Б. Пужуля, представители духовенства и некоторые другие видные буржуазные деятели. Председателем комитета был избран парижский архиепископ[105]. Комитет передал в сенат собранные им 150 петиций (с ходатайствами о продлении экспедиции), которые стали предметом довольно бурного обсуждения. На заседании 14 мая сенаторы (кардинал Донне, генерал Кастельбажак, маркиз Ларошжаклен и др.) говорили о том, что, поскольку турецкое правительство не может обеспечить порядка в стране, Франция должна позаботиться о судьбе сирийских христиан. Императорская политика, заявил Ларошжаклен, запятнала себя трусостью по отношению к Англии. Сенаторы выдвинули предложение — требовать от министерства иностранных дел продления сроков экспедиции[106]. На следующий день в защиту правительственной позиции выступил ближайший советник Наполеона III министр без портфеля Бийо. Он напомнил, что Франция выполняла в Сирии поручение европейских держав и что коренные разногласия, возникшие между последними, не позволяют французскому правительству еще раз настаивать на продлении срока экспедиции. Министр сказал также, что Франция не может держать свои войска в дружественной стране без согласия ее правительства. Для того чтобы примирить сенаторов с позицией, занятой правительством, он заявил, что сирийская комиссия приняла французский проект политического устройства Ливана, что не совсем соответствовало действительности. В заключение своей речи министр прочитал составленную довольно ловко депешу Тувенеля Лавалетту. Это сообщение прекратило дебаты. Большинством голосов (при двух против) было решено перейти к очередным делам[107]. Сенат, аристократический и бонапартистский в своем составе, не мог и не хотел серьезно

[104] «Annuaire des deux Mondes 1861», 1862, t. XI, p. 24.
[105] Ibid., p. 550.
[106] «Le Moniteur», 15.V.1861.
[107] Ibid., 16.V.1860.

выступать против курса, занятого правительством. Сенатское заседание было широко освещено европейской печатью. Отчет о нем появился и в «Таймсе», который строго осудил выступления французских сенаторов[108].

Решение правительства отозвать войска из Сирии вызвало критику не только сенаторов, но и верхушки французской армии. Участник экспедиции генерал Дюкро вообще считал, что парижский кабинет в отношении Сирии взял неправильный курс. По его мнению, надо было просто «выгнать турок из Сирии»[109]. Ему вторил начальник штаба экспедиционного корпуса Осмон, который также был сторонником установления «бессрочной оккупации», т. е. прямого захвата Сирии[110].

Выступления в сенате и требования, выдвинутые верхушкой бонапартистской армии, отражали заинтересованность господствующих классов Франции в политике колониального грабежа.

За шумной кампанией, поднятой в пользу продолжения Сирийской экспедиции, не было слышно голосов французского демократического лагеря. Между тем широкие круги французской общественности не могли не понимать, что завоевательная политика Наполеона III, требовавшая громадных средств, тяжким бременем ложилась на трудящиеся массы и грозила вовлечь страну в чуждую интересам народа войну.

Отсутствие демократической прессы в то время явилось для нас большим препятствием в изучении вопроса об отношении к Сирийской экспедиции прогрессивных сил Франции. Такие буржуазно-либеральные органы, как «Опиньон насиональ», «Ревю насиональ э этранжер», и некоторые другие перешли на платформу оппозиции лишь во второй половине 60-х годов. Выступив тогда против внутренней и внешней политики правительства, они, в частности, подвергли резкой критике Мексиканскую экспедицию (1862—1867), разоблачая ее агрессивные цели[111]. В период Сирийской экспедиции эти органы заняли по отношению к правительству лояльную позицию. В Законодательном корпусе либерально-буржуазная оппозиция была еще безгласна.

Таким образом, сил, которые могли выступить с критикой сирийской авантюры, во Франции не нашлось. Рабочий класс и мелкая буржуазия еще не вполне оправились после декабрьского поражения. Полицейско-бюрократический режим Второй империи мешал проявлению нараставшего в это время общественного недовольства.

[108] «The Times», 18.V.1861.
[109] «La vie militaire...», t. I, pp. 445, 446.
[110] Ibid., p. 410.
[111] См. F. E. Lally, *French opposition to the Mexican policy of the Second empire,* Baltimor, 1931.

Преступная сирийская политика Наполеона III, несущая колониальный гнет арабскому народу и усиление реакции и разорение французскому народу, в самой Франции, разоблачена не была.

Эвакуация французских войск из Сирии была осуществлена в установленный срок. В конце мая 1861 г. в Бейрут прибыло несколько судов и началась отправка личного состава, которая к 10 июня была полностью закончена. Через несколько дней генерал Бофор д'Опуль со своим штабом также покинул Бейрут.

Перед его отъездом Фуад-паша дал прощальный обед в честь командования экспедиционного корпуса. В зале висело полотнище с надписью: «Турция благодарит французскую армию за ее содействие»[112]. Эти лицемерные слова должны были продемонстрировать видимость полного согласия между Турцией и Францией[113].

В Англии известие об эвакуации французских войск из Сирии было принято с удовлетворением. Поздравляя английского посла в Константинополе Бульвера с окончанием экспедиции, Пальмерстон писал: «Я с радостью вижу, что французы наконец покидают Сирию, и мы этого добились не без труда»[114].

Английская печать с удовлетворением сообщила об эвакуации. Газета «Монинг Пост», резко выступавшая против Франции в период экспедиции, не удержалась от того, чтобы еще раз осудить французскую политику: «Мы твердо уверены, что французская интервенция, которая имела место после установления мира (между друзами и маронитами. — *М. П.*), принесла одно лишь зло»[115].

* * *

Едва экспедиционные войска вернулись на родину, как в широких кругах французского общества начался спор о том, как оценить результаты экспедиции. В большой статье, появившейся в 1862 г., Сен-Марк Жирарден рисовал обстановку, сложившуюся в Ливане после эвакуации французских войск, довольно мрачными красками. Основную причину неудач

[112] «Московские ведомости», 9.VI.1861.

[113] Фуад-паша вернулся в Константинополь в конце 1861 г. Его деятельность в Сирии в качестве чрезвычайного комиссара получила высокую оценку в правительственных кругах. В декабре 1861 г. Фуад-паша был назначен новым султаном Абдул Меджидом великим везирем, а Али-паша принял министерство иностранных дел.

[114] «Lord Palmerston, sa correspondance intime...», pt II, p. 607.

[115] Цит. по: Saint-Marc Girardin, *Les affaires de Syrie d'après les papiers anglais*, p. 981.

французской политики в Ливане он усматривал в позиции Англии, которая дважды (в 1840 г. и 1860 г.) создавала против Франции коалиции с тем, чтобы «отдать Сирию султану»[116].

В кругах европейской дипломатии утвердилось мнение, что в ливанском вопросе Франция понесла тяжелое поражение. Русский посланник Лобанов-Ростовский писал из Константинополя, что, не обеспечив победы своей кандидатуры на пост губернатора Ливана, Франция утратила значительную часть своего влияния не только на Ближнем Востоке, но и в Европе. Посланник полагал также, что «неуспех тюильрийского кабинета может привести к плохим для него последствиям и даже в самой Франции»[117].

Основная причина провала сирийской политики Наполеона III коренилась в решительном противодействии ей со стороны Англии. В период экспедиции 1860—1861 гг. развернулась англо-французская борьба за монопольное положение в Сирии. Эта борьба была одним из проявлений колониального соперничества между двумя сильнейшими капиталистическими державами на арене раздела мира. «Уступить» Сирию французской буржуазии Англия ни в коем случае не хотела. Отсюда то упорное сопротивление, которое оказывало английское правительство Франции в период подготовки и проведения Сирийской экспедиции. Английская дипломатия дважды помешала Тувенелю получить согласие держав на установление бессрочной оккупации Сирии; она настояла на том, чтобы связать командующего экспедиционным корпусом тяжелыми условиями Парижского протокола 1860 г. Немалые усилия были приложены английской дипломатией и для принятия такого политического устройства Ливана, которое бы исключало возможность установления преимущественного влияния Франции. Политика Пальмерстона и Рассела — активных выразителей интересов английской агрессивной буржуазии — увенчалась полным успехом. Французская же дипломатия оказалась не на высоте. Лавирование между Англией и Россией принесло ей лишь временную удачу. В конечном счете русское правительство, оценив должным образом французскую тактику, перестало оказывать Франции поддержку в сирийском вопросе. В результате Франция осталась изолированной, что в значительной степени и привело к краху ее колониальных планов в Сирии.

К весне 1861 г. французское правительство поняло, что продолжение оккупации Сирии грозит разрывом с Англией.

[116] Saint-Marc Girardin, *La question d'Orient en 1840 et en 1862*, p. 38.

[117] Донесение Лобанова Горчакову 30.V(11.VI).1861,—АВПР, ф. «Главный Архив V-$А_2$», д. 104, л. 9.

Между тем Наполеон III, несмотря на острые противоречия между Англией и Францией, продолжал считать англо-французский союз одной из основ своей внешней политики.

Обострять отношения с Пальмерстоном в это время императору хотелось меньше, чем когда бы то ни было. С сентября 1860 г. между Лондоном и Парижем велась оживленная переписка по поводу коллективного вмешательства европейских держав во внутренние дела революционной Мексики [118]. Французскому правительству казалось, что перед ним открывается перспектива не только нового колониального грабежа, но и установления протектората над Мексикой. В 1861 г. подготовка интервенции в Мексику активизировалась в связи с началом гражданской войны в США, которые теперь не могли противодействовать европейской агрессии. США, стремившиеся с самого начала подчинить Мексику своему влиянию, относились к идее Мексиканской экспедиции с большой враждебностью.

Летом 1861 г. Бруннов сообщал, что в настоящий момент правительства Англии и Франции более всего заинтересованы в совместных действиях против Мексики и США [119]. Участие Англии в новой военно-морской экспедиции (Пальмерстон был главным инициатором войны против Мексики) вселяло французским колониалистам надежду на успех [120]. Французское правительство было заинтересовано как можно скорее нормализовать свои отношения с Великобританией. Как только французские войска были отозваны из Сирии, напряженность англо-французских отношений сразу же спала.

Корреспонденты русских газет сообщали из Парижа, что в Европе наступило полное затишье. Французские газеты приняли в отношении Англии благожелательный тон. Московская газета отметила появление в официальном органе Франции «Конститюсионель» статьи, в которой утверждалось, что восточного вопроса не существует [121].

Эти сообщения периодической печати полностью подтверждаются материалами дипломатической переписки. Киселев доносил о «новом сближении», установившемся между Францией и Англией [122]. Такого же мнения был и Бруннов. Сообщая Горчакову о весьма дружественной по отношению к Наполеону III последней парламентской речи Рассела, он писал,

[118] Ch. Schefer, *La grande pensée de Napoléon III...*, p. 69.

[119] Донесение Бруннова Горчакову 30.VI(12.VII).1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 89, л. 76.

[120] Конвенция о совместной вооруженной интервенции в Мексике была подписана Англией, Францией и Испанией в Лондоне 31 октября 1861 г.

[121] «Современная летопись Русского вестника», 1861, июль, № 27.

[122] Донесение Киселева Горчакову 1(13).VII.1861, — АВПР, ф. «Канцелярия», д. 122, л. 21.

что в дипломатическом корпусе Лондона ее расценивают как «восстановление полного согласия между Англией и Францией» [123].

Урегулировав свои отношения с английским кабинетом по восточному вопросу, бонапартистская дипломатия целиком сосредоточилась на мексиканских делах.

Помимо Мексики захватнические устремления французской буржуазии были в это время направлены на Индокитай. С 1858 г. Франция вела войну в Кохинхине. В связи с героическим сопротивлением вьетнамского народа эта война потребовала значительно больше сил и средств, чем предполагалось вначале. В апреле 1861 г. Киселев писал: «В настоящее время все внимание французского правительства сосредоточено на войне в Кохинхине, где хотят учредить постоянное и значительное владение между Сайгоном и бухтой Туран» [124]. Эту войну надо было закончить возможно скорее, распыление сил грозило еще больше затянуть ее.

Ввязываясь все глубже в другие колониальные предприятия, Наполеон III стал тяготиться сирийским вопросом, ставшим бесперспективным из-за оппозиции Англии.

Была еще одна важная причина, повлиявшая на решение бонапартистского правительства прекратить Сирийскую экспедицию. Она была связана с ухудшением финансового положения Франции.

Киселев в докладе о внутреннем положении Франции, посланном в Петербург в 1861 г., указывал на экстраординарные расходы, которые были сделаны правительством для ведения колониальных войн. Военные мероприятия в Китае и Сирии стоили, по его сведениям, 300 млн. франков. На экспедицию в Кохинхину в 1860 и 1861 гг. было истрачено 117 млн. фр. [125].

Данные о финансовом положении страны, опубликованные с опозданием, свидетельствовали, что за 1860 г. государственные расходы составили 1970 млн. фр., а доходы — 1974 млн. фр. [126]. Следовательно, годовой бюджет был превышен на 4 млн. фр. Серьезным показателем неблагоприятного финансового положения являлся факт быстрого возрастания государственного долга. Если на 1 января 1852 г. он составлял 5516 млн. фр., то к 1 января 1861 г. поднялся до 9220 млн. фр. [127].

[123] Донесение Бруннова Горчакову 12(24).VII.1861, — там же, д. 89, л. 76.

[124] Донесение Киселева Горчакову 30.III(11.IV).1861, — там же, д. 121, л. 283.

[125] Донесение Киселева Горчакову 11(23).IV.1861, — там же, л. 276.

[126] Донесение Киселева Горчакову 18(30).VII.1861, — там же, д. 122, л. 53.

[127] «Statesman's year-book», p. 595

К. Маркс отмечал, что к 1870 г. «Вторая империя увеличила государственный долг больше чем вдвое и обременила все крупные города тяжелыми муниципальными долгами» [128]. На гибельный путь разорения страны французское правительство вступило уже в рассматриваемое время.

Финансовая система Второй империи не выдерживала чрезвычайного напряжения, которое создавала милитаристическая политика Наполеона III. Волей-неволей приходилось отказываться от тех колониальных предприятий, которые стоили дорого и вместе с тем были наиболее трудно осуществимы.

Таким образом, неблагоприятное соотношение сил на международной арене и недостаток военных и материальных средств помешали Франции в 1860 г. завладеть Ливаном и Сирией. В. И. Ленин, говоря о разделе колоний, указывал, что «при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы» [129]. Это положение находит яркое подтверждение на примере Сирийской экспедиции.

---

[128] Архив Маркса и Энгельса, т. III(VIII), стр. 19.

[129] В. И. Ленин, *О лозунге Соединенных Штатов Европы*, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 353.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Источники, освещающие Сирийскую экспедицию, довольно многочисленны. Первостепенное значение имеют материалы архивов министерств и генеральных консульств западноевропейских государств, часть которых опубликована, и России, хранящиеся в государственных архивах Советского Союза.

Наиболее важные документы по истории дипломатических сношений России с Францией, Англией, Австрией, Турцией и другими государствами за 1860—1861 годы хранятся в Архиве внешней политики России (АВПР. Фонды: «Канцелярии министерства иностранных дел», «Посольства в Константинополе» и «Главного архива V-A_2 Бейрут»). Это — письма и депеши министра иностранных дел князя А. М. Горчакова русским послам в европейские столицы и в Константинополь, дающие возможность выяснить задачи, которые ставила себе русская дипломатия в период Сирийской экспедиции; донесения русских послов во Франции (П. Д. Киселева) и в Англии (Ф. И. Бруннова), в которых не только отражена позиция этих стран по отношению к внешнеполитической деятельности царского правительства, но и нарисована развернутая картина острых англо-французских противоречий по ближневосточному вопросу; донесения русских консулов в Бейруте и Дамаске, где имеется материал о внутреннем положении Сирии, о друзско-маронитских столкновениях и тактике турецкого правительства в период Сирийской экспедиции; наконец, донесения русского дипломата М. Новикова — представителя России в международной комиссии по выработке нового политического устройства Ливана.

Немалый интерес представляют документы, находящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ). В хранящемся здесь архиве «Канцелярия обер-прокурора святейшего Синода» (фонд 796, 797, 832) сосредоточена переписка Синода с представителями российской православной церкви на Востоке, отчеты и записки

различных духовных лиц, которые посылались из Петербурга в Сирию и Палестину со специальными миссиями. Эти документы содержат сведения о положении православной церкви в Сирии, о борьбе между церквами различных вероисповеданий за влияние на местное население.

В фондах 283 и 410 Центрального государственного архива Военно-морского флота СССР (ЦГАВМФ) находятся документы о плавании в Средиземном море русской эскадры под начальством капитана 1-го ранга И. А. Шестакова. В отчетах Шестакова вскрываются причины неудач французской экспедиции, отмечаются происходившие между английским и французским военно-морским командованием острые трения, которые возникали на почве политического соперничества.

Некоторые сведения о состоянии русской черноморской торговли со странами Леванта в 60-х годах XIX в. содержат материалы фонда «Канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора», хранящиеся в Одесском областном государственном архиве.

Из опубликованных источников на первое место следует поставить официальные издания дипломатических документов по сирийскому вопросу.

В Англии уже в 1860 г. вышли два сборника дипломатической переписки о сирийских волнениях[1]. Эта публикация представляет собой собрание депеш и донесений английских консулов в Бейруте и других сирийских городах послу в Константинополе Г. Бульверу и министру иностранных дел Д. Расселу. Следует заметить, что подбор материалов осуществлен с расчетом затушевать неблаговидную роль английских резидентов в провоцировании друзско-маронитских столкновений. Документы должны были подчеркнуть якобы миролюбивую и справедливую английскую внешнюю политику.

В 1861 г. в Лондоне были опубликованы еще два тома документов по сирийским делам[2]. Они содержат письма и инструкции министра иностранных дел Рассела послам в Париже, Петербурге, Вене, Берлине и Константинополе, донесения английских представителей за границей, выдержки из газет и некоторые другие материалы. Несмотря на то что ряд документов приводится в выдержках, они все же позволяют

[1] «Papers relating to the disturbance in Syria. Presented to both Hauses of Parliament by command of her Majesty»; «Further papers relating to the disturbance in Syria (In continuation of papers presented to parliament)». Такие сборники по отдельным внешнеполитическим вопросам издавались в Англии с 1814 г. Они получили название «Синие книги» (см. H. Temperly and L. Penson, *A century of diplomatic blue books 1814—1914*, Cambridge, 1938).

[2] «Correspondence relating to the affaires of Syria 1860—1861»; «Correspondence relating to the affaires of Syria. In continuation of correspondence presented to parliament in April 1861».

судить о позиции держав в восточном вопросе. Особенно выпукло документы отражают враждебность, проявленную в течение всей Сирийской экспедиции английским правительством к Франции. В английской корреспонденции ясно говорится об агрессивных намерениях политики Наполеона III на Ближнем Востоке.

Аналогичные издания документов появились и во Франции. Правительственные публикации «Иностранные дела. Дипломатические документы»[3] представляют собой далеко не полную подборку официальных материалов министерства иностранных дел по ряду важнейших международных проблем того времени. Наряду с итальянским, китайским, мексиканским и другими вопросами здесь представлены документы по сирийским делам. Они отражают дипломатическую подготовку Сирийской экспедиции, те большие усилия, которые были затрачены французским правительством, чтобы добиться согласия держав на посылку войск в пределы Османской империи. Из этих документов также видно, как парижский кабинет заигрывал с царским правительством, чтобы заручиться его помощью в сирийской политике.

Другой привлеченный нами французский сборник — «Дипломатические архивы»[4] состоит из двух частей. В первой части помещены договоры, конвенции и протоколы, подписанные Францией с другими странами в текущем году. Во второй части документы расположены по странам. Так, в главе «Турция» находятся меморандумы, ноты, депеши, письма, протоколы конференций и другие материалы, связанные с сирийским вопросом 60-х годов. Подбор документов в обоих сборниках достаточно тенденциозен.

Сопоставление английских и французских официальных сборников помогло восстановить действительную картину дипломатической борьбы.

Не лишено интереса собрание записей дебатов английского парламента[5]. В томах «Парламентских дебатов»[6] опубликованы речи Пальмерстона, Рассела и других руководителей английской политики. Эти документы в какой-то степени отражают позицию, занятую Форин оффис по отношению к действиям бонапартистского правительства на Ближнем Востоке. Надо указать, что восточные, в частности сирийские, дела в парламенте обсуждались неоднократно и подчас принимали весьма острую форму. Из выступлений депутатов

[3] «Affaires étrangeres. Documents diplomatiques».

[4] «Archives diplomatiques. Recueil de diplomatie et d'histoire».

[5] Ежедневные отчеты о прениях в обеих палатах английского парламента публиковались в Лондоне с 1803 г. С 1812 г. их стал издавать К. Хэнсард.

[6] «Hansard's parliamentary debats».

можно судить об отношении английской буржуазии к внешнеполитическому курсу своего правительства.

Немалое значение для выяснения различных сторон дипломатической деятельности имеют публикации переписки политических руководителей, послов и некоторых частных лиц. Укажем прежде всего на сборники писем Пальмерстона, которые были опубликованы в Лондоне и Париже[7]. Изучение его корреспонденции дает возможность понять, какие глубокие противоречия разделяли во время сирийского кризиса Англию и Францию и как серьезно опасался английский премьер-министр франко-русского сближения.

Тот же мотив явственно звучит в переписке английских коронованных особ — королевы Виктории и ее супруга принца Альберта[8]. Следует отметить, что в подборке писем последнего, изданных Т. Мартином, находятся некоторые документы (о посещении Наполеоном III Осборна), нигде более не опубликованные.

В 1929 г. вышли в свет частные письма Г. Каули, который в течение пятнадцати лет занимал пост английского посла в Париже. Опытный дипломат и внимательный наблюдатель Каули отразил в своих письмах не только отдельные нюансы бонапартистской внешней политики, но и настроения правящей клики Франции в период сирийского кризиса[9].

Секретная переписка французского министра иностранных дел Э. Тувенеля с послом в Лондоне Флао, изданная спустя тридцать лет после экспедиции 1860 г., лучше, чем официальная документация, дает возможность судить о двуличном характере бонапартистской дипломатии[10].

Прусская дипломатическая переписка изучаемого периода представлена рядом сборников. Самый значительный из них — подборка посольских донесений из Петербурга О. Бисмарка, изданная Л. Рашдау[11]. Она содержит материал о русско-прусских отношениях 1860—1861 г. и сведения о сближении, происходившем в это время между Россией и Францией.

Письма прусского посла в Лондоне А. Бернсторффа, опубликованные К. Рингхоффером, касаются англо-прусских взаимоотношений второй половины 50-х годов и стараний английского кабинета обеспечить себе поддержку Пруссии в восточных делах[12]. Немецкая дипломатическая корреспонденция в целом довольно ясно отражает позицию берлинского кабинета в восточном вопросе в годы, последовавшие за Крымской войной.

[7] A.-E. Ashley, *The life of H.-J. Temple viscount Palmerston 1848—1865:* «Lord Palmerston, sa correspondance intime 1845—1865», «The Palmerston papers. Gladston and Palmerston 1851—1865».

[8] «The letters of Queen Victoria, 1837—1861»; «Le prince Albert de Saxe-Coburge, époux de la reine Victoria d'après leurs lettres, journaux, mémoires ets., extrait de l'ouvrage de sir Th. Martin et traduit de l'anglais par A. Craven».

[9] «Secrets of the Second empire, private letters from the Paris embassy; selections from the papers of H. R. Ch. Wellesley».

[10] «Le secret de l'empereur. Correspondance, confidentielle et inédite échangée entre M. Thouvenel, le duc de Gramont et le général c-te de Flahault».

[11] L. Raschdau, *Die politischen Berichte des Fürsten Bismark aus Peterburg und Paris (1859—1862).*

В 1926 г. в Италии началась публикация переписки премьер-министра Сардинского королевства графа К. Кавура с Нигрой, который был близок к бонапартистским кругам[13]. Его сообщения из Парижа проливают свет на отношения Наполеона III с Англией.

В другой публикации корреспонденции Кавура «Римский вопрос в 1860—1861 гг. Переписка графа Кавура с Д. Панталони, К. Пассалья, О. Вимеркати»[14] для нас определенный интерес представляют письма к Кавуру сардинского дипломатического агента в Париже Вимеркати. Из писем явствует, что Наполеон III стремился заручиться поддержкой Италии в сирийском вопросе.

Ценный материал по нашей теме можно почерпнуть из периодической печати того времени[15], в первую очередь французской.

Французская печать конца 50-х — начала 60-х годов, отражая интересы крупной буржуазии, полностью поддерживала внешнеполитический курс правительства Наполеона III и не скрывала своего разочарования по поводу неудачного для Франции результата экспедиции[16]. При жесточайшей цензуре, которую устанавливал закон 1852 г., условий для создания демократической печати во Франции не было. Ноябрьский декрет 1860 г., представлявший право палатам обсуждать политику правительства и публиковать официальные отчеты об их заседаниях, практического значения не имел[17] так же, как и изданный одновременно циркуляр министра внутренних дел Персиньи, обещавший действовать умеренно в отношении

[12] K. Ringhoffer, *Im Kampfe für Preussens Ehre. Aus dem Nachlaß des Grafen A. Bernstoff.*

[13] «Il Carteggio Cavour Nigra, dal 1858 al 1861».

[14] «La questione romana, negli anni 1860—1861. Carteggio del conte de Cavour con D. Pantalloni, C. Passuglia, O. Vimercati».

[15] В связи с тем что иностранная периодика изучаемого времени в отечественных библиотеках представлена очень скудно, автор был вынужден в ряде случаев выдержки из французской прессы давать по русским газетам.

[16] См. Saint-Marc Girardin, *La question d'Orient en 1840 et en 1862,* — «Revue de deux Mondes», t. 41, 1862, p. 38.

[17] Декрет 24 ноября 1860 г. был первым шагом бонапартистского правительства по пути либеральных преобразований. Наполеон III надеялся умиротворить этим буржуазию, начавшую проявлять недовольство полицейско-бюрократическим режимом Второй империи.

прессы. Демагогический характер этого циркуляра был подвергнут критике даже таким проправительственным органом, как «Журналь де Деба». Появившаяся в нем по поводу циркуляра Персиньи большая статья Прево-Парандойля вызвала одобрение русской либеральной печати [18].

Оппозиционная печать возникла во Франции лишь во второй половине 60-х годов XIX в. При всей тенденциозной направленности французская пресса содержит полезный фактический материал. В частности, в «Монитере» можно почерпнуть многочисленные сведения об организации и ходе Сирийской экспедиции. На страницах этой газеты печатались отчеты заседаний Законодательного корпуса и Сената, касающиеся восточной политики Наполеона III.

Один из ведущих журналов Второй империи «Ревю де де Монд» [19] публиковал статьи о Сирии (большинство их принадлежало известному журналисту тех лет Сен-Марк Жирардену), касавшиеся причин друзско-маронитских столкновений, анализа дипломатической борьбы накануне и в период французской экспедиции, обсуждения проектов нового устройства Ливана и т. д.

Другой солидный журнал «Аннюэр де де Монд» [20] освещал, помимо общего обзора внешней политики государств за год, важнейшие события из внутренней жизни отдельных стран. Некоторые подробности о друзско-маронитских столкновениях и разработки регламента Ливана можно найти в разделах, посвященных Турции.

Сирийские события получили отражения в полуофициальном журнале «Аннюэр Энсиклопедик», помещавшем статьи по вопросам политики, экономики, литературы, искусства, техники и т. д. В статьях «Франция», «Сирия», «Политика» и других имеется фактический материал, касающийся экспедиции 1860 г.

Ценный материал о финансовом положении и состоянии внешней торговли Франции дает орган деловых кругов «Журналь экономист».

Среди английской прессы ведущее место принадлежит газете «Таймс», материалы которой позволяют составить представление о внешнеполитическом курсе английского правительства. Маркс писал, что «...деятельность «Times» в области внешней политики Британской империи целиком направлена на фабрикование общественного мнения, соответствующего внешней политике лорда Пальмерстона. «Times» должна подготовлять общественное мнение к тому, что лорд Пальмерстон намерен предпринять, и заставлять общественное мнение одобрять то, что он уже сделал» [21]. Кроме того, газета содержала большой информационный материал. Имея многочисленных корреспондентов в Турции, «Таймс» регулярно сообщала своим читателям о междоусобной борьбе в Сирии, о действиях французского экспедиционного корпуса.

В газете печатались международные обзоры, в которых сирийским делам уделялось немало внимания. Относясь с большой враждебностью к вмешательству французов в дела Османской империи, «Таймс» рисовала ложнооптимистическую картину внутриполитического положения в Сирии, а посылку туда французских войск называла опасным и бесцельным предприятием. Статьи, опубликованные в «Таймс», способствуют выявлению экспансионистских тенденций политики Наполеона III. В этой газете приводились выдержки из некоторых других английских печатных органов, что расширяет представление о позиции английской прессы по сирийскому вопросу.

Из немецкой периодики следует отметить «Неуе Пруссише Цейтунг» и выходивший на французском языке «Журналь де Франкфурт». Они проявляли большой интерес к сирийской проблеме (публиковали сведения о дипломатической подготовке французской экспедиции и о действиях военного корпуса в Сирии и т. п.). Этот интерес объяснялся тем, что прусская газета усматривала тесную связь между восточной политикой Наполеона III и его планом в отношении Рейна. В международных обзорах газеты подчеркивалось, что Пруссия должна опасаться усиления Франции, ибо это грозит пересмотром рейнской границы [22].

Немецкая печать давала довольно здравую оценку причин французской агрессии в Сирии. Она иронизировала по поводу версии о «защите христиан» и открыто писала о французских планах подчинения Сирии.

Наряду с западноевропейской большое значение имеет русская печать, до сих пор в связи с поставленной проблемой почти не использованная.

Многие русские газеты имели собственных корреспондентов во всех крупных европейских государствах и в Турции, поэтому русская пресса была в состоянии обстоятельно информировать общество о всех событиях, происходивших в 1860—1861 гг. в Сирии. В центральных газетах России публиковались также большие выдержки из европейской печати,

---

[18] См.: «Хроника политических событий», — «Библиотека для чтения», 1860, декабрь, стр. 16.

[19] Выходил два раза в месяц.

[20] Выходил один раз в год.

[21] К. Маркс, *Лондонская газета «Times» и лорд Пальмерстон*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 328.

[22] «Neue Preußische Zeitung», 21, 29.VII.1860.

что позволяет уяснить позицию ряда западноевропейских газет.

По политической направленности русскую периодическую печать можно разделить на три группы, которые соответствовали основным идейным течениям в политической жизни тех лет — официозно-реакционную, либеральную и революционно-демократическую.

Точку зрения правительственных кругов отражали газеты «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Северная пчела» и орган военного министерства — «Русский инвалид». Они регулярно помещали сообщения о сирийских делах. Такое внимание к Сирии было неслучайным. Для царского правительства немаловажное значение имел международный аспект сирийских событий и новое обострение восточного вопроса.

Значительный интерес представляет орган русского министерства иностранных дел «Ле Нор», который издавался для зарубежных читателей на французском языке в Брюсселе. Кроме информационных заметок здесь помещались и более обширные материалы. Немало сведений о Сирийской экспедиции можно почерпнуть из одесских газет «Одесский вестник» и «Журналь д'Одесса», выражавших также мнение господствующих классов. Эти газеты уделяли много внимания французским планам раздела Турции.

Большой и важный материал дает орган южнорусских коммерсантов «Листок» Русского общества пароходства и торговли. Он издавался также в Одессе, выходя два раза в неделю в течение 1860 г. Преимущественное внимание «Листок» уделял внутреннему положению Сирии. В нем публиковались статьи о состоянии и развитии сирийских портов, о заграничных пароходных компаниях, сообщались данные о торговых оборотах Бейрута, Дамаска, Александретты и других сирийских городов. К французской оккупации Сирии «Листок» относился положительно, считая, что турецкие власти не могут обеспечить порядка в стране [23].

Позицию, близкую к правительственной, занимал журнал «Русский вестник», издателем которого был известный реакционный публицист М. Н. Катков. Платформа этого журнала разделялась и еженедельной газетой «Современная летопись Русского вестника», которая, популяризируя тезис о нежизнеспособности Османской империи, требовала вмешательства в сирийские дела. «Русский вестник» призывал царское правительство бороться за отделение Сирии от Турции, с тем чтобы поставить первую под «покровительство Европы». На его страницах высказывались опасения по поводу захватнических

[23] См. «Листок» РОПИТ, 1860, № 56.

действий Наполеона III и выражалось сомнение относительно поддержки французским правительством русской политики на Ближнем Востоке [24].

К монархическому направлению русской печати надо отнести также издававшиеся ежегодно в Петербурге с середины 80-х годов «Сообщения российского православного Палестинского общества». Это общество, учрежденное в 1882 г. при «высочайшем» одобрении, официально преследовало ученые и благотворительные цели. Фактически же оно было призвано способствовать укреплению православной церкви на Востоке и расширению там влияния России. В материалах Палестинского общества, несмотря на их специфическую религиозную окраску, можно найти полезные сведения о внутреннем положении Сирии, о деятельности в ней соперничающих между собой духовных организаций разных стран.

Буржуазно-либеральное направление в русской печати было в то время представлено историко-политическим и литературным журналом «Отечественные записки», который издавался А. Краевским и С. Дудышкиным. Сирийским делам посвящались многие политические обзоры этого журнала. Призывая Францию расторгнуть союз с Англией, журнал выступал поборником тесного русско-французского соглашения.

Материал по сирийскому вопросу помещал и другой умеренно-либеральный журнал — «Библиотека для чтения», выходивший под редакцией А. О. Писемского. Публицисты этого журнала подчеркивали остроту англо-французских противоречий в Сирии, отмечали сложность решения сирийского вопроса в целом, поскольку вмешательство во внутренние дела Турции было связано с вопросом о ее «неприкосновенности». «Библиотека для чтения» опубликовала интересный очерк русского писателя Н. Берга, жившего в Ливане в 1860 г. [25]. Автор с живейшей симпатией писал о тяжелой участи сирийского населения и критически высказывался об усилиях европейских дипломатов выработать и навязать Ливану новый политический порядок.

Особенно много места уделял сирийским событиям демократический журнал «Русское слово». Этот орган наряду с «Современником» был лучшим журналом XIX в. в России, руководителем передового общественного мнения. Тема освободительного движения постоянно освещалась на страницах «Русского слова». По отношению к народному движению в Ливане и Сирии 1860 г. журнал занимал сочувственную позицию, рассматривая его как проявление борьбы против своих

[24] См. «Русский вестник», т. 28, 1860, август, стр. 99.

[25] Н. Берг, *Очерк последних сирийских событий*, — «Библиотека для чтения», 1863, октябрь.

угнетателей. «Русское слово» разоблачало усилия французской официальной печати представить Сирийскую экспедицию как освободительный поход. Срывая маску с французской и английской дипломатии, «Русское слово» доказывало, что обе соперничающие державы в Сирии заботятся не об интересах арабского населения, а преследуют свои политические расчеты. Журнал регулярно помещал международные обозрения собственного корреспондента из Парижа Жака Лефреня, в которых подвергался жестокой критике весь бонапартистский режим, вскрывались социальные контрасты Франции, много писалось о нужде и бедствиях ремесленников и крестьян.

Вся русская печать как буржуазно-помещичьего, так и демократического лагеря осуждала султанский режим Османской империи и подчеркивала, что ее крушение будет означать освобождение балканских славян. И если реакционная правящая верхушка России стремилась установить свое влияние на Балканах, то прогрессивная часть русского общества бескорыстно сочувствовала освободительному движению южных славян и выступала за создание самостоятельных национальных государств на Балканском полуострове.

Немаловажные сведения о сирийской проблеме можно найти и в мемуарной литературе. Воспоминания, дневники современников, описания путешествий, как правило, очень интересный источник. В ряде случаев свидетельства некоторых мемуаристов содержат такие ценные признания, которые приподнимают завесу над тайнами буржуазной дипломатии и уточняют подлинную историческую картину.

Но вместе с тем мемуарная литература весьма тенденциозный источник; как правило, авторы являются апологетами политики собственного правительства. Памятуя слова В. Г. Белинского о том, что мемуары — это не история, а «только материалы для истории»[26], к источникам этой категории надо относиться критически.

Укажем прежде всего на работы двух русских представителей в Сирии, которые весьма тщательно собирали материал по истории и экономике этой страны. Книга русского консула в Бейруте (1839—1853) К. М. Базили, написанная в 1847 г. и изданная впервые в Одессе в 1862 г., была одним из первых в мировой литературе трудов по новой истории Сирии и Ливана[27].

В 1962 г. труд Базили был переиздан в Москве[28].

[26] В. Г. Белинский, *Избранные сочинения*, т. I, М., 1948, стр. 379.

[27] К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях.*

[28] В предисловии, написанном И. М. Смилянской к изданию 1962 г., дается характеристика работы и взглядов К. М. Базили.

Главы работы Базили о сирийских событиях 30—40-х годов XIX в. как свидетельство современника могут служить документальным источником.

Автор приводит здесь важные сведения о социально-политическом положении Ливана и Сирии и делает правильный вывод о том, что в основе друзско-маронитской религиозной вражды лежал социальный антагонизм между феодалами и крестьянами. Базили хорошо разбирался в сущности сирийских событий и сумел подметить провокационную роль правительств Англии и Франции в разжигании друзско-маронитских столкновений.

Много полезных сведений об экономическом развитии страны и, в частности, о проникновении европейского капитала в торговлю и промышленность Ливана дает работа русского генерального консула в Бейруте 80-х годов К. Петковича[29].

Названные работы двух русских дипломатов написаны с монархических позиций, но они проникнуты сочувствием к угнетенному турками сирийскому населению.

Несколько меньшее значение имеют записки о поездке в Сирию и Палестину, предпринятой по поручению Синода в 1843 г., епископа Порфирия Успенского[30]. Но и в этой книге можно почерпнуть сведения об активной деятельности европейского духовенства на Востоке.

Наиболее обширна французская мемуарная литература. Правда, в целом (за редким исключением) она дает ложное толкование роли правительства Наполеона III в сирийских делах и пытается завуалировать его агрессивные действия. Однако ценность такой литературы определяется фактическим материалом. Большое значение для уяснения истории военного похода в Сирию и оценки современниками целей и результатов экспедиции имеют записки ее участников — казначея экспедиции, монархиста и ревностного католика Э. Луэ[31] и командующего пехотными частями генерала А. Дюкро[32].

Несомненный интерес вызывают работы современников, находившихся в Сирии в период друзско-маронитских столкновений летом 1860 г. или вскоре после того, как они закончились. Назовем таких явных апологетов Сирийской экспедиции, как публицист и историк Ф. Ленорман[33], журна-

[29] К. Петкович, *Ливан и ливанцы.*

[30] «Книга бытия моего. Дневник и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского».

[31] E. Louet, *Expédition de Syrie 1860—1861.*

[32] «La vie militaire du général Ducrot d'après sa correspondance (1839—1871)».

[33] F. Lenormant, *Histoire des massacres de Syrie en 1860.*

лист Б. Пужуля [34], дипломат Э. Пужад [35], публицист Л. Бодикур [36].

Рядом с этими книгами можно поставить произведение еще одного современника, пожелавшего остаться неизвестным [37]. Есть основание полагать, что он был служащим русского консульства в Бейруте. (Помимо личных впечатлений в своей работе он опирается на донесения русских дипломатов). Анонимный автор, в отличие от вышеназванных, стремится к более объективной оценке событий, хотя в целом он настроен профранцузски. Возлагая ответственность за кровопролитие исключительно на друзов и турок, он весьма одобрительно отзывается об экспедиции 1860 г. и даже сетует, что она оказалась для французского правительства бесплодной [38].

От указанных работ по своей концепции отличается книга публициста Ришара Эдвардса «Сирия 1840—1862» [39]. Автор, посетивший места описываемых событий, передает свои наблюдения, но одновременно дополняет их документальными материалами — протоколами трибуналов (учрежденных в Дамаске и Бейруте) и французской консульской перепиской. Расходясь во мнении с большинством французских мемуаристов, Эдвардс обвиняет маронитское духовенство в провоцировании выступлений против друзов. Автор не склонен также восхвалять бонапартистскую политику в Сирии, наоборот, он относится к ней довольно критически.

К рассматриваемой группе французских источников примыкают две работы о Сирии французского консула 20—40-х годов в Алеппо А. Гиса, которые были опубликованы еще до экспедиции 1860 г. [40]. Гис приводит ценные данные о развитии ремесла и торговли в Сирии, ее народонаселении, обычаях местных жителей и т. д.

Из английской мемуарной литературы наибольшую ценность представляют книги знатока Ливана Льюиса Фарли [41]. Служа в английском консульстве в Бейруте (1857—1858), а затем работая в Константинополе главным бухгалтером Оттоманского банка, Фарли собрал богатый материал о внешней торговле Турции, о деятельности пароходных компаний

[34] B. Poujoulat, *La vérité sur la Syrie et l'éxpedition française.*
[35] E. Poujade, *Le Liban et la Syrie 1845—1860.*
[36] L. Baudicourt, *La France en Syrie.*
[37] «Souvenir de Syrie. Expédition française de 1860 par un témoin oculaire».
[38] Ibid., p. 306.
[39] R. Edwards, *La Syrie 1840—1862.*
[40] H. Guys, *Statistique de pachalik d'Alep*; H. Guys, *Beyrout et Liban. Relation d'un séjour de plusieurs années dans ce pays.*
[41] L. Farley, *Two years in Syria;* L. Farley, *The resources of Turkey;* L. Farley, *Modern Turkey;* L. Farley, *Turks and Christians.*

в районе Восточного Средиземноморья и др. В своих работах Фарли дает яркую картину борьбы европейских держав за турецкий рынок. В приложении к книге «Турки и христиане» было опубликовано политическое завещание Фуад-паши (1862), дающее ясное представление о внешнеполитической программе этого крупного руководителя турецкой дипломатии.

Воспоминания о сирийских событиях оставил бывший английский резидент, проживавший в 1860 г. в Бейруте в качестве частного лица, полковник Ч. Черчилль [42]. Активный проводник английской политики в Ливане и сторонник друзов — Черчилль не без пристрастия освещает междоусобную борьбу. Любопытные подробности о тайных сношениях Черчилля с друзскими шейхами находятся в записках американского миссионера Г. Джессапа, который много лет прожил в Сирии и был хорошо знаком с англо-американской политикой на Ближнем Востоке [43].

Меньше мы почерпнули из книги английского реакционного публициста и политического деятеля Д. Уркарта, совершившего в 49—50-х годах путешествие по Ливану. Книга, написанная в виде дневника, вышла вскоре после начала междоусобной борьбы в Сирии [44]. Уркарт смотрел на Ливан глазами английского буржуа, заинтересованного в колониальной эксплуатации этой страны и враждебного политике России и Франции как соперников Англии на Ближнем Востоке.

К рассматриваемой группе источников относятся также воспоминания дипломатов. Не лишены интереса записки австрийского посла в Константинополе Прокеш-Остена, активно боровшегося против установления французского влияния в Сирии [45]. Эту работу как бы дополняют воспоминания поверенного в делах австрийского посольства в Петербурге Ф. Ревертера [46].

Некоторые детали о франко-английских взаимоотношениях 60-х годов дает в своих записках саксонский посланник в Лондоне Фицтум фон Эккштедт [47].

Менее содержательными являются записки сына бельгийского посла в Париже — барона Беэна с пространными выдержками из корреспонденции самого посла. Излагая дипло-

[42] Ch. Cherchill, *The Druzes and the Maronites from 1840 to 1860.*
[43] H. Jessup, *Fifty-three years in Syria.*
[44] D. Urquhart, *The Lebanon. A history and diary.*
[45] Prokesch-Osten, *Erinnerungen aus Konstantinopol.*
[46] F. Revertera, *Erinnerungen eines Diplomaten in St.-Peterburg 1860 bis 1863.*
[47] C. Vitzthum von Eckstädt, *St.-Peterburg und London, in Jahren 1852—1865.*

матическую историю Второй империи, автор уделяет много внимания той большой политической роли, которую играла во Франции партия католического духовенства, пользовавшаяся покровительством самой императрицы [48].

Французская внешняя политика 50—60-х годов получила некоторое отражение в воспоминаниях генерала Флери, Вьель-Кастеля и других современников [49].

Свидетельства дипломатов одной страны зачастую являются прямым обвинением в адрес правительства страны, ей враждебной, что значительно облегчает разработку поставленной темы.

Турецкие и арабские документы, которые так необходимы для изучения внутренней истории Сирии и Ливана и позиции Порты во время французской экспедиции 1860 г., опубликованы лишь в незначительной части. Среди них большое значение имеет сборник И. Тесты «Собрание договоров Оттоманской Порты с иностранными государствами» [50], где наряду с европейскими помещены сирийские и турецкие документы: письма и записки, обращенные представителями различных групп местного населения к правительственным чиновникам, фирманы султана, прокламации чрезвычайного комиссара Фуад-паши по поводу волнений в Сирии и некоторые другие. Несомненный интерес представляют помещенные здесь (не включенные в другие издания) протоколы заседаний международной комиссии по сирийским делам, работавшей в Бейруте.

Подобно европейским очевидцам, записки о друзско-маронитских столкновениях оставили и некоторые сирийцы.

Нами была использована арабская хроника Антуна Дахир аль-Акики, изданная ливанским писателем Юсуфом Язбеком в 1938 г. [51]. Несмотря на фрагментарность, хроника рисует драматическую картину сирийских событий. Особого внимания (ибо таких свидетельств немного) заслуживает выдвинутое здесь обвинение турецкого правительства в натравливании мусульманского населения на христиан. Происходя из среды сельской верхушки, связанной с антифеодальным движением, Антун аль-Акики устанавливает тесную связь между антифеодальным движением ливанских феллахов и друзско-маронитскими столкновениями 1860 г.

Другая арабская рукопись, автор которой Искандер Абкариус был также очевидцем сирийских событий, издана в США в переводе Д. Шелтема в 1920 г [52].

Родившись в Бейруте, но получив воспитание в Европе, Искандер Абкариус в течение некоторого времени занимал пост вице-консула США в Ливане. Он несомненно был проводником англо-американской политики в Сирии. Английские источники, которые дополнительно привлекает Искандер Абкариус, придают его труду известную односторонность. Вместе с тем в нем раскрывается провокационная роль европейских держав и турецких властей в друзско-маронитских столкновениях и делается вывод о том, что сирийский вопрос был не только политическим вопросом. Автор подчеркивает, что правительства Англии и Франции защищали в Сирии прежде всего интересы европейских коммерсантов [53].

Говоря о сирийских документах, нельзя обойти молчанием анонимную брошюру, появившуюся в Афинах в период Сирийской экспедиции под названием «Сирийский вопрос в понимании сирийца» [54]. В этом небольшом политическом трактате, проникнутом непримиримостью к турецкому господству, намечается путь создания независимого сирийского государства. Автор возлагает надежды на помощь держав Западной Европы. Его симпатии явно на стороне Франции. Он считал возможным освободиться от турецкой зависимости лишь при условии длительной оккупации Сирии французскими войсками.

ЛИТЕРАТУРА

В ходе работы над настоящим исследованием автор руководствовался методологическими и конкретно-историческими высказываниями основоположников научного коммунизма.

Глубокое освещение К. Марксом и Ф. Энгельсом сложных международных отношений 60-х годов XIX в. и особенно восточного вопроса, классическое определение которого они дали, облегчает современным исследователям изучение сирийских событий. Сами эти события и военная экспедиция Наполеона III оказались в поле зрения К. Маркса, посвятившего им несколько специальных статей, опубликованных в американской газете «Нью-Йорк Дейли Трибюн». В них К. Маркс отмечал провокационную роль европейских агентов в раздувании междоусобной борьбы в Сирии и разоблачал захватнический характер французской экспедиции. К. Маркс

[48] B. Beyens, *Le Second empire vu par un diplomate belge.*

[49] Fleury, *Souvenir de général c-te Fleury;* Viel-Castel, *Mémoires du c-te Horace de Viel-Castel sur le regne de Napoléon 1851—1864.*

[50] «Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères».

[51] Перевод хроники и комментарии были сделаны М. Керром (M. Kerr, *Lebanon in the last years of feudalism, 1840—1868).*

[52] I. Abkarius, *The Lebanon in turmoil, Syria and the powers in 1860.*

[53] Ibid., p. 168.

[54] «La question de Syrie traiteé par un syrien».

устанавливал теснейшую связь между милитаристической внешней политикой и внутренним реакционным курсом Наполеона III, который в 1860 г. «оказался вынужденным искать какого-нибудь нового и сенсационного крестового похода, чтобы снова усыпить свою империю воинственными галлюцинациями»[55].

В связи с обострением сирийского кризиса К. Маркс отводил большое место проблеме взаимоотношений Франции и России. Заключение союза между этими двумя странами на основе сделки по восточному вопросу он считал в течение некоторого времени вполне реальным.

Нельзя пройти мимо меткой характеристики Наполеона III, содержащейся в ряде работ К. Маркса. Он называл французского императора «коронованным шулером»[56], «парвеню»[57], посредственным профессиональным игроком, одаренным, однако, «чутьем к возможным компромиссам, неожиданным маневрам и coups de main (решительным действиям.— *Ред.*), но всегда остающегося покорным рабом случая и старательно скрывающего под железной маской гуттаперчевую душонку»[58].

Исключительное значение имеет для нас оценка К. Марксом и Ф. Энгельсом внешней политики Англии рассматриваемого времени и, в частности, их высказывания о многолетнем руководителе английского министерства иностранных дел лорде Пальмерстоне. К. Маркс показал подлинное лицо этого хитрого и коварного дипломата, скрывавшего свою агрессивную политику под покровом показного либерализма[59]. К. Маркс тонко подметил, что, распространяя конституционализм и прибегая к демагогии, Пальмерстон проводил по существу глубоко реакционную внешнюю политику.

Произведения В. И. Ленина помогли разобраться в международных отношениях того этапа, когда борьба держав за раздел мира достигла наибольшего обострения. Подобно К. Марксу и Ф. Энгельсу, В. И. Ленин рассматривал колониальную политику в тесной связи с дипломатией «великих» государств и классовой борьбой в отдельных странах. Исключительное значение для историка, занимающегося проблемами колониальной политики, представляет капитальный труд В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

---

[55] К. Маркс, *События в Сирии,* — *Английская парламентская сессия.* — *Состояние британской торговли,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 15, стр. 103.

[56] К. Маркс, *Положение Луи-Наполеона,* — там же, т. 13, стр. 188.

[57] К. Маркс, *Перспективы войны во Франции,* — там же, стр. 289.

[58] Там же, стр. 288.

[59] См. К. Маркс, *Лорд Пальмерстон,* — там же, т. 9, стр. 359—425.

В статьях «Китайская война», «Конец войны Италии с Турцией», «Империализм и раскол социализма» и других В. И. Ленин характеризует колониализм как антинародную политику, которая проводилась в интересах кучки капиталистов и высокопоставленных чиновников. В. И. Ленин вскрывает сущность колониальной политики, называя ее политикой насилия и грабежа.

Сирийская экспедиция Наполеона III как часть восточного вопроса—одна из наиболее значительных международных проблем XIX в.—привлекла к себе внимание историков различных стран.

Наибольшее количество работ на эту тему, как специальные монографии так и разделы исследований о внешней политике Второй империи и истории Сирии и Ливана, написаны во Франции.

В оценке французской буржуазной историографией внешней политики Второй империи можно проследить два основных направления: клерикально-монархическое и умеренно-республиканское.

Клерикально-монархическое направление ведет свое начало от времен бонапартистской диктатуры (1852—1870 гг.). Социальной опорой указанного направления были аристократия, банкиры, католическое духовенство, высшее офицерство.

Бонапартистские историки стремились доказать «благородство» и «бескорыстие» сирийской политики Наполеона III. Они усиленно подчеркивали тезис, что зачинщиками междоусобной борьбы были не мароните (за спиной которых стояла Франция), а друзы—мусульмане, которым покровительствовала Англия. Приписывая французской политике «благородные» цели, они в сущности открыто проповедовали «право» Франции на колониальные захваты.

Эти взгляды нашли отражение в работах о Сирийской экспедиции, которые стали появляться во Франции почти одновременно с ее организацией. Они присущи очерку о сирийских событиях Шарля Вогюэ, брата французского писателя и критика Э. Вогюэ[60]. Работа появилась вскоре после того, как экспедиционный корпус высадился в Бейруте. Деятельность бонапартистского правительства в Сирии выдавалась этим автором за образец великодушия и бескорыстия. Вогюэ, подобно большинству французских историков второй половины XIX в., резко нападал на внешнюю политику английского правительства.

В том же плане была написана книга аббата Жобена[61].

---

[60] Ch. M. Vogüé, *Les événements de Syrie.*

[61] Jobin, *Syrie en 1860 et 1861.*

интересная в том отношении, что в ней был опубликован ряд источников, в частности письма в Париж епископа из г. Сайды Руссо. Вопреки желанию автора (который подбирал материалы с намерением скрыть истинные причины заинтересованности Франции в Сирии), эти документы отразили реакционную роль французских миссионеров на Востоке, их преступную деятельность в разжигании междоусобной борьбы. В своих письмах Руссо настоятельно советовал ускорить посылку войск в Сирию.

Наиболее ярким представителем реакционного направления при Третьей республике был Пьер де Ла Горс, считавшийся в то время одним из лучших историков бонапартистской Франции.

В солидной монографии «История Второй империи», вышедшей в 1894 г., де Ла Горс выступает как апологет внутренней и внешней политики Наполеона III [62]. В специальной главе, посвященной Сирийской экспедиции, де Ла Горс утверждал, что в сирийском вопросе Франция была единственной державой, которая стояла выше интриг и соперничества и защищала «дело цивилизации и человечества». Несмотря на свои «неполные результаты», пишет де Ла Горс, эта экспедиция живет в воспоминаниях французов как «лучшее мероприятие царствования».

В 1899 г. бывший бонапартистский министр Э. Оливье опубликовал «Либеральную империю» [63]. Поднимая на щит восточную политику Наполеона III, которая, по его словам, преследовала цель защиты христиан-единоверцев, Оливье жестоко порицал главу английского правительства Пальмерстона, чинившего Франции препятствия как в сирийском, так и в египетском вопросе.

С тех же позиций выступал и правый французский историк Э. Дрио в своем общем труде по восточному вопросу[64], который является ярким отражением интересов колониальных кругов французской буржуазии.

В обстановке нарастания международных противоречий периода, предшествовавшего мировой войне 1914—1918 гг., и горячки колониальных захватов во французской историографии создается экспансионистское течение, представители которого в своих трудах уделяли пристальное внимание проблемам колониальной политики, превозносили «цивилизаторскую» миссию французских империалистов в экономически отсталых странах. Они отражали стремление французских империалистов закрепить свои колониальные владения

[62] P. La Gorce, *Histoire du Second empire.*
[63] E. Ollivier, *L'Empire libéral. Etudes, récits, souvenires.*
[64] E. Driault, *La question d'Orient depuis les origines jusqu'à nos jours.*

на Ближнем Востоке и замаскировать реальную сущность колониальной власти в Сирии [65].

Накануне и в период первой мировой войны появились работы по сирийскому вопросу, поверхностные по содержанию и весьма тенденциозные по своему направлению. Работы Жонкиэра, Родерера, Ристельюбера [66] и других представляют собой настоящее воспевание политики Франции на Востоке, где якобы со времени крестовых походов ею преследовались исключительно гуманные цели. Через эти работы красной нитью проходит мысль о давних связях Франции со странами Леванта и традиционном покровительстве французских правительств народам Сирии.

Абсурдные утверждения Родерера о том, что «история Леванта — это почти история Франции» [67], и бывшего консула в Бейруте Р. Ристельюбера — «мароните — это часть французской нации» [68], — были характерны для литературы подобного рода. «Если можно упрекнуть в чем-то правительство Наполеона, — писал Жонкиэр, — то в слишком большой наивности в трактовке статьи договора (1860 г.), где говорилось о том, что державы не будут преследовать цель установления особого влияния в Сирии» [69].

Таким образом, автор бросает серьезный упрек бонапартистскому правительству, что оно посчитало себя связанным международным обязательством и не осуществило прямого захвата Сирии.

Совершенно очевидно, что все эти писания преследовали цель обработки общественного мнения Франции и являлись идейной подготовкой к аннексии Сирии и Ливана.

После окончания первой мировой войны, когда Сирия была отдана во владение Франции в качестве подмандатной территории, вопросы сирийской истории продолжали весьма интересовать французских исследователей. В период 20 — 30-х годов текущего столетия появился ряд книг по истории Сирии, близких по своей оценке к рассматриваемому направлению французской историографии. Даже такой крупный специалист по истории Сирии, как бельгийский профессор

[65] По тайному соглашению, заключенному между Англией и Францией 16 мая 1916 г. (соглашение Сайкс—Пико), произошел раздел Азиатской Турции. Западная Сирия и Ливан отходили в непосредственное владение Франции, а Восточная Сирия и Мосульский вилайет становились сферой ее влияния.
[66] Jonquiére, *Histoire de l'Empire Ottomane depuis les origines jusqu'à nos jours;* Roederer, *La Syrie et la France;* R. Ristelhueber, *Les traditions françaises au Liban.*
[67] Roederer, *La Syrie et la France,* p. 4.
[68] R. Ristelhueber, *Les traditions françaises au Liban,* p. VII.
[69] Jonguiére, *Histoire de l'Empire Ottomane depuis les origines jusqu'à nos jours,* p. 463.

А. Ламмен, писал в 1921 г. о французской экспедиции 1860 г.: «Мы верим, что ливанцам она сохранила родину»[70].

В том же 1921 г. автор многих работ по истории французского ордена иезуитов Камилл Рошемонте издал книгу, посвященную Сирийской экспедиции[71]. Эта чрезвычайно тенденциозная работа представляет собой интерес главным образом потому, что ее основой послужили неопубликованные записки участников экспедиции — генерала Дюкро и адмирала де Туш. Указанные материалы, помимо воли Рошемонте, разоблачают захватническую политику Наполеона III.

Несколько позже вышла большая монография о ливанских друзах Н. Бурона, где сирийским событиям отводится целая глава[72], которая не содержит ничего принципиально нового ни о междоусобной борьбе, ни о французской оккупации. Вполне одобряя интервенцию 1860 г. в Сирию, Бурон лишь сетует на то, что французское командование не сумело навязать свои условия турецким властям в Бейруте.

Умеренно-республиканское направление во французской историографии возникло после крушения бонапартистской диктатуры и провозглашения Третьей республики. Оно отражало интересы крупной буржуазии, финансистов, стремившихся к расширению рынков сбыта и источников сырья. В связи с этим многие представители указанного лагеря проявляли большое внимание к изучению колониальной политики прошлых лет. По политическим взглядам некоторые ученые стояли близко к правящей партии республиканцев. С XX в., когда началось поправение пришедшей к власти партии радикалов, ряды этого направления пополнились историками, придерживавшимися радикальных взглядов. Став на позиции оправдания колониальных захватов, историки этого направления в интересующем нас вопросе в сущности отличаются от апологетов бонапартистской политики тем, что подвергают критике действия Наполеона III, приведшие к провалу экспедиции.

Один из первых историков умеренно республиканской школы Т. Делор в своей общей работе о Второй империи, опубликованной в 1873 г., отвел Сирийской экспедиции значительное место[73]. Освещая внешнюю политику Наполеона III с позиций буржуазного республиканца, Делор о его сирийской политике отзывался довольно критически. Автор высказывал недовольство ходом экспедиции и ее результатами. «Нужно было обладать обычным бесстыдством официальных газет императорского правительства, — писал он, — чтобы преподнести как триумф его политики жалкие результаты этой экспедиции, начатой с таким шумом»[74].

Но и Делор не сумел вскрыть подлинные причины экспедиции. Он повторил избитую версию о необходимости отомстить за убийство христиан-католиков.

В 1879 г. в Париже вышла книга Л. Бодикура «Франция в Ливане»[75], представляющая собой первую попытку изложить сирийскую политику бонапартистского правительства с точки зрения сторонника республиканского лагеря. Автор находился в Сирии в период описываемых им событий, но он не ограничивается собственными наблюдениями, а привлекает данные французской и английской прессы, парламентские отчеты и некоторые другие материалы. Положительной стороной работы является то, что Бодикур, характеризуя французскую политику в Сирии, уделяет некоторое внимание экономике, говорит о большом удельном весе Франции в сирийской торговле середины XIX в. В книге имеются резкие выпады против политики Англии на Востоке и, в частности, против ее курса поддержки турецких властей в Ливане.

Бодикур сурово порицал «пассивную» политику Наполеона III, сравнивая ее с политикой Луи Филиппа, потерпевшей фиаско в попытке укрепить французское господство в Сирии в 1840 г. Он открыто писал о провале Сирийской экспедиции и считал, что статут, выработанный международной комиссией в 1861 г., дал лишь «простор интригам Англии»[76].

Английская политика в Турции после Крымской войны вызывала суровое осуждение почти всех французских историков второй половины XIX в.

Та же критика Сирийской экспедиции с позиций агрессивной французской буржуазии и осуждение Наполеона III за неумение отстоять интересы Франции на международной арене развернута на страницах работы Н. Вернея и Ж. Дамбмана «Иностранные державы в Ливане, Сирии и Палестине»[77]. Авторы утверждают, что провал военной интервенции в Ливане был причиной падения престижа Франции на Востоке, и высказывают глубокое сожаление, что «императорское правительство не утвердило своего протектората в Сирии».

Восточная политика Наполеона III, в частности сирийский вопрос, нашла отражение в хорошо известной работе о европейской дипломатии 1814—1878 гг. крупного француз-

[70] H. Lammens, *La Syrie. Precis historique,* p. 187.
[71] C. Rochmonteix, *Le Liban et l'éxpédition française en Syrie (1860—1861). Documents inédits du général A. Ducrot.*
[72] N. Bouron, *Les Duzes. Histoire du Liban et de la Montagne Hauranaise.*
[73] T. Delord, *Histoire du Second empire.*
[74] Ibid., p. 180.
[75] L. Baudicourt, *La France au Liban.*
[76] Ibid., p. 268.
[77] N. Verney et G. Dambmann, *Les puissances étrangères dans le Levant, en Syrie et en Palestine.*

ского историка А. Дебидура [78], стоявшего по своим взглядам близко к радикальным кругам. Дебидур далек от глубокого анализа подлинных причин, определявших внешнюю политику бонапартистского правительства. Он идеализирует дипломатию Наполеона III и заявляет, что основная его цель состояла в том, чтобы дать восторжествовать «принципу национальности». Дебидур считает, что французский экспедиционный корпус был послан в Сирию для защиты христиан.

Несмотря на сказанное, в монографии Дебидура представляет интерес фактический материал, а также некоторые положения. Например, автор сообщает о том, что Наполеон III склонен был поддержать планы расчленения Османской империи, — факт, который французские буржуазные историки предпочитают замалчивать. Вполне справедливо указание автора на неустойчивость дипломатического курса императора. Последний, по мнению Дебидура, не хотел идти на открытый разрыв с Англией и вместе с тем не желал заходить слишком далеко в своем сближении с Россией.

В 1892 г. вышло в свет «Руководство по внешней политике» Эмиля Буржуа [79], придерживавшегося либерально-буржуазных взглядов. В этом общем труде по истории международных отношений сирийские события 1860 г. освещены довольно скупо. Буржуа признает, что «по призыву католиков» Франция в то время стремилась «солидно утвердиться» в Сирии, и, явно сожалея, замечает, что разработанный международной комиссией Ливанский регламент лишил ее возможности достигнуть этого [80].

Большая монография о франко-русских отношениях после Крымской войны была опубликована в 1913 г. известным либеральным историком Ф. Шарль-Ру [81]. Заслуга Шарль-Ру состояла в том, что он привлек некоторые новые архивные материалы. Однако обстоятельно проанализировав отношения России и Франции в период с 1856 по 1859 г., Шарль-Ру не уделил внимания попыткам достигнуть соглашения между этими странами во время восточного кризиса 1860 г., которому отведено достаточно места.

Шарль-Ру писал в пору существования франко-русского союза и поэтому по примеру других французских историков (исключая Дрио) он говорит о России в сравнительно дружелюбном тоне; при этом он полагает, что Россия в международной политике в 60-х годах занимала по отношению к Франции подчиненное положение. В монографии Шарль-Ру нет ни слова о двойной игре Наполеона III и об истинных причинах, помешавших заключению франко-русского союза. Более того, Шарль-Ру пытается доказать, что «заступничество» Наполеона III в пользу Польши было единственной причиной охлаждения отношений между Россией и Францией.

Серьезную ошибку делает Шарль-Ру в оценке характера англо-французских отношений 60-х годов. Излагая историю организации экспедиции 1860 г., он пишет, что посылка европейских войск в Сирию была «франко-английской инициативой» [82]. Указывая на полное согласие, якобы царившее в этом вопросе между двумя морскими державами, автор умалчивает об англо-французских противоречиях, достигших в действительности большого обострения в период сирийского кризиса. Накануне первой мировой войны, когда Франция и Англия были заинтересованы во всемерном укреплении Антанты, политическая направленность книги Шарль-Ру была вполне объяснима.

Интерес буржуазно-либеральных историков к дипломатической борьбе на Ближнем Востоке начала 60-х годов XIX в. не ослабевал и в дальнейшем. В 1931 г. появились две работы, в которых впервые были подвергнуты анализу австро-французские отношения указанного периода. Имеется в виду «Посольство князя Р. Меттерниха в Париже» А. Саломона [83] и большая статья А. Пэнго «Страница из секретной политики Наполеона III»[84]. Первый труд написан на материалах венского архива. В нем собрана переписка австрийского посла Р. Меттерниха с главой правительства Рехбергом. Она проливает свет на позицию Австрии периода Сирийской экспедиции, а также подтверждает факт существования в то время в Париже различных планов раздела Турции. Пэнго кроме австрийской корреспонденции использовал переписку представителей Сардинии, аккредитованных в Париже. На основании этих материалов А. Пэнго, так же как и А. Саломон, делает вывод, что Франция лелеяла планы раздела Османской империи. Вместе с тем оба эти автора идеализировали внешнюю политику Наполеона III. Они утверждали, что она была основана на принципе уважения наций и преследовала три задачи: восстановление Польши, освобождение Италии и возвращение Франции границ, «необходимых для ее безопасности» [85]. Такая схема дает возможность не только отрицать реакционный

[78] А. Дебидур, *Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса.* Первое французское издание вышло в 1891 г. — A. Debidour, *Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du Congrés de Vienn jusqu'à la clôture du Congrés de Berlin.*

[79] E. Bourgeois, *Manuel historique de la politique étrangère.*

[80] Ibid., pp. 589—592.

[81] F. Charles-Roux, *Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III.*

[82] Ibid., p. 287.

[83] H. Salomon, *L'ambassade du prince de R. Metternich à Paris.*

[84] A. Pingaud, *Une page de politique secrète de Napoléon III (D'après des documents inédits).*

[85] Ibid., p. 439.

и захватнический характер бонапартистской политики в Европе, но и замалчивать колониальную экспансию французской буржуазии.

Из сказанного видно, что французская историческая наука долгое время упорно игнорировала экономические причины Сирийской экспедиции и выдвигала на первый план религиозные и нравственные мотивы.

В начале текущего столетия во Франции появился ряд работ, в которых исследовался вопрос о развитии экономических связей Франции со странами Леванта. Наиболее содержательными из них были труды А. Мартино и Г. Дюкуссо [86]. Однако эти авторы обходили молчанием какую-либо связь французских предпринимателей в Сирии с планами бонапартистского правительства.

В 1930 г. вышла монография С. Марич «История социального движения в Лионе в период Второй империи» [87]. В этой хорошо документированной книге (автор использовал неопубликованные материалы национальных и муниципальных архивов) рассказывается, в частности, о том, что шелковая промышленность Лиона периодически переживала кризисы, которые в ряде случаев вызывались недостатком сырья. Факты, собранные Марич, убедительно показывают, что фабриканты и торговцы южных департаментов были заинтересованы в установлении французского господства в Сирии, являвшейся рынком шелка-сырца для Франции.

Данные этой книги, а также документы министерства иностранных дел и военного министерства позволили профессору алжирского факультета гуманитарных наук М. Эмери в статье «Сирийский кризис и французская экономическая экспансия в 1860» [88] по-новому поставить вопрос о причинах Сирийской экспедиции.

Эмери заявляет, что, «не отрицая моральных целей» Сирийской экспедиции, он собирается подчеркнуть значение экономических факторов, которые до сих пор пренебрегались исследователями. Он выступает против историков (де Ла Горс, Ламмен и др.), рассматривавших Сирийскую экспедицию как крестовый поход в защиту христианства, и выдвигает ряд других причин ее организации, в которых вопрос о шелке и хлопке занимает значительное место. Эмери делает вывод, что лионские деловые круги оказывали воздействие на бонапартистское правительство, подталкивали его к захвату Сирии.

[86] A. Martineau, *Le commerce française dans le Levant;* G. Ducousso, *L'industrie de la soie en Syrie.*

[87] S. Maritch, *Histoire du mouvement social à Lyon sous le Second empire.*

[88] M. Emerit, *La crise syrienne et l'éxpansion économique française en 1860.*

Эмери раскрывает политические планы Наполеона III, стремившегося создать большое арабское государство во главе с бывшим алжирским эмиром Абд аль-Кадером. Правильно объясняя цели сирийской политики бонапартистского правительства, Эмери вместе с тем берет под защиту католическую церковь. Желая снять с нее обвинение в поддержке завоевательной политики Второй империи, он утверждает, что французское духовенство никакого интереса к организации Сирийской экспедиции не проявляло. Этот тезис автора вызывает серьезные возражения и может быть опровергнут материалами самой клерикальной печати, которая призывала к походу на Восток. Журнал «Аннюэр де де Монд» также указывал, что клерикалы, играющие активную роль во всех политических событиях страны, проявляют большую заинтересованность в сирийском вопросе и в покровительстве католическому населению Ливана усматривают одну из основ национальной политики [89]. Помимо указанной ошибки работа Эмери страдает другими недостатками, присущими большинству трудов буржуазных историков.

Среди современных французских историков наиболее крупным представителем умеренно-республиканского направления является П. Ренувен. Колониальная политика Второй империи излагается П. Ренувеном в большом коллективном труде о международных связях XIX в., созданном под его редакцией и при его непосредственном участии (им был написан пятый том) [90]. Ренувен, подобно большинству своих предшественников, всецело оправдывает колониальную политику Наполеона III, отказываясь признавать ее завоевательный характер. О причинах Сирийской экспедиции Ренувен судит крайне поверхностно. Полностью замалчивая провокационную роль западноевропейских держав в разжигании религиозной розни в Сирии, он заявляет, что «французское правительство имело серьезные мотивы, чтобы прийти на помощь жертвам» [91]. Что касается экономических мотивов, замечает Ренувен, то они возможны, но нет никаких доказательств тому, что промышленники оказывали давление на правительство. Отмахнувшись, таким образом, от социально-экономического фактора ничего не значащей фразой, автор сосредоточивает внимание читателя на второстепенном вопросе. Главный двигатель экспедиции, сообщает он, это, без сомнения, Суэцкий канал. Экспедиция в Сирию, по его словам, была предпринята Францией с тем, чтобы оказать давление на Порту. Угрожая султану поддержкой борьбы Ливана и Сирии за независи-

[89] «Annuaire des deux Mondes 1861», Paris, 1862, t. XI, p. 92.

[90] P. Renouvin, *Histoire des rélations internationales le XIX siècle.*

[91] Ibid., p. 334.

мость, французское правительство якобы хотело заставить его дать санкцию на строительство канала [92].

Оценивая французскую буржуазную историографию, можно сделать вывод, что она не смогла вскрыть истинных причин колониальной политики наполеоновской Франции. При выяснении целей Сирийской экспедиции внешняя политика рассматривается в отрыве от внутренней, ни слова не говорится об эксплуатации сирийского народа, затушевывается грабительская деятельность колонизаторов в Сирии, игнорируются факты выступления арабов, направленные против европейских предпринимателей и миссионеров.

К французской буржуазной историографии примыкают работы профранцузски настроенных ливанских историков. Среди них видное место занимает Булус Нужам (Жуплен), опубликовавший в Париже в 1908 г. свою диссертацию «Ливанский вопрос» [93]. Булус Нужам отражал настроения той части арабских националистов, которая в борьбе против Турции возлагала надежды на Францию. Использовав английские и французские официальные документы, европейскую печать и некоторые другие источники, Булус Нужам нарисовал подробную картину междоусобной борьбы в Сирии и французской оккупации этой страны. Отдавая дань идеализации политики Наполеона III, он утверждал, что Франция, посылая войска, действовала бескорыстно и стремилась лишь к одному — прекратить кровопролитие. Он одобрял решение об отзыве французских войск из Сирии, видя в этом лишь «добрую волю императора» и желание «сохранить мир». Объяснение, далеко не соответствующее истине.

Однако сильной стороной рассматриваемой работы является то обстоятельство, что автор, один из первых историков обратил внимание на социально-экономическую обстановку, сложившуюся в Сирии в середине XIX в. Он понял, что межрелигиозная борьба в Сирии носила по существу антифеодальный характер. Крестьянское движение начала 60-х годов в Ливане он называл «демократической революцией». Стремясь доказать благо, которое якобы принесло французское вмешательство во внутренние дела Ливана, Булус Нужам утверждал, что статут 1861 г. (разработанный европейской комиссией) привел к освобождению сирийцев от феодального гнета. С этим выводом автора согласиться нельзя, так как статут лишь частично отменил феодальные права и привилегии.

В 1939 г. в Бейруте вышел сжатый очерк истории Сирии с древнейших времен вплоть до наших дней ливанского историка Рене Мутерда [94]. Автор навязчиво проводил мысль о том, что Франция во все времена выступала как верный друг Сирии. Вслед за представителями французской исторической школы он утверждал, что правительство Наполеона III послало свои войска в 1860 г. в Бейрут по «праву» покровителя народов Леванта. Высоко оценивая Сирийскую экспедицию и буквально повторяя слова цитированного выше А. Ламмена, Мутерд писал, что эта экспедиция сохранила родину ливанцам [95].

Подъем национально-освободительного движения в арабских странах и завоевание ими национальной независимости после второй мировой войны усилили интерес арабских ученых к отечественной истории и, в частности, к периоду 1860—1861 гг., который они считают наиболее важным в истории Ливана. В этой обстановке появилась большая работа Адель Исмаила «История Ливана с XVII века до наших дней» [96]. Последний использовал переписку дипломатического, военного и морского ведомств Франции и, в частности, материалы французского генерального консульства в Бейруте, а также источники бейрутских архивов — Национального музея, Библиотеки университета Св. Иосифа и Библиотеки американского университета. Автор собрал богатый фактический материал, отражающий ход междоусобной борьбы в Сирии. Дипломатическая же сторона сирийского кризиса освещена им слабее. Печать необъективности в оценке политики Франции лежит и на этой работе.

Адель Исмаил считал, что французское вмешательство в сирийские дела имело благотворные результаты и феодальный режим в Ливане благодаря введению статута 1861 г. был уничтожен [97].

* * *

Английскими историками специального исследования о Сирийской экспедиции 1860 г. написано не было. Однако в многочисленных работах, посвященных Османской империи и ближневосточной политике Англии, сирийские дела нашли известное отражение. Фальсификаторская тенденция английских буржуазных исследователей в оценке позиции Англии в в восточном вопросе общеизвестна. Легенда об Англии, как «бескорыстном друге» Турции, защитнице ее целостности и независимости была создана еще в XIX в.

Подобные утверждения нашли наиболее полное отражение

[92] Ibid.
[93] M. Jouplain, *La question du Liban.*
[94] R. Mouterde, *Precis d'histoire de la Syrie et du Liban.*
[95] Ibid., p. 131.
[96] A. Ismail, *Histoire du Liban du XVII siècle à nos jours.*
[97] Ibid., p. 379.

в работе В. Миллера «Оттоманская империя 1801—1913», впервые изданной Кембриджским университетом в 1913 г.[98].

Замалчивая захватнический характер английской политики в Турции, В. Миллер охотно говорит о намерениях французского правительства упрочить свои позиции на Востоке. Он признает, что посылка Наполеоном III войск в Сирию преследовала далеко не «гуманные цели». Преуменьшая остроту англо-французских противоречий в сирийском вопросе 1860 г., В. Миллер явно преувеличивает агрессивные тенденции восточной политики России того времени.

Более объективно автор освещает действия турецких властей в Сирии и приходит к выводу, что они вызывали справедливый протест арабского народа[99].

В коллективном труде «Кембриджская история британской внешней политики», представляющем собой апологию английской дипломатии, «сирийским волнениям» посвящен специальный раздел X главы[100]. В нем говорится об интригах бонапартистского правительства на Ближнем Востоке, о намерении Наполеона III захватить Сирию и Египет. Вся ответственность за вмешательство в турецкие дела возлагается не только на Францию, но и Россию, которые «готовы были к интервенции, не ожидая другие державы»[101]. Этой агрессивной политике противопоставляется «бескорыстная» политика Англии, направленная, по словам авторов, лишь к установлению мира и порядка в Сирии.

Теми же настроениями по существу проникнуты работы Г. Темперли. Свою концепцию ближневосточной политики Англии Темперли сформулировал в докладе, прочитанном на международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 г. Резюме этого доклада было опубликовано в «Кембриджском историческом журнале»[102]. Темперли иронизирует по адресу дипломатов, которые утверждали, что английская политика в Турции была идеалистической и гуманной. Он заявляет, что британская политика на Востоке носила миролюбивый и реалистический характер. Под «реализмом» Темперли понимал глубокую заинтересованность Англии в сохранении Османской империи. Англия, подчеркивал он, не ограничивалась обещаниями, а всегда оказывала действенную помощь Турции. Продолжением этой политики была Крымская война, когда Великобритании пришлось с оружием в руках отстаивать независимость Турции.

---

[98] Книга выдержала несколько изданий.
[99] W. Miller, *The Ottoman Empire, 1801—1913,* pp. 300—303.
[100] «The Cambridge history of British foreign policy 1783—1919», vol. II.
[101] Ibid., p. 454.
[102] H. Temperley, *British policy towards parliamentary rule and constitutionalism in Turkey (1830—1914).*

С тех же позиций оценивает Темперли и тактику лондонского кабинета в период сирийских событий. «Лорд Пальмерстон,— пишет Темперли,— проявил циничное безразличие к избиению христианского населения Сирии в 1860 г. и пытался предотвратить французскую экспедицию, которая направлялась туда для прекращения религиозной резни»[103]. Объяснение такого рода действий Темперли находит в стремлении английского премьер-министра сохранить существовавшее положение вещей в Турции. По мнению Темперли, действия Пальмерстона якобы преследовали защиту общенациональных интересов, а не проведение политики, отвечавшей интересам английской буржуазии.

Эти выводы были положены Темперли в основу большой монографии «Англия и Ближний Восток», опубликованной им три года спустя[104]. В этой фундаментальной работе, написанной на большом количестве источников и сопровождаемой солидной библиографией, Темперли более подробно освещает сирийскую политику держав.

Автор не ограничивается чисто дипломатической стороной дела. Он рассматривает внутреннее положение Сирии и Ливана во второй четверти XIX в., говорит о тяжелой жизни феллахов, об «аграрных затруднениях». Рисуя напряженную политическую обстановку в Сирии в 40-х годах, он разоблачает «преступную тактику турецких властей». Темперли признает даже, что интриги европейских держав обострили межрелигиозную борьбу арабов. Но кто же, по мнению автора, был виновен в этом? Франция и Австрия возбуждали сирийских католиков, пишет Темперли, Россия покровительствовала православным, одна Англия «пыталась внести спокойствие в беспокойную сирийскую политику»[105]. Это утверждение не подтверждается документами и в корне извращает позицию Англии в сирийском вопросе.

Следует заметить, что в английской буржуазной историографии стало традицией изображать английскую политику в Турции, как «спасительную». Эту версию повторяют историки и консервативного и либерального направлений.

После первой мировой войны (когда американский империализм усилил свою экспансию в странах арабского Востока) сирийская тематика начала привлекать пристальное внимание историков США.

Характерной чертой работ американских буржуазных ученых является тенденциозность оценки ближневосточной политики Англии, которую они вслед за своими английскими кол-

---

[103] Ibid., p. 165.
[104] H. Temperley, *England and the Near East.*
[105] Ibid., p. 194.

легами изображают как бескорыстную защитницу интересов Турции.

В этом отношении показательна двухтомная монография о Пальмерстоне известного американского профессора Г. Белла [106]. Освещая позицию главы английского правительства в сирийском вопросе, автор подчеркивает стремление Пальмерстона сохранить мир и его усилия наладить дружественный контакт с правительством Наполеона III.

Белл делает даже откровенную попытку защитить английское правительство от обвинений европейской печати начала 60-х годов XIX в. в попустительстве мусульманскому фанатизму, жертвой которого стали христиане-мароните. «Сердцем Пальмерстон был с маронитами, — пишет Белл, — но его политика расходилась с его чувствами» [107]. Более охотно сообщает американский историк об агрессивных планах Франции на Ближнем Востоке, о проникновении России в Азию (повторяя пресловутую версию о русской угрозе Индии) и представляет дело так, что Пальмерстон бескорыстно спасал Сирию от «франко-русских происков». Вместе с тем заслуживает внимания сделанный автором вывод о том, что французское правительство в 1860 г. намеревалось захватить Сирию [108].

В том же духе идеализации английской политики в Турции написана работа американского историка Ф. Бейли. Он утверждает, что единственной целью английского правительства в восточном вопросе в течение всего XIX в. была «защита территориальной целостности Оттоманской империи» [109].

Из общих работ американских историков, посвященных Ближнему Востоку, наиболее интересными являются труды профессора Калифорнийского университета В. Дж. Парьира. В своих исследованиях этот автор уделяет значительное внимание экономическому фактору. В 1935 г. Парьир опубликовал книгу о торговых связях европейских держав с Турцией, в которой можно почерпнуть немаловажные сведения о британской торговле со странами Леванта в интересующий нас период [110].

Помимо указанных исследований в США был опубликован ряд специальных работ по сирийскому вопросу в целом, либо охватывающих отдельные аспекты восточной политики европейских держав конца 50-х — начала 60-х годов.

В 1940 г. появилась работа Алисы Мендж «Ближневосточная политика императора Наполеона III» [111], где восточная политика Франции прослеживается начиная с Крымской войны до постройки Суэцкого канала.

Сирийской экспедиции здесь отводится значительное место. Мендж использовала большой круг источников (преимущественно опубликованных), и работа достойна внимания благодаря собранному в ней фактическому материалу. Но она страдает недостатками, общими для большинства буржуазных исследований. Мендж не ставит даже вопроса об экономических интересах европейской буржуазии в Сирии и, таким образом, отрывает внешнюю политику от социально-экономической основы. Она замалчивает факты выступлений местного населения против европейских предпринимателей во время событий 1860 г. В работе не вскрываются также подлинные цели французской экспедиции 1860 г., делается вывод о том, что сирийская экспедиция продемонстрировала традиционный интерес Франции к Сирии и имела целью поддержать симпатии маронитов к французам.

Перу американского историка Ч. Халберга принадлежат две работы, имеющие отношение к нашей теме: «Франц Иосиф и Наполеон III» и «Суэцкий канал» [112]. Обе они имеют научную значимость, так как автор использовал австрийские архивы. В первой монографии Халберг дал развернутую картину нарастания австро-французских противоречий после Крымской войны. Касаясь проблемы русско-французского сближения тех лет, Халберг доказывает, что его в равной степени смертельно боялись как Австрия, так и Англия. Оценивая английскую политику как миролюбивую автор ставит знак равенства между политикой Франции и России, которые, по его выражению, «работали в том направлении, чтобы добиться раздела Оттоманской империи» [113]. Это толкование восточной политики России, в то время стремившейся главным образом к частичному пересмотру Парижского трактата 1856 г., нам представляется необоснованным.

Некоторые сведения о распространении влияния США на Ближнем Востоке и о деятельности американских миссионеров в Сирии можно найти в книге Э. Спейзера «Соединенные штаты и Ближний Восток» [114].

Подводя итог обзору англо-американской историографии по вопросу восточной политики держав, следует заметить, что для нее характерно противопоставление якобы миролюбивой

---

[106] H. Bell, *Lord Palmerston*, vol. I—II.
[107] Ibid., vol. II, p. 268.
[108] Ibid., p. 269.
[109] F. E. Baily, *British policy and the Turkish reform mouvement*, p. 39.
[110] V.-J. Puryear, *International economics and diplomacy in the Near East. A study of british commercial policy in the Levant (1834—1853)*.
[111] A. Mange, *The Near Eastern policy of the emperor Napoleon III.*
[112] Ch. Hallberg, *Franz Joseph and Napoleon III, 1852—1864. A study of austro-french relations;* Ch. Hallberg, *The Suez Canal. Its history and diplomatic importance.*
[113] Ch. Hallberg, *Franz Joseph and Napoleon III...*, p. 248.
[114] E. A. Speiser, *The United States and the Near East.*

и оборонительной политики Англии в Османской империи французским агрессивным стремлениям на Ближнем Востоке. Общая черта указанных работ английских историков — необъективный подход к внешней политике Англии и апология деятельности ее долголетнего руководителя Пальмерстона. Подобно большинству французских, англо-американские буржуазные историки не рассматривают колониальную политику в связи с вопросами политики внутренней и, в частности, в связи с экономическими интересами господствующих классов великих держав на Востоке.

Из трудов на немецком языке следует остановиться на исследованиях двух австрийских авторов Цвидинек фон Зюденхорста и А. Беера, которые были опубликованы еще во второй половине XIX в.[115]. Статистический материал о торговле европейских держав со странами Леванта, имеющийся в этих книгах, позволяет судить о борьбе Англии, Франции и Австрии за сирийский рынок.

Сирийские события начала 60-х годов изложены сравнительно подробно в «Истории Османской империи» румынского историка профессора бухарестского университета Н. Йорги, изданной в Готе накануне первой мировой войны[116]. Йорга открыто говорит о глубоко реакционной политике турецкого правительства в Сирии. Он доказывает, что кровавые события в Сирии явились результатом англо-французского соперничества. В отличие от большинства буржуазных исследователей он не замалчивает факты, свидетельствующие о борьбе сирийцев против европейских эксплуататоров — первых симптомов будущего антиимпериалистического движения.

В своей работе «Вопрос о Черном море 1856—1871 гг.» немецкий историк Курт Рейндорф рассматривает восточный вопрос преимущественно в аспекте австро-прусско-английских отношений[117]. Основываясь на корреспонденции прусских представителей в Лондоне и Вене, автор справедливо отмечает, что английская дипломатия прилагала немалые усилия к тому, чтобы Австрия и Пруссия действовали в восточном вопросе единым фронтом против России и Франции.

* * *

Русские дореволюционные историки, пристально изучавшие восточный вопрос, касались в той или иной степени и ближневосточной политики держав после Крымской войны.

[115] J. Zwiedinek von Südenhorst. *Syrien und seine Bedeutung für den Welthandel;* A. Beer, *Geschichte des Welthandels im neunzehnten Jahrhundert.*

[116] N. Jorca, *Geschichte des Osmanischen Reiches.*

[117] K. Rheindorf, *Die Schwarze Meer (Pontus)-Frage.*

Известно, что в работах историков как дворянско-монархического, так и буржуазного направления на первый план выдвигалась религиозная борьба между православием и мусульманством. Представители охранительной школы во главе с С. С. Татищевым[118] отрицали завоевательные устремления царизма, оправдывали его реакционную политику историческими традициями, общностью религии, культуры и т. д. Классовую направленность восточной политики царской России XIX в. они не вскрывали.

Русские буржуазные историки (С. Жигарев, С. Горяинов)[119], отойдя от концепции охранительной школы, признавали завоевательные тенденции ближневосточной политики царизма. Отражая настроения окрепнувшей национальной буржуазии, эти ученые в своих трудах призывали самодержавие усилить экспансию на Востоке.

Ни дворянские, ни буржуазные историки не учитывали того, что Турция, играя на противоречиях европейских держав, пыталась проводить самостоятельную политику.

Помимо общих работ по восточному вопросу надо указать на некоторые специальные труды дореволюционных историков, имеющие непосредственное отношение к исследуемой теме.

В 1882 г. вышла пятитомная биография крупного царского сановника графа П. Д. Киселева, составленная А. П. Заблоцким-Десятовским. Третий том этого труда посвящен деятельности П. Д. Киселева на посту русского посла в Париже с 1856 по 1862 г.[120].

В нем сосредоточены документы из личного архива Киселева — его переписка и дневники, которые освещают историю франко-русского сближения конца 50 — начала 60-х годов[121]. Придерживаясь передовых (для того времени) буржуазных взглядов в области внутреннего развития России, Заблоцкий-Десятовский не сумел дать анализа внешней политики царизма 50—60-х годов. В этом вопросе автор ограничился подбором фактов и описанием событий, проявляя полную неспособность сделать правильные выводы.

В 1912 г. во французском журнале «Ревю де Пари» была опубликована большая статья С. Горяинова «Этапы франко-русского союза (1852—1861)»[122]. В ней впервые были использованы некоторые материалы, хранившиеся в русских архи-

[118] С. Татищев, *Император Александр II.*

[119] С. Жигарев, *Русская политика в восточном вопросе;* С. Горяинов, *Босфор и Дарданеллы.*

[120] А. П. Заблоцкий-Десятовский, *Граф П. Д. Киселев и его время.*

[121] Личный архив П. Д. Киселева хранится в Государственной Библиотеке им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 129.

[122] S. Goriainow, *Les étapes de l'alliance franco-russe (1853—1861).*

вах, по истории франко-русских отношений указанного периода. Политической целью автора статьи (написанной в то время, когда русское правительство было всемерно заинтересовано в укреплении Антанты) было подобрать документы для доказательства реальной возможности существования франко-русского союза. Автор обходит молчанием противоречия, имевшие место между Францией и Россией в 1860—1861 гг., и не говорит о лицемерном характере отношений бонапартистского правительства к петербургскому кабинету. Умалчивая об истинной причине, помешавшей созданию франко-русского союза — отказ Наполеона III поддержать Россию в вопросе частичного пересмотра Парижского трактата, — Горяинов выдвигает на первый план польский вопрос. Вслед за большинством французских историков он утверждает, что отдаление между двумя империями наметилось с того момента, когда началось революционное движение в Польше (т. е. с января 1861 г.), к которому французское правительство отнеслось с большой симпатией [123].

Русско-прусские отношения 50—60-х годов описаны в монографии (была опубликована в Праге в 1920 г.) бывшего профессора Петроградского университета Б. Э. Нольде [124]. Отражая прогерманские настроения, которые были характерны для части правящих кругов царской России, Нольде выступает приверженцем идеи русско-германского сближения. Возвеличивая О. Бисмарка, которого он называет «гениальным немцем», Нольде утверждает, что в начале 60-х годов внешняя политика России переживала глубокий кризис, «вернувший ее, после короткого промежутка французских увлечений Горчакова, в лоно Германского союза» [125]. Автор не усматривал реальной почвы для создания франко-русского союза после Крымской войны, не отмечал частичной пользы, которую Россия извлекала из сближения с Францией, и преуменьшал задачу русской дипломатии добиться пересмотра кабального договора 1856 г. Работы историка К. Скальковского [126], занимавшегося в последней четверти XIX в. исследованием истории русского торгового флота, дают сведения о деятельности Российского общества пароходства и торговли (РОПИТ), которое сыграло значительную роль в развитии торговых связей России со странами Ближнего Востока.

[123] Ibid., p. 776.
[124] Б. Э. Нольде, *Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862 гг.*
[125] Там же, стр. 5.
[126] К. Скальковский, *Срочное почтовое пароходство в России и заграницею;* К. Скальковский, *Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях.*

* * *

В советской историографии не существует работ, специально посвященных истории Сирийской экспедиции.

Из трудов на близкие темы следует прежде всего назвать статьи И. М. Смилянской, в которых исследуется социально-экономическое и политическое развитие Сирии и Ливана первой половины XIX в. [127]. Обобщающим трудом по этим вопросам явилась книга И. М. Смилянской, вышедшая в свет в 1965 г. [128]. Опираясь на большой круг опубликованных источников (арабских и западноевропейских), а также на материалы советских архивов, автор дает глубокий анализ крестьянской антифеодальной борьбы в Ливане, которая развивалась с конца XVIII в. и вылилась в восстание 1859 г. Особое внимание уделено в работе причинам возникновения друзско-маронитского антагонизма. Смилянская убедительно доказывает, что в основе конфликтов между двумя религиозными группами населения Сирии лежала борьба феллахов за землю, против феодального гнета. Материалы, собранные автором, и сделанные ею выводы были для нас полезны.

Большое внимание советских историков привлек вопрос о франко-русском договоре 3 марта 1859 г., который был кульминационным пунктом франко-русского сближения после Крымской войны.

В советской историографии разработку этого вопроса начала Л. А. Фейгина [129]. Автор, использовав некоторые материалы из Архива внешней политики России, осветил переговоры, предшествовавшие подписанию секретного договора, и проанализировал его текст.

Дальнейшее исследование франко-русских взаимоотношений периода 1858—1859 гг. было продолжено Р. И. Рыжовой [130]. На основании дополнительных архивных материалов, а также опубликованных французских и итальянских источников Р. И. Рыжова подробно изложила русско-французские переговоры, связанные с разработкой договора 3 марта, продолжив анализ отношений между Россией и Францией в период итальянского кризиса, т. е. до июня 1859 г. Критикуя французскую историографию, преднамеренно принижающую роль дипломатии Горчакова, автор подчеркивает само-

[127] И. М. Смилянская, *Крестьянское восстание в Кесруане (Ливан, 1859—1860 гг.);* И. М. Смилянская, *К вопросу о разложении феодальных отношений в Сирии, Ливане и Палестине в середине XIX в.*
[128] И. М. Смилянская, *Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в.*
[129] Л. А. Фейгина, *Из истории франко-русских отношений.*
[130] Р. И. Рыжова, *Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г.*

стоятельность и целеустремленность политики, проводимой Россией.

Франко-русские отношения начала 60-х годов XIX в. рассматриваются в книге В. Г. Ревуненкова [131]. Использовав новые архивные источники и некоторые мемуары современников изучаемых событий, В. Г. Ревуненков первый в советской историографии рассказал о возобновлении франко-русских переговоров по восточному вопросу, которые начались спустя год после подписания договора 3 марта 1859 г.

Однако, рассматривая эти переговоры лишь через призму итальянских дел, автор не затрагивает сирийскую политику Наполеона III и не указывает поэтому, что последний крайне нуждался в поддержке России, чтобы успешно закончить предпринятый в это время военный поход для захвата Сирии. Историю русско-французского сближения автор обрывает на 1860 г., между тем как дипломатическая переписка, хранящаяся в Архиве внешней политики России, дает возможность установить, что переговоры между Петербургом и Парижем по восточному вопросу продолжались и в 1861 г., т. е. в течение всего хода Сирийской экспедиции.

В. Г. Ревуненков, по нашему мнению, не вполне правильно изображает реакцию английской дипломатии на сближение России с Францией. Подчеркивая, что Пальмерстон «раздувал» опасность для Англии этого сближения и преднамеренно давал мрачные прогнозы развития англо-французских и англо-русских отношений, автор тем самым недооценивал возможность заключения франко-русского союза в международной политике того времени.

Между тем официальные английские и австрийские источники и личная корреспонденция Пальмерстона показывают, что в Лондоне (так же, как и в Вене) действительно смертельно боялись франко-русского союза и отнюдь не считали его фикцией [132].

В 1961 г. вышла книга В. Н. Виноградова «Россия и объединение румынских княжеств», где серьезному анализу подвергнута политика европейских держав в конце 50-х годов, причем видное место уделяется показу русско-французских отношений. Работа В. Н. Виноградова представляет собой глубокое, построенное в основном на русских архивных фондах исследование. В ней содержится критика концепций зарубежных буржуазных авторов по восточному вопросу. Недостатком работы, на наш взгляд, является лишь недооценка англо-французского соперничества в восточном вопросе, что

[131] В. Г. Ревуненков, *Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия.*

[132] См. Ch. Hallberg, *Franz Joseph and Napoleon III...*, p. 242.

может быть частично объяснено недостаточным использованием автором английских источников.

Англо-французская борьба за колонии в период раздела мира нашла яркое отражение в статье Н. А. Ерофеева, посвященной истории Суэцкого канала [133]. Опираясь на большой круг источников, автор доказывает, что в конце 50-х — начале 60-х годов египетский вопрос был основным в отношениях между Англией и Францией.

В книгах А. Ф. Миллера [134] поставлен вопрос о причинах и процессе превращения Турции в полуколонию капиталистических держав, раскрыта проблема зарождения и роста национально-освободительных движений в Турции. Выяснение причин утраты независимости Турцией и стоявших в тесной связи с этим различных планов ее расчленения имеет важное значение для данной монографии.

Для уяснения сложной международной обстановки 50—60-х годов XIX в. много дает обобщающий труд советских ученых по истории внешней политики [135]. Глава о европейской дипломатии от Парижского мира до войны Пруссии и Австрии с Данией (1856—1863) принадлежит акад. Е. В. Тарле и написана с присущим ему даром исследователя и стилиста.

Сирийские события периода 40—60-х годов рассматриваются в опубликованном курсе лекций В. Б. Луцкого [136].

Таковы работы советских авторов. Исходя из основополагающих указаний К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, они воссоздают исторически верную картину деятельности европейской дипломатии на Ближнем Востоке в годы, последовавшие за Крымской войной.

Советские историки не отрицают агрессивной и реакционной роли царизма, но они выступают против тенденциозной оценки, которую дают русской политике в Сирии западные буржуазные историки. Советские авторы разоблачают лживую версию о роли западных держав как бескорыстных «защитников» целостности и независимости Турции и показывают захватническую политику Англии, Франции и Австрии на Востоке.

В трудах марксистских ученых уделяется большое внимание анализу социально-экономических предпосылок внешней политики государств и разоблачению их колонизаторской деятельности в пределах Османской империи.

[133] Н. А. Ерофеев, *Англо-французская борьба за Суэцкий канал (1854—1875).*

[134] А. Ф. Миллер, *Мустафа-паша Байрактар;* А. Ф. Миллер, *Краткая история Турции.*

[135] «История дипломатии», т. I.

[136] В. Б. Луцкий, *Новая история арабских стран.*

Таким образом, в распоряжении историка, занимающегося изучением ближневосточной политики Франции 60-х годов XIX в., имеется ряд исследований, освещающих отдельные вопросы этой темы.

И все же агрессия французской буржуазии в Сирии в 60-х годах XIX в. и связанное с ней обострение англо-французских противоречий в советской исторической литературе разработаны пока недостаточно. Далеко не полностью освещена также история русско-французского сближения периода подготовки и проведения Сирийской экспедиции Наполеона III. Данная работа и является попыткой восстановить этот пробел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

50—60-е годы XIX в. были временем бурного промышленного развития Франции. В этих условиях особое значение для французской буржуазии приобретало расширение колониальных владений. Новые рынки сбыта и источники сырья создавали предпосылки для еще большего расширения фабрично-заводского производства.

Укрепив свое положение на международной арене после Крымской войны, Вторая империя вступила на путь активной колониальной политики. На Ближнем Востоке главной целью Наполеона III были Сирия и Ливан, захват которых обеспечил бы установление торгового и политического господства Франции в Восточном Средиземноморье.

В бонапартистских кругах большой популярностью пользовались проекты раздела «турецкого наследства». Однако пойти на их осуществление Наполеон III мог только при условии, чтобы Сирия и Ливан достались Франции.

Наиболее могущественным соперником Франции была Великобритания. Принцип status quo в восточном вопросе служил для правительства Пальмерстона средством воспрепятствовать попыткам раздела Османской империи.

Междоусобная борьба, развернувшаяся в Ливане и Сирии в начале 1860 г., способствовала реализации захватнических планов бонапартистского правительства. Под предлогом оказания помощи христианам-маронитам Наполеон III, вырвав согласие держав, послал свои войска в Сирию.

Исторические факты убедительно свидетельствуют, что французское командование рассчитывало, наводнив Сирию войсками, создать там свои опорные пункты и выждать удобный момент для ее окончательного захвата.

Поход французских войск в Сирию вызвал тревогу у английского правительства. Оно решительно потребовало вывода французских войск из Сирии. Под угрозой разрыва отношений и войны с Англией Наполеон III был вынужден отозвать войска.

Не допустив утверждения во главе автономного Ливана французского ставленника из среды маронитской аристократии, Англия создала серьезные препятствия для дальнейшей экспансии Франции в Сирии. Сирийская экспедиция подорвала влияние Франции на Ближнем Востоке, пагубно отразилась на ее международном престиже и способствовала росту недовольства авторитарным режимом внутри страны.

В период Сирийской экспедиции Наполеон III неоднократно обращался в Петербург за поддержкой. Царское правительство, желая добиться пересмотра Парижского договора 1856 г., пошло навстречу желаниям Франции (во время разработки конвенции 1860 г., при обсуждении вопроса о продолжении срока экспедиции). Однако, убедившись, что Наполеон III лавирует и, ведя переговоры с Петербургом, поддерживает в Лондоне убеждение в своей верности союзу с Англией (главной противницы договора), русское правительство изменило свою позицию в сирийском вопросе.

В конечном итоге отказ Франции дать согласие на пересмотр Парижского договора исключил возможность создания франко-русского союза.

Экономическое проникновение держав в Сирию и Ливан ускоряло процесс разложения феодального строя, происходившего в этих странах. К середине XIX в. Сирия и Ливан стали постепенно превращаться в сырьевой придаток высокоразвитых стран. Борьба за монопольную эксплуатацию Сирии и Ливана влекла за собой вмешательство европейских правительств во внутриполитическую жизнь арабского народа. Многочисленные английские и французские агенты прибывали в страну, подкупали феодальную знать и, используя пестрый религиозный состав населения, разжигали религиозную рознь.

Трагические события 1860 г., в основе которых лежала борьба феллахов против феодального гнета, принявшая характер межрелигиозных столкновений, были в значительной степени спровоцированы европейскими колонизаторами и турецкими властями.

Во время междоусобной борьбы в Сирии и Ливане состоялись выступления против европейских предпринимателей, дипломатов и духовых лиц. Не преувеличивая значения этих фактов (об антиимпериалистическом движении в Сирии и Ливане в то время говорить еще не приходится), мы все же не можем их игнорировать. Первые, стихийные выступления сирийцев против европейского капитала были зародышем будущей антиимпериалистической борьбы народов арабских стран.

Провозглашение автономии Горного Ливана и ослабление феодального гнета на время разрядили напряженность обстановки. Но коренные интересы трудящихся масс Сирии и Ливана учтены не были — ненавистное оттоманское господство сохранялось. Однако события 1860—1861 гг. дали толчок росту национального самосознания (о чем свидетельствовал опубликованный план создания независимого сирийского государства) и развитию просветительного движения.

Сирийцам предстояло пройти еще долгий путь освободительной борьбы.

Известно, что крах военной экспедиции 1860 г. не заставил французскую буржуазию отказаться от своих притязаний на Сирию. Во время мировой войны 1914—1918 гг. Франция потребовала Сирию и Ливан в качестве военной добычи, а в 1920 г., оккупировав их, превратила в свои колонии. Так спустя 60 лет, в других исторических условиях, французские империалисты воплотили в жизнь захватнические планы, выдвинутые в 1860 г. Сирия и Ливан попали под новое чужеземное владычество.

Только в результате большого демократического и национального подъема в период второй мировой войны народы Сирии и Ливана сбросили ярмо колониализма и стали на путь самостоятельного государственного существования.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА *

Маркс К., *Британская политика. — Дазраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция,* — т. 9.
Маркс К., *Лондонская пресса. — Политика Наполеона в турецком вопросе,* — там же.
Маркс К., *Англо-французский союз,* — т. 12.
Маркс К., *Восточный вопрос,* — там же.
Маркс К., *Морская торговля Австрии,* — там же.
Маркс К., *Экономический кризис во Франции,* — там же.
Маркс К., *Перспективы войны во Франции,* — т. 13.
Маркс К., *Положение Луи-Наполеона,* — там же.
Маркс К., *Лондонская газета «Times» и лорд Пальмерстон,* — т. 15.
Маркс К., *Новый договор между Францией и Англией,* — там же.
Маркс К., *Пошлины на бумагу. — Письмо императора,* — там же.
Маркс К., *Россия использует Австрию. — Варшавский конгресс,* — там же.
Маркс К., *Русско-французский союз,* — там же.
Маркс К., *События в Сирии. — Английская парламентская сессия. Состояние британской торговли,* — там же.
Маркс К., *Хлебные цены. — Европейские финансы и военные приготовления. — Восточный вопрос,* — там же.
Маркс К., *Экономические заметки,* — там же.
Энгельс Ф., *По и Рейн,* — т. 13.
Энгельс Ф., *Савойя, Ницца и Рейн,* — там же.
Энгельс Ф., *Может ли Лондон стать добычей французов?* — т. 15.
Энгельс Ф., *Роль насилия в истории,* — т. 21.
Энгельс Ф., *Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»,* — т. 22.
Энгельс Ф., *Предисловие к «Положению рабочего класса в Англии»,* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в 2-х томах, М., 1955, т. II.
Ленин В. И., *Китайская война,* — т. 4.
Ленин В. И., *Конец войны Италии с Турцией,* — т. 22.
Ленин В. И., *Империализм, как высшая стадия капитализма,* — т. 27.
Ленин В. И., *Империализм и раскол социализма,* — т. 30.
Ленин В. И., *О карикатуре на марксизм,* — там же.

* Все произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, а В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

Архив внешней политики (АВПР).
Фонды: «Канцелярия министерства иностранных дел», 1860 г., 1861 г.; «Посольство в Константинополе», 1860 г., 1861 г., 1862 г.; «Главный архив V-A_2 Бейрут», 1860 г., 1861 г.
Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ).
Фонды: 796, 1837 г., 1857 г.;
797, 1847 г., 1857 г., 1859 г., 1860 г., 1861 г.;
832, 1859 г., 1860 г.
Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР (ЦГАВМФ).
Фонды: 283, 1860 г., 1861 г.;
410, 1860 г., 1861 г.

Одесский областной государственный архив.
Фонд «Канцелярия Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора», 1862 г.

ПУБЛИКАЦИИ АРХИВОВ, ПАРЛАМЕНТСКИЕ ОТЧЕТЫ, ПЕРЕПИСКА

«К истории франко-русского соглашения 1859», — «Красный архив», 1938, т. 3(88).
Мартенс Ф. Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами,* СПб., 1909, т. XV.
«Affaires étrangères. Documents diplomatiques», Paris, 1861—1873, t. I, 1860, t. II, 1861.
Albin P., *Les grandes traités politiques,* Paris, 1911.
«Archives diplomatiques. Recueil de diplomatie et d'histoire», Paris, t. I—II, 1860; t. I—II, 1861.
Ashley A.-E., *The life of H.-J. Temple viscount Palmerston. 1848—1865,* vol. II, London, 1876.
«Bismarks Briefwechsel mit dem Minister F. von Schleinitz (1858—1861)», Stuttgart—Berlin, 1905.
«Correspondence relating to the affaires of Syria 1860—1861», pt I, London, 1861.
«Correspondence relating to the affaires of Syria. In continuation of correspondence presented to parliament in April 1861», pt II, London, 1861.
«Further papers relating to the disturbance in Syria. (In continuation of papers presented to parliament)», London, 1860.
«Hansard's parliamentary debats», London, 3-rd ser., vol. 146, 1857; vol. 150, 1858; vol. 157, 159, 160, 1860; vol. 162, 1861.
«Il Carteggio Cavour Nigra, dal 1858 al 1861», 1 ser., Bologna, 1928.
«The letters of Queen Victoria, 1837—1861», vol. III, London, 1908.
Mérimée P., *Lettres à M. Panizzi 1850—1870,* ed. by L. Fagan, t. I, Paris, 1881.
«More light on the pact of Osborne, 9 August 1857», by H. Temperley, — «The Cambridge historical journal», vol. V, 1937.
«The Osborn conference and memorandum of August 1857», by W. J. East,— «The English historical review», vol. XVIII, London, № 171, 1928.
«The Palmerston papers. Gladston and Palmerston 1851—1865», ed. Ph. Guedalla, London, 1928.
«Lord Palmerston, sa correspondance intime 1845—1865», ed. par A. Craven, pt II, Paris, 1879.

«Papers relating to the disturbance in Syria. Presented to both Houses of Parliament by command of her Majesty», London, 1860.
Poschinger B., *Preussens auswärtige Politik 1850—1858,* Bd III, Berlin, 1902.
«Le prince Albert de Saxe-Coburg, époux de la reine Victoria d'après leurs lettres, journaux, mémoires ets., extrait de l'ouvrage de sir Th. Martin et traduit de l'anglais par A. Craven», Paris, t. II, 1883.
«La questione romana, negli anni 1860—1861. Carteggio del conte de Cavour con D. Pantalloni, C. Passuglia, O. Vimercati», 3 ser., t. I—II, Bologna, 1929.
Raschdau L., *Die politischen Berichte des Fürsten Bismark aus Peterburg und Paris (1859—1862),* Bd I—II, Berlin, 1920.
«Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottomane, par G. Noradounghian», t. III, Paris, 1902.
«Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères, par I. Testa», t. VI, Paris, 1884.
Ringhoffer K., *Im Kampfe für Preussens Ehre. Aus dem Nachlaß des Grafen A. Bernstoff,* Berlin, 1906.
«Le secret de l'empereur. Correspondance confidentielle et inédite échangée entre M. Thouvenel, le duc de Gramount et le général c-te de Flahault, 1860—1863», publieé, avec notes et index biographique, par L. Thouvenel, t. I—II, Paris, 1889.
«Secrets of the Second empire, private letters from the Paris embassy; selections from the papers of H. R. Ch. Wellesley, 1-st earl Cowley, ambassador at Paris 1852—1867», edited by his son, Colonel the Hon F. A. Wellesley, New York—London, 1929.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«Листок» РОПИТ, Одесса, 1860.
«Московские ведомости», 1860, 1861.
«Одесский вестник», 1860, 1861.
«Русская речь», СПб., 1860, 1861.
«Русский инвалид», М., 1860, 1861.
«Санкт-Петербургские ведомости», 1860, 1861.
«Северная пчела», СПб., 1860, 1861.
«Современная летопись Русского вестника», М., 1861.
«Le Journal de Francfort», 1860, 1861.
«Le Journal d'Odessa», 1860, 1861.
«Le Moniteur universel», Paris, 1858—1861.
«Neue Preußische Zeitung», Berlin, 1860, 1861.
«Le Nord», Bruxelles, 1860, 1861.
«The Times», London, 1858—1861.
«Wiener Zeitung», 1860.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПУБЛИЦИСТИКА

Базили К. М., *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении,* Одесса, 1862.
Берг Н., *Очерк последних сирийских событий,* — «Библиотека для чтения», 1863, октябрь.
Бисмарк О., *Мысли и воспоминания,* т. I, М., 1940.
Бутковский А., *Хлопчатобумажная промышленность,* — «Журнал мануфактур и торговли», СПб., 1860, июль.
«Восточный вопрос», — «Русский вестник», т. 28, кн. I, 1860, июль.
Г. Б., *Политика,* — «Русское слово», т. II, 1861.
Г. Б., *Политика,* — «Русское слово», т. V, 1861.

«Книга бытия моего. Дневник и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского», т. I—II, СПб., 1894.
Лефрень Ж., *Письмо из Парижа,* — «Русское слово», т. V, СПб., 1861.
Лефрень Ж., *Политика,* — «Русское слово», т. VI, 1861.
Петкович К., *Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях,* — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XIX, СПб., 1885.
«Политическое обозрение», — «Время», СПб., т. III, 1861, № 5—6.
«Политическое обозрение», — «Отечественные записки», т. CXXXI, 1860, июль.
«Политическое обозрение», — «Отечественные записки», т. CXXXI, 1860, август.
«Политическое обозрение», — «Отечественные записки», т. CXXXII, 1860, сентябрь.
«Политическое обозрение», — «Отечественные записки», т. CXXXIV, 1861, январь.
«Сирийские дела», — «Русский вестник», т. 29, 1860, кн. 1, октябрь.
«Турция и Сирия», — «Русский вестник», т. 30, 1860, ноябрь, кн. 1.
Х-вский Н., *Сирийский вопрос,* — «Отечественные записки», т. CXXXIV, 1861, февраль.
«Хроника политических событий», — «Библиотека для чтения», 1860, декабрь.
Чернышевский Н. Г., *Франция при Людовике Наполеоне,* — Полное собрание сочинений, т. V, М., 1950.
«Шелковичный червь. (Из исследований А. Катрфажа)», — «Журнал мануфактур и торговли», СПб., 1860, май.
Щербань Н., *Из Парижа,* — «Современная летопись Русского вестника», апрель 1861, № 12.
Щербань Н., *Реформа во Франции,* — «Современная летопись Русского вестника», январь 1861, № 2.
Abkarius I., *The Lebanon in turmoil, Syria and the powers in 1860,* New Haven, 1920.
Baudicourt L., *La France en Syrie,* Paris, 1860.
Bertrand A., *Companie d'Egypte et de Syrie 1798,* Paris, 1799.
Beyens B. *Le Second empire vu par un diplomate belge,* t. I—II, Paris, 1924.
Burckhardt J.-L., *Travels in Syria and the Holy Land,* London, 1822.
Cherchill Ch., *The Druzes and the Maronites from 1840 to 1860,* London, 1862.
Dantu E., *La France dans la question d'Orient,* Paris, 1860.
Edwards R., *La Syrie 1840—1862,* Paris, 1862.
Farley L., *Modern Turkey,* London, 1872.
Farley L., *The resources of Turkey,* London, 1862.
Farley L., *Turks and christians,* London, 1876.
Farley L., *Two years in Syria,* London, 1858.
Fleury, *Souvenir de général c-te Fleury,* t. II, Paris, 1898.
Guizot F., *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps,* t. V, Paris, 1864.
Guys H., *Beyrout et Liban. Relation d'un séjour de plusieurs années dans ce pays,* Paris, 1850.
Guys H., *Statistique de pachalik d'Alep,* Marseille—Paris, 1858.
Jessup H., *Fifty-three years in Syria,* t. I—II, New York, 1910.
Karam Y., *Aux gouvernéments et nation de l'Europe,* Paris, 1903.
Lenormant F., *Les évenéments de Syrie,* Paris, 1862.
Lenormant F., *Histoire des massacres de Syrie en 1860,* Paris, 1861.
Louet E., *Expédition de Syrie 1860—1861,* Paris, 1862.
Poujade E., *Le Liban et la Syrie 1845—1860,* Paris, 1860.
Poujoulat B., *La vérité sur la Syrie et l'expédition française,* Paris, 1861.
Prokesch-Osten, *Erinnerungen aus Konstantinopol. Aus dem Nachlass des*

Grafen Prokesch-Osten. K. K. Botschafter und Feldzeugmeister, — «Deutsche Revue», Bd II, Berlin, 1880.
«La question de Syrie traitée par un syrien. Traduction de l'arabe», Ahténes, 1861.
Raymond X., *La Syrie et la question d'Orient,* — «Revue de deux Mondes», t. 29, Paris, 1860.
Rémusat Ch. M., *Politique extérieure de la France,* — «Revue de deux Mondes», t. 7—8, Paris, 1860.
Rémusat Ch. M., *Des rapports politiques de la France et de l'Angleterre,* — «Revue de deux Mondes», t. 24, Paris, 1859.
Revertera F., *Erinnerungen eines Diplomaten in St.-Peterburg 1860 bis 1863,* — «Deutsche Revue», Berlin, Bd I—II, 1903.
Saint-Marc Girardin, *Les affaires de Syrie d'après les papiers anglais,* — «Revue de deux Mondes», Paris, t. 33, 35, 1861.
Saint-Marc Girardin, *La question d'Orient en 1840 et en 1862,* — «Revue de deux Mondes», t. 41, Paris, 1862.
Saint-Marc Girardin, *De la Syrie au commencement de 1862,* — «Revue de deux Mondes», t. 38, Paris, 1862.
Saint-Marc Girardin, *Les voyageurs en Orient,* — «Revue de deux Mondes», t. 32, Paris, 1861.
«Souvenir de Syrie. Expédition française de 1860 par un témoin oculaire», Paris, 1903.
Urquhart D., *The Lebanon. A history and a diary,* vol. I, II, London, 1860.
«La vie militaire du général Ducrot d'après sa correspondance (1839—1871)», t. I—II, Paris, 1895.
Viel-Castel H., *Mémoires du c-te Horace de Viel-Castel sur le regne de Napoléon 1851—1864,* t. I—II, Bruxelles—Paris, 1942.
Vitzthum von Eckstädt C., *St.-Peterburg und London in Jahren 1852—1855.* Bd I—II, Stuttgart, 1886.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Афанасьев Г. Е., *Внешняя политика Наполеона III,* Одесса, 1885.
Беркенгайм А. М., *Современное экономическое положение Сирии и Палестины,* — «Сообщения императорского православного Палестинского общества», т. VIII, СПб., 1897.
Велерс Ж., *Крестьяне Сирии и Ливана,* М., 1962.
«Взгляд на положение латинской церкви в святой земле», — «Сообщения россиского императорского православного Палестинского общества», СПб., т. I, 1886/7.
Виноградов В. Н., *Россия и объединение румынских княжеств,* М., 1961.
Горяинов С., *Босфор и Дарданеллы,* СПб., 1907.
Дебидур А., *Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса,* т. I—II, 1947.
Дорогобужинов В., *О торговом мореплавании во Франции,* СПб., 1863.
Ерофеев Н. А., *Англо-французская борьба за Суэцкий канал (1854—1875),* — «Из истории общественных движений и международных отношений», сб. статей в память академика Е. В. Тарле, М., 1957.
Жандр А. П., *Сведения о заграничных пароходных обществах, получающих субсидии от своих правительств,* СПб., 1883.
Желубовская Э. А., *Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции,* М., 1956.
Жигарев С., *Русская политика в восточном вопросе. Историко-юридические очерки,* т. II, М., 1896.
Заблоцкий-Десятовский А. П., *Граф П. Д. Киселев и его время,* т. III, СПб., 1882.
Иловайский С. И., *Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли,* Одесса, 1907.

«История дипломатии», под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова, т. I, М., 1959.
Колен А., *Торговое судоходство в XIX в.,* М., 1904.
Колюбакин А. М., *Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции,* — «Известия кавказского отдела Русского географического общества», т. IX, вып. I, Тифлис, 1887.
Кулин В. П., *Православные патриаршие школы в Палестине и Сирии летом 1887 г.,* — «Сообщения императорского православного Палестинского общества», т. III, СПб., 1897.
Кюине В., *Сирия, Ливан и Палестина,* вып. 1—4, СПб., 1899—1901.
Латышев В. А., *Учебные заведения императорского православного Палестинского общества,* — «Сообщения императорского православного Палестинского общества», т. VIII, СПб., 1897.
Луцкий В. Б., *Новая история арабских стран,* М., 1965.
Миллер А. Ф., *Краткая история Турции,* М., 1948.
Миллер А. Ф., *Мустафа-паша Байрактар,* М.—Л., 1947.
Новичев А. Д., *Очерки экономики Турции до мировой войны,* М., 1937.
Нольде Б. Э., *Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862 гг.,* Прага, 1925.
Ревуненков В. Г., *Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия,* Л., 1957.
Рыжова Р. И., *Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г.,* — «Ученые записки Московского городского педагогического ин-та им. В. П. Потемкина», т. XXVIII, вып. 4, 1957.
Скальковский К., *Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях,* СПб., 1887.
Скальковский К., *Срочное почтовое пароходство в России и заграницею,* ч. I, СПб., 1871.
Скальковский К., *Суэцкий канал и его значение для русской торговли,* СПб., 1870.
Смилянская И. М., *Из истории русско-сирийских торговых связей (1900—1914),* — «Краткие сообщения Института народов Азии», т. 45, 1961.
Смилянская И. М., *К вопросу о разложении феодальных отношений в Сирии, Ливане и Палестине в середине XIX в.,* — сб. «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», М., 1962.
Смилянская И. М., *Крестьянское восстание в Кесруане (Ливан, 1859—1860 гг.),* — «Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР», *XIX в.,* М., 1965.
Смилянская И. М., *Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в.,* М., 1965.
Татищев С., *Император Александр II. Его жизнь и царствование,* т. I, СПб., 1903.
Федоров М. П., *Соперничество торговых интересов на Востоке,* СПб., 1903.
Фейгина Л. А., *Из истории франко-русских отношений,* — «Века», сб. под ред. А. И. Заозерского и Д. М. Приселкого, Пг., 1924.
Халеби Г. Н., *Ливанские друзы,* — «Сообщения императорского православного Палестинского общества», т. IV, СПб., 1893.
Халфин Н. А., *Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана,* М., 1958.
Хитрово В. Н., *Православие в святой земле,* — «Православный палестинский сборник», СПб., 1881, т. I, вып. 1.
Якубович А. И., *Поездка по православным школам Антиохийской патриархии,* — «Сообщения императорского православного Палестинского общества», т. VII, СПб., 1896.
Ancel J., *Manuel historique de la question d'Orient (1792—1925),* Paris, 1926.
Baily F. E., *British policy and the Turkish reform movement,* Cambridge, 1942.
Baker R. A., *Palmerston on the treaty of Unkiar-Skelessi,* — «The English historical review», vol. XLII. 1928, № 169.

Baudicourt L., *La France au Liban,* Paris, 1879.
Beer A., *Geschichte des Welthandels im neunzehnten Jahrhundert,* Wien, 1884.
Bell H., *Lord Palmerston,* vol. I—II, London—New York, 1936.
Bourgeois E., *Manuel historique de la politique étrangère,* t. III, Paris, 1925.
Bouron N., *Les Druzes. Histoire du Liban et de la Montagne Hauranaise,* Paris, 1930.
«The Cambridge history of British foreign policy 1783—1919 ed. by A. W. Ward and G. P. Gooch», vol. II, Cambridge, 1923.
Charles-Roux F., *Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III,* Paris, 1913.
Charles-Roux I., *L'isthme et le canal de Suez,* vol. I—II, Paris, 1901.
Delord T., *Histoire du Second empire,* t. III, Paris, 1873.
Driault E., *La question d'Orient depuis les origines jusqu'à nos jours,* Paris, 1912.
Ducousso G., *L'industrie de la soie en Syrie,* Paris, 1913.
Emerit M., *La crise syrienne et l'expansion économique française en 1860,* — «La Revue historique», t. CCVII, 1952.
Engelhart E., *La Turqui et le Tansimat,* t. I, Paris, 1884.
Goriainow S., *Les étapes de l'alliance franco-russe (1853—1861),* — «La Revue de Paris», 1 janvier, 1 février, 15 février 1912.
Groodt-Adant J., *Geschichte des französischen Einflusses in Syrien,* Köslin, 1941.
Hallberg Ch., *Franz Joseph and Napoleon III, 1852—1864. A study of austro-french relations,* New York, 1955.
Hallberg Ch., *The Suez Canal. Its history and diplomatic importance,* New York, 1931.
Hitti P., *History of Syria including Lebanon and Palestina,* London, 1951.
Hourani A. H., *Syria and Lebanon,* London—New York, 1946.
Jobin, *Syrie en 1860 et 1861. Lettres et documents,* Lille, 1862.
Jonquière, *Histoire de l'Empire Ottomane depuis les origines jusqu'à nos jours,* t. I—II, Paris, 1914.
Jouplain M., *La question du Liban,* Paris, 1908.
Jorca N., *Geschichte des Osmanischen Reiches,* Bd V, Cotha, 1913.
Ismail A., *Histoire du Liban du XVII siècle à nos jours,* t. IV, Beyrouth, 1958.
Kerr M., *Lebanon in the last years of feudalism, 1840—1868,* Beirut, 1959.
Kucsynski J., *Weltproduktion und Welthandel in den letzten 100 Jahren,* Berlin, 1952.
La Gorce P., *Histoire du Second empire,* t. III, Paris, 1910.
Lammens H., *La Syrie. Precis historique,* vol. I—II, Beyrouth, 1921.
Levasseur E., *Histoire du commerce de la France,* Paris, 1912.
Mange A., *The Near Eastern policy of the emperor Napoleon III,* Urbana, 1940.
Maritch S., *Histoire du mouvement social à Lyon sous le Second empire,* Paris, 1930.
Marriot J. A. R., *The Eastern question in european diplomacy,* Oxford, 1924.
Martin K., *The triumph of lord Palmerston. A study of public opinion in England before the Crimean war,* London, 1963.
Martineau A., *Le commerce française dans le Levant,* Paris—Lyon, 1902.
Miller W., *The Ottoman Empire, 1801—1913,* Cambridge historical series, 1913.
Mouterde R., *Precis d'histoire de la Syrie et du Liban,* Beirouth, 1939.
Nöel O., *Histoire du commerce éxtérieur de la France,* Paris, 1876.
Ollivier E., *L'Empire libéral. Etudes, récits, souvenires,* t. IV, Paris, 1899.
Palm F., *England and Napoleon III,* Dyrham, 1948.
Pingaud A., *Une page de politique secrète de Napoléon III (D'après des documents inédits),* — «La Revue de France», 1931, 1 décembre.
Puryear V-J., *England, Russia and the straits question 1844—1856,* California, 1931.
Puryear V.-J., *International economics and diplomacy in the Near East. A study of british commercial policy in the Levant (1834—1853),* California—London, 1935.
Renouvin P., *Histoire des rélations internationales le XIX siècle,* t. V, Paris, 1954.
Rheindorf K., *Die Schwarze Meer (Pontus)—Frage,* Berlin, 1925.
Ristelhueber R., *Les Maronites,* — «Revue de deux Mondes», 1915, 1 janvier.
Risteluheber R., *Les traditions françaises au Liban,* Paris, 1925.
Ritt O., *Histoire de l'isthme de Suez,* Paris, 1869.
Rochmonteix C., *Le Liban et l'éxpédition française en Syrie (1860—1861). Documents inédits du général A. Ducrot,* Paris, 1921.
Roederer, *La Syrie et la France,* Paris, 1917.
Salomon H., *L'ambassade du prince de R. Metternich à Paris,* Paris, 1931.
Schefer Ch., *La grande pensée de Napoléon III. Les origines de l'expédition du Mexique (1858—1862),* Paris, 1933.
Speiser E. A., *The United States and the Near East,* Cambridge, 1947.
«The Statesman's year-book», London, 1866.
Temperley H., *British policy towards parliamentary rule and constitutionalism in Turkey (1830—1914),* — «Cambridge historical journal», vol. 4, 1933, № 2.
Temperley H., *England and the Near East,* London, 1936.
Verneaut R., *L'industrie des transports maritimes au XIX siècle,* t. III, [S. a.].
Verney N. et Dambmann G., *Les puissances étrangères dans le Levant, en Syrie et en Palestine,* Paris—Lyon, 1900.
Vogüé Ch. M., *Les événements de Syrie,* Paris, 1860.
Vogüé Ch. M., *Syrie, Palestine, Mont Athos. Voyage aux pays du passé,* Paris, 1878.
Walpole S., *The life of Lord John Russel,* vol. I—II, London, 1891.
Zwiedinek von Südenhorst J., *Syrien und seine Bedeutung für den Welthandel,* Wien, 1873.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд аль-Кадер 109, 190, 191, 241
Абд аль-Малик Юсуф 96, 185
Абдул Азиз 11, 90
Абдул Меджид 8, 112, 199, 212
Абкариус Искандер 108, 111, 155, 230, 231
Абу аль-Малики, шейхи 53
Абу Лама 87
Абу Накид Насиф 83, 160
Абу Накид Юсуф 96, 185
Александр II 12, 33, 34, 37, 38, 41 135, 167
Али-бей 114
Али-паша 112, 160, 170, 175, 176, 178, 192, 199—201, 212
Альбен П. 204
Альберт, принц Саксен-Кобург-Готский, муж английской королевы Виктории 24, 220
аль-Акики Антун Дахир 87, 230
аль-Амад Хатар-бей 96, 97, 185
Анфантен Б.-П. 121
Апоньи 45
Аррико 157
Арсланы, друзские эмиры 53
Арслан Мухаммед 25, 185
Атраш Исмаил 99, 185
Ахмед Вефик 136, 140, 178, 179
Ахмед-паша 95, 107, 108, 111, 113, 114, 154
Ахмед-эфенди 95

Базили К. М. 80, 226, 227
Балабин В. П. 167
Барадай Я. 71
Барош 118
Бартелони 121
Бегер Г. 71, 77, 89, 96, 98, 102, 104, 111, 151, 157, 164, 188
Беер А. 248
Бейли Ф. 246
Бекер Р. 80
Беклар 173, 184, 185, 195
Белинский В. Г. 226
Белл Г. 246
Бенедетти В. 177
Бентиволио 79, 100, 105, 154, 188
Берг Н. В. 90, 184, 225
Бернсторфф А. 220
Бертран А. 173
Бешир Ахмед 105
Бешир Касим Шихаб 83
Бешир II Шихаб 83, 84, 116, 158 196
Беэн 229
Бийо О. 210
Бисмарк О. фон 9, 15, 37—39, 141, 147, 165, 166, 220, 250
Бодикур Л. 228, 237
Бонапарт Жером Наполеон, принц французский 32, 33, 168
Бонапарт Луи Наполеон, см. Наполеон III
Ботев Х. 188, 189
Бофор д'Опуль III. 148, 149, 152—156, 158, 160, 162—164, 190, 196, 207, 212
Бруннов Ф. И. 30, 41, 42, 45, 129, 132, 133, 137, 139, 140, 144, 172, 178, 180, 181, 182, 193, 197, 198, 214, 217
Будберг А. Ф. 19, 167
Бульвер Г. 127, 170, 176, 186, 193, 197—200, 207, 212
Буоль К. 14, 23
Бурбоны, династия французских королей 123
Буржуа Э. 238
Бурон Н. 236
Бутковский А. 58

Валевский Ф.-А. 16, 18, 19, 27, 36
Векбеккер 88, 105, 184
Верней Н. 237

Виктория, английская королева 30, 31, 220
Виктор Эммануил II 28, 136
Вильгельм, принц-регент прусский 9, 166
Вимеркати О. 177, 221
Виноградов В. Н. 16, 252
Вогоридес 198
Вогюэ Ш.-М. 91, 233
Вогюэ Э. 233
Вьель-Кастель Г. де 230

Гамелен Ф.-А. 125
Гацфельдт П. 19
Генон Ж. 122
Герлах Л. фон 9
Гизо Ф. 81
Гис А. 228
Гладстон У. 22, 44
Гобат 76
Гольц 167, 199, 200
Горчаков А. М. 11, 15, 32, 34, 36, 37, 39, 40, 43, 45—47, 134, 141, 144, 147, 165—168, 174, 181, 182, 189, 193, 194, 199, 200, 214, 217, 251
Горяинов С. М. 249, 250
Грехем У. 105, 106
Гюбнер И.-А. фон 18

Дамбманн Ж. 237
Дантю Э. 137
Дарази 70
Даримон А. 122
Дауд-паша 204
Дафферин Ф. 87, 160, 161, 163, 173, 183, 185—187, 188, 191—193, 198, 201, 207
Дебидур А. 41, 238
Делор Т. 236, 237
Джессап Г. 93, 103, 229
Джильбара Г. 79
Джонсон 188
Джумблаты, друзские шейхи 53, 82
Джумблат Саид 49, 85, 95, 96, 98, 99, 103, 105, 106, 185, 186
Донне Ф. 210
Дрио Э. 162, 234, 238
Дудышкин С. 225
Дюкро А. 82, 102, 155, 190, 197, 211, 227, 236
Дюкуссо Г. 58, 240
Дюма А. 22

Евгения, французская императрица 16, 25, 27
Ерофеев Н. А. 253

Жееин 125, 150
Желубовская Э. А. 122
Жером Наполеон см. Бонапарт Жером Наполеон
Жигарев С. 249
Жобен 108, 152, 233
Жонкиэр 235
Жуплен М. см. Нужам Булус
Журдан Л. 29
Жюльен 121

Заблоцкий-Десятовский А. П. 167, 249
Захир-эфенди 95

Исмаил Адель 101, 243
Исмаил-паша (Кмети Г.) 154, 157
Йорга Н. 248

Кавур К.-Б. 28, 43, 137, 177, 221
Карам Юсуф 74, 100, 101, 114, 156, 197
Кастельбажак 210
Кассим-бей 96
Катков М. Н. 224
Каули Г. 16, 18, 24, 25, 30, 35, 126—128, 136, 140, 142, 148, 156, 169, 175, 176, 178—180, 220
Керр М. 230
Кикано Наум 93
Киприсли-паша 40
Киселев П. Д. 19, 31, 33—37, 39, 41, 44, 45, 119, 123, 124, 126, 130, 133, 134, 136, 137, 140, 141, 143—145, 147, 165, 167, 169, 172, 178, 179, 180, 194, 207, 214, 215, 217, 249
Кларендон Д.-У. 7, 16—18, 24, 34
Краевский А. А. 225
Крамптон Дж. 40
Куза А. 20, 26

Лавалетт Ш.-Ж. де 34, 46, 177, 190, 199, 200, 209, 210
Ла Горс П. де 234, 240
Ламмен А. 236, 240, 243
Ланюс 109
Ларабюр 119
Ларошжаклен О. 210
Лебретон 118
Ленин В. И. 69, 216, 232, 233, 253
Ленорман Ф. 71, 91, 95, 108, 210, 227
Лессепс Ф. 21, 22, 23, 60
Лессепс Э. де 67
Лефрень Ж. 119, 121, 226
Лист Ф. 10

Лобанов-Ростовский А. Б. 44, 46, 96, 162, 193, 194, 198, 200, 205, 213
Лофтус А. 166
Луи Филипп 81, 100, 237
Луцкий В. Б. 82, 253
Луэ Э. 153, 155, 157, 187, 190, 207, 227
Людовик XIV 41, 72, 117, 173

Макеев 79, 107, 109, 110, 151, 164
Малмсбери Д.-Г. 19
Мантейфель О.-Т. 9, 15, 19
Марич С. 240
Маркс К. 7, 27, 29, 43, 65, 82, 83, 85, 91, 123, 137, 222, 231, 232, 253
Марриот Д. 80
Мартин Т. 24, 128, 220
Мартино А. 57, 240
Марун 69
Махмуд II 79
Мелитопольский Кирилл 79
Мендж А. 246, 247
Мериме П. 177
Меттерних К. фон 25, 84, 141
Меттерних Р. фон 25—27, 136, 178, 179, 239
Мешулам П. 95
Миллер А. Ф. 253
Миллер В. 244
Монди 209
Монталамбер III 122
Монтебелло Н.-А. де 133, 166, 167, 195
Морг 67
Морни Ш.-О. 167
Мур 69, 95, 96, 100, 104 105, 188
Муссабеки Ф. 110
Мусурус К. 170, 176, 192
Мутерд Р. 243
Мухаммед-ага 114
Мухаммед Али 79—81, 148
Мухаммед Саид 21
Мухин 88

Наккаш Никола 93
Наполеон I 24, 31, 173
Наполеон III, 4, 6, 8—11, 13, 14, 16—19, 23—33, 35—47, 91, 109—110, 112, 119—127, 129, 131, 132, 137, 139, 142, 144—147, 149, 165, 167, 171—173, 178, 180—182, 189, 190, 206, 209—216, 219—223, 227, 231—234, 236—239, 241—244, 246, 250, 252, 254—256
Нейпир Ч.-Д. 81, 120
Нейпир Ф. 193
Нигра К. 28, 43, 137, 221
Николай I 168
Ниэль А. 35
Новиков М. 90, 150, 156, 163, 184, 186, 189, 193, 194, 198, 217
Нольде Б. Э. 131, 166, 168, 250
Нордман Ф. Д. 134
Нужам Булус (Жуплен М.) 86, 146, 242
Нури 111
Нури-бей 185

Оливье Э. 122, 234
Осман-бей 99, 114
Осман 148, 211

Парьир В.-Дж. 54, 246
Пальмерстон Г.-Д. 7, 8, 16—18, 21, 22, 24, 25, 31, 32, 40—42, 44, 80, 81, 83, 92, 120, 127, 128, 130, 133, 135, 142, 143, 145—147, 169, 171, 180, 192, 199, 212—214, 219, 220, 222, 223, 232, 234, 245, 246, 248, 252, 255
Палюа 67
Паницци 177
Панталони Д. 221
Пассалья К. 221
Пелисье Ж.-Ж. 123
Перейра И. 121
Персиньи Ж.-Ж. 17, 41, 42, 45, 126, 128, 129, 142, 180, 221
Петкович К. Д. 71, 90, 227
Пий IX 124
Пикар Э. 122
Писемский А. О. 225
Портали 67, 101
Прево-Парандойль Л.-А. 222
Прокеш-Остен А. фон 15, 199, 200, 229
Пужад Э. 93, 118, 228
Пужуля Б. 90, 108, 118, 165, 210, 227
Пурталес 178
Пэнго А. 239

Раймонд Кс. 189
Рассел Д. 7, 30, 31, 40, 45, 126—129, 135, 137, 139, 146, 156, 165, 170, 174—176, 178, 180, 192, 197, 198, 208, 213, 214, 218
Рашдау Л. 220
Ревертера Ф. 141, 229
Ревуненков В. Г. 166, 252
Рейндорф К. 248
Рейсс 136

Ренувен П. 91, 241
Рехберг И.-Б. 25, 45, 175, 239
Рефусс 184
Рингхоффер К. 221
Ристельысбер Р. 235
Робинсон 75
Родерер 235
Ростан А. 64
Рошмонте К. 236
Руссо П. 164, 234
Рыжова Р. И. 33, 251

Саломон А. 25, 239
Сеймур Д.-Г. 17
Сен-Марк Жирарден 117, 125, 210, 212, 222
Сен-Симон А. 121
Скальковский К. 250
Смилянская И. М. 60, 226, 251
Сомерсет 32
Спейзер Э.-А. 247
Стрэтфорд-Рэдклифф Ч. де 8, 15, 84, 128, 129, 145, 199, 208
Сулейман-паша 148
Сульт Н. 81

Талабот 121
Тальхук Хусеин 96, 185
Тарле Е. В. 253
Татищев С. С. 249
Тахир-паша 185
Темперли Г. 83, 84, 199, 244, 245
Теста И. 230
Тобиа Аун 93, 105, 196
Тувенель Э.-А. 15, 17, 27, 28, 34, 35, 37, 39, 40, 44, 45, 124—127, 135, 136, 138, 140—142, 145, 147—149, 156, 165, 167—169, 171—174, 176, 178—181, 183, 194, 195, 196, 199, 200, 206—210, 213, 220
Туш де 236
Тьер А. 80, 81, 117

Уркарт Д. 49, 229
Успенский Порфирий 70, 78, 227
Утрей 109

Фавр Ж. 122
Фараджалла М. 93
Фарли Л. 6, 7, 62, 65, 68, 69, 228
Фейгина Л. А. 33, 251
Фергюссон Д. 120, 208
Фицджеральд У. 172
Фицтум Эккштедт К. фон 24, 34, 229
Флао О. де 31, 180, 220
Флери 230
Фразер 158
Франц Иосиф 26, 27, 166, 167
Фридрих Вильгельм IV 9
Фуад Махмед-паша 11, 18, 86, 112—114, 125, 132, 138, 143, 146, 148, 152—160, 162, 173, 184—187, 191, 197, 212, 229, 230
Фульд А. 167

Цвидинек Зюденхорст Ю. фон 248

Чернышевский Н. Г. 123
Черчиль Ч. 95, 229

Хазин, маронитские шейхи 98, 152
Хаким 70
Халберг Ч., 14, 247
аль-Халеби Абдаллах 95, 110, 114
Хбейш, маронитские шейхи 98
Хуршид-паша 95—97, 100—102, 104, 105, 185
Хури Ханна 79
Хэнсард К. 219

Шарль-Ру Ф. 47, 167, 238, 239
Шахин Таниус 97
Шевалье М. 121
Шелтема Д. 231
Шеридан 129
Шестаков И. А. 134, 150, 153, 155, 163, 218
Шефтсбери А. 145
Шихаб, эмиры 84, 98, 152, 189, 196, 197, 205, 206
Шихаб Меджид 196—199, 205
Шлейниц А. фон 39, 166, 167, 175

Эдвардс Р. 228
Энгельс Ф. 7, 10, 29, 82, 92, 122, 231, 232, 253
Эмери М., 121, 190, 240, 241

Язбек Юсуф 230

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Глава I. Европейские державы и восточный вопрос (1856—1860 гг.). 6
Глава II. Сирия и Ливан как объект колониальной экспансии в середине XIX в. 48
Глава III. Междоусобная борьба 1860 г. в Ливане и Сирии и провокационная политика европейских держав 86
Глава IV. Подготовка Сирийской экспедиции. Парижская конференция держав 1860 г. 116
Глава V. Французские колонизаторы в Сирии. Продление срока экспедиции 148
Глава VI. Дипломатическая борьба вокруг проекта политического устройства Ливана. Эвакуация французских войск из Сирии . 183
Обзор источников и литературы 217
Заключение 255
Библиография 258
Указатель имен 266

Марина Тихоновна Панченкова

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И СИРИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
1860—1861 гг.

Утверждено к печати
Ученым советом историко-архивного института

*

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *Е. Г. Григорьева* и *А. В. Попкова*

*

Сдано в набор 10/III 1966 г.
Подписано к печати 31/V 1966 г.
А-01494. Формат 60×90¹/₁₆
Печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 17,36.
Тираж 1200 экз. Изд. № 1596
Зак. 430. Индекс $\frac{1\text{-}11\text{-}1}{47\text{-}66}$
Цена 1 р. 14 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука».
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4